

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 1 (21)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 1 (21)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2016**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почётный работник общего образования Российской Федерации
Рябов В.В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д.Л.	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В. главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Викулова Л.Г. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А.И. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Афанасьева О.В.	доктор филологических наук, профессор
Беляева И.А.	доктор филологических наук, профессор
Бубнова И.А.	доктор филологических наук, доцент
Вострикова О.В. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Геймбух Е.Ю.	доктор филологических наук, профессор
Джанумов С.А.	доктор филологических наук, профессор
Кирилина А.В.	доктор филологических наук, профессор
Курдюмов В.А.	доктор филологических наук, профессор
Матвеева И.И. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Радченко О.А.	доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)
Романова Г.И.	доктор филологических наук, доцент
Собянина В.А.	доктор филологических наук, профессор
Сулейманова О.А.	доктор филологических наук, профессор
Тарева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор
Федянина В.А. ответственный секретарь	кандидат исторических наук, доцент
Чупрына О.Г.	доктор филологических наук, профессор
Языкова Н.В.	доктор педагогических наук, профессор
Ярыгина Е.С.	доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Барит К.А.* «Сокровенный человек» Андрея Платонова:
Фома Пухов и его научно-технические сведения 8
- Матвеева И.И.* О двух редакциях повести А.П. Платонова
«Город Градов»: к творческой истории произведения 16
- Дубинина Т.Г.* Мифологема птицы в «таинственных» повестях
и «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева 27
- Мусукаева А.Х., Мякинина О.М.* Жанрово-стилевые особенности
автобиографической повести А. Кешокова «Вид с Белой горы» 34

Русистика. Германистика. Романистика

- Бочкарёв А.Е.* К определению концепта «совесть» в русской
языковой картине мира 41
- Борисова Е.С.* Формальные способы устранения голоса нарратора
в итальянской художественной прозе 54

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Борисова Е.Г.* Лексическая номинация в информационных войнах 61

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Бурмистрова К.А., Ступникова Л.В.* Мультимедийная презентация
на иностранном языке как форма организации самостоятельной
работы студентов юридического профиля 66
- Лучина Е.В.* Генезис понятия «компенсаторная компетенция»
в междисциплинарном пространстве психолого-педагогических
и лингводидактических исследований 75

Слово молодым учёным

- Семакина А.А.* Гамлетовская грань в структуре женских образов в романах И.А. Гончарова 80
- Калинина К.С.* Черты модернизма в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» 87
- Тырина Е.Р.* Неожиданное издание (Б. Филиппов о книге А.А. Ахматовой) 94
- Гордеева О.М.* Личное местоимение «ты» и функционально-семантическое поле адресованности в лирике И.А. Бунина 100
- Бушинева Т.В.* Предсмертные песни *дзисэй* в контексте древней японской поэзии 107
- Морозов И.В.* Философско-психологическая проблематика пьесы Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями» 113
- Павлова А.Д.* К проблеме классификации фразовых частиц в миньнаньском диалекте китайского языка 119
- Подрезова Д.В.* История и ценности современной России в прецедентных именах 125

Научная жизнь

- Викулова Л.Г., Рянская Э.М.* Человек и язык сквозь призму времени (традиции и новые парадигмы): информационно-аналитический обзор материалов конференции «Человек. Язык. Время» (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.) 131
- Райкова И.Н.* Международная научная конференция «XIV Виноградовские чтения. Текст, контекст, интертекст» (МГПУ, 16–17 октября 2015 г.) 137
- Поздравляем с юбилеем Светлану Яковлевну Ромашину 143

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2016, № 1 (21)..... 145**

- Требования к оформлению статей 150**

CONTENTS

Literary Science

- Barsht K.A.* «The Innermost Man» by A. Platonov:
Foma Pukhov and His Scientific and Technical Data..... 8
- Matveeva I.I.* On Two Editions of the Novel «Gorod Gradov»
by A.P. Platonov: the Creative History of the Work 16
- Dubinina T.G.* The Mythologem of the Bird in the «Dream» Tales
and «Prose Poems» by I.S. Turgenev 27
- Musukaeva A.Kh., Myakinina O.M.* Genre and Stylistic Features
of the Autobiographical Novel by A. Keshokov «A View
from the White Mountain» 34

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Bochkaryov A.E.* On the Content of the Concept «Conscience»
in the Russian Linguistic Image of the World 41
- Borisova E.S.* Formal Modes of Cancelling the Narrator's Voice
in the Italian Fictional Prose..... 54

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Borisova E.G.* Lexical Nomination in Information Wars 61

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Burmistrova K.A., Stupnikova L.V.* Multimedia Presentation
in a Foreign Language as a Form of Independent Learning
of Law Students 66
- Luchina E.V.* The Genesis of the «Compensatory Competence» Notion
in the Cross-disciplinary Space of Psychological, Pedagogical
and Linguodidactic Studies 75

Young Scientists' Platform

<i>Semakina A.A.</i> The Hamlet Image-Plane in the Structure of Female Characters in I.A. Goncharov's Novels.....	80
<i>Kalinina K.S.</i> Modernistic Features in the Novel «The Gold Crosses» by I.A. Novikov	87
<i>Tyrina E.R.</i> An Unexpected Edition (B. Filippov about a Book of A.A. Akhmatova).....	94
<i>Gordeeva O.M.</i> The Personal Pronoun «You» and the Functional-semantic Field of the Address in I.A. Bunin's Lyrics	100
<i>Bushneva T.V.</i> Death Poems of <i>Jisei</i> , in the Context of Ancient Japanese Poetry.....	107
<i>Morozov I.V.</i> Philosophical and Psychological Problems in J.-P. Sartre's Play «No Exit».....	113
<i>Pavlova A.D.</i> On the Problem of Classification of Phrasal Particles in Southern Min (Min Nan) Dialect of the Chinese Language.....	119
<i>Podrezova D.V.</i> The History and Values of Modern Russia in Allusive Names.....	125

Scholarly Events

<i>Vikulova L.G., Ryanskaya E.M.</i> Man and Language through the Prism of the Time (Traditions and New Paradigms): an Information and Analytical Survey of the Materials of the Conference «Man. Language. Time» (Moscow City University (MCU), 16–18 September, 2015).....	131
<i>Raykova I.N.</i> International XIV Vinogradov Scientific Conference «Text. Context. Intertext».....	137
Our Birthday Greetings to Svetlana Yakovlevna Romashina.....	143

«MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2016, № 1 (21)	145
--	-----

Style Sheet.....	150
------------------	-----

К.А. Баршт

«Сокровенный человек» Андрея Платонова: Фома Пухов и его научно-технические сведения¹

Статья представляет собой научный комментарий к повести А. Платонова «Сокровенный человек». Герой произведения Фома Пухов проходит экзамен на технической комиссии, воспроизводя ряд терминов и имён, которые аллюзивно связаны с содержанием книг научно-популярной серии «Природа и культура» (1923–1928).

Ключевые слова: аллюзии; реминисценции; паровая машина; двигатель внутреннего сгорания; Дж. Уатт.

О склонности героев произведений А.П. Платонова, доморощенных инженеров и изобретателей, к преобразованию или спасению «вещества существования» написано к настоящему моменту немало; работа Н.М. Малыгиной «Образ инженера в творчестве Андрея Платонова» избавляет нас от необходимости делать обзор соответствующей литературы [8: с. 32–34]. Инженерные проекты и весь круг представлений об устройстве мира, свойственный героям-философам писателя, были связаны с доктриной Пролеткульта, требовавшей от полуграмотных «пролетариев» быстрого и бесповоротного обращения в высококвалифицированных инженеров. С этим социально-политическим замыслом было связано наличие в стране большого количества всевозможных «технических комиссий», чаще всего профанировавших эту идею, пусть и заведомо утопическую. Экзаменам подвергали «бывших слесарей», а ныне — преобразователей Вселенной, на предмет соответствия их знаний текущему состоянию научно-технического прогресса. Небывалую известность приобрела в этих условиях научно-популярная литература, посвящённая великим открытиям в области науки и техники, в частности, книги серии «Природа и культура».

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект «Научно-техническая революция конца XIX – начала XX вв. в книжной серии “Природа и культура” (1924–1928) и естественнонаучные реалии в творчестве А.П. Платонова». № 14-04-00524.

«Серия популярных очерков по всем отраслям знания» выпускалась Государственным издательством в Москве и Ленинграде с 1923 по 1932 год, проектом предполагалось дать «в доступной, но строго научной форме ясное представление о достижениях науки во всех отраслях естествознания, медицины, техники и сельского хозяйства» [11: с. 10]. В книгах серии оказались отражены практически все направления естественной науки первой четверти XX века, эти издания стали учебными пособиями в самообразовании бывших безграмотных пролетариев, в рамках своей «самодельности» возрастающих до уровня философов и учёных, «преобразователей Вселенной».

Главный герой повести А. Платонова «Сокровенный человек» Фома Пухов при приёме на работу в качестве судового механика в Новороссийске проходит собеседование на комиссии, наподобие той, которая была описана в повести «Город Градов» [1: с. 131], «которая якобы проверяла знания специалистов»: «Его спросили, из чего делается пар. — Какой пар? — схитрил Пухов. — Простой или перегретый? — Вообще, пар! — сказал экзаменующий начальник. — Из воды и огня! — отрубил Пухов. <...> — Какие вы знаете двигатели? — Компаунд, Отто-Дейц, мельницы, пошвенные колеса и всякое вечное движение!» [2: с. 37].

Справедливо утверждение наличия здесь смеховой ситуации. Однако нельзя также не заметить, что набор имён и терминов выглядит как список ключевых слов к истории создания и функционирования тепловых двигателей. Среди нескольких книг, посвящённых этому вопросу, с которыми мог познакомиться писатель в первую четверть XX века, выделяется своей содержательностью и популярностью книга известного историка науки и техники Эдварда Кресси «Современная машина. Тепловые двигатели». В книге, освещающей практически весь спектр тепловых двигателей, существовавших к 20-м годам XX века, есть глава «Перегретый пар», в которой объясняются существенные различия между обычным и перегретым паром в функционировании парового двигателя. Преимущества последнего проявляются в том, что «наилучшее <...> действие пара достигается, если температуру его поднять выше той, которую он приобретает в котле, т. е. если пар, перед тем как он поступит в машину, перегреть еще градусов на 40–150 Цельсия» [6: с. 101–102]. Описанию конструктивных особенностей машин, работающих «с паром высокого давления или с перегретым паром» [6: с. 101–111], посвящены и иные разделы книги Кресси [6: с. 108, 143, 144, 145, 164, 252 и др.]. То, что Фома Пухов задаёт экзаменатору уточняющий вопрос о «перегретом» паре, показывает, что он (в отличие от экзаменатора) имеет представление о технических особенностях конструкции современного парового двигателя.

Такой же характер имеет упомянутое героем «Сокровенного человека» слово «компаунд». Английское слово compound (соединение, состав, смешивание) дало имя другой технической особенности паровых двигателей: многоступенчатому распределению энергии пара в паровой машине высокого давления, конструкции, разработанной в 1804 году английским инженером А. Вульфом и широко применявшейся в промышленности и на транспорте вплоть

до 1920-х годов. Смысл этого изобретения сводился к тому, чтобы снизить потери энергии пара в цилиндрах машин высокого давления, где падение температуры происходит пропорционально его расширению. Компаундная паровая машина высокого давления предполагает последовательное использование высокотемпературного пара в цилиндре высокого давления, после чего отработанный пар с более низкой температурой и давлением поступает в цилиндр низкого давления, также производя полезную работу. Потенциал устройства объясняется в книге Кресси следующим образом: «существует предел, дальше которого нежелательно увеличивать размеры цилиндра, а так как котлы дают теперь пар столь высокого давления (а высокое давление выгоднее всего), что размера цилиндра недостаточно для использования всего процесса расширения, то предпочитают производить это расширение в двух или даже нескольких цилиндрах, умеренных размеров. Это и есть идея машины “Компаунд”» [6: с. 144]. Эта схема существенно повышала КПД паровых машин, и к началу XX века подобные конструкции получили широкое распространение на промышленных предприятиях, особенно на флоте, в конструкции двигателей пароходов. В книге Кресси отмечено, что такого рода машины строятся, во-первых, «из-за необходимости в экономии топлива, о чем уже упоминалось выше, а во-вторых — из-за экономии пресной воды» [6: с. 268].

Говоря об Отто-Дейце, Пухов переключается от парового двигателя к двух- и четырёхтактному двигателю внутреннего сгорания, новому, и, как выяснилось позже, главному тренду техники XX века. Первая версия такого двигателя была создана немецким инженером Н.А. Отто (нем. Nicolaus August Otto; 1832–1891) в мастерской кёльнского мастера Цонза в конце 1862 года. Для совершенствования устройства в 1864 году Отто привлёк своего коллегу и соотечественника Эйгена Лангена (Eugen Langen, 1833–1895), вместе они основали фирму «N.A. Otto & Cie»; совместные усилия привели к созданию газового атмосферного двигателя, который был экспонирован на Всемирной выставке 1867 года в Париже и в жёсткой конкуренции с дюжиной подобных устройств завоевал там признание и золотую медаль.

Об этом событии в книге Кресси говорится следующим образом: «В 1867 году появился на Парижской выставке новый газовый двигатель, так называемая атмосферная машина Отто — Лангена, совершенно отличная от машины Лемуара как по внешнему виду, так и по способу действия. <...> При взрыве, происходящем тогда, когда поршень находится в нижнем положении, поршень взлетает вверх, не производя давления на вал. Вследствие расширения газов и охлаждения их водою (окружающей цилиндр), давление внутри цилиндра падает и делается ниже атмосферного. Вследствие этого и тяжести поршня начинается движение его вниз, причем собачка действует на храповик и заставляет вращаться вал. Таким образом, только один ход поршня является рабочим; во время нерабочего хода энергия доставляется маховиком» [6: с. 177].

После успеха на Всемирной Парижской выставке компаньоны получили массу заказов на строительство таких машин для производства. Для выполнения

заключённых в Париже контрактов был построен завод по производству двигателей в городе Дейц, под Кёльном, тем самым было положено начало всемирно известным двигателям с брендом «Отто-Дейц». Производство постоянно расширялось, и в 1872 году фирма получила название «Акционерное общество газомоторной фабрики Отто-Дейц» (Gasmotoren-Fabrik Deutz AG); для организации поточного производства был приглашён инженер Готтлиб Вильгельм Даймлер (нем. Gottlieb Wilhelm Daimler, 1834–1900), который занялся автомобильным вариантом разработанной Отто конструкции. Даймлер стал подбирать штат для новой компании, в числе набранных им инженеров оказался А.В. Майбах (нем. August Wilhelm Maybach, 1846–1929), что в конечном счёте привело в 1889 году к созданию первого автомобиля, снабжённого бензиновым двигателем внутреннего сгорания, что стало основой для появления ныне существующих автомобильных компаний Mercedes и Maybach. Кресси пишет об этом событии, происшедшем в 1884 году: «В этом именно году Готтлиб Даймлер, бывший прежде управляющим завода газовых двигателей Отто в Германии, запатентовал свой бензиновый двигатель, ставший родоначальником всех бензиновых двигателей нашего времени» [6: с. 199–200].

Продукция фирмы «Отто-Дейц» была передовой к началу XX века, а двигатель Отто и Лангена — лучшим двигателем внутреннего сгорания своего времени. Строя двигатели для нужд промышленности, Отто и его сподвижники работали над изобретением принципиально новой конструкции, четырёхтактного двигателя внутреннего сгорания, который стал едва ли не самым популярным техническим устройством XX века. В 1876 году он предложил версию «бесшумного» двигателя, который к началу XX века получил название «двигатель Отто», а четырёхтактный цикл ДВС — «цикл Отто». Эта новая конструкция также была удостоена золотой медали на Всемирной выставке в Париже 1878 года. О создании новой конструкции, четырёхтактного двигателя, в книге Кресси говорится так: «д-р Отто построил на заводе в Дейце (предместье города Кёльна) гораздо более совершенную форму газовой машины, ставшей прародительницей современных машин» [6: с. 179].

К концу века было выпущено несколько сот тысяч таких двигателей, а компания Отто и Лангена имела к этому времени наименование Klockner-Humboldt-Deutz AG. Двигатели Отто, с рядом усовершенствований, стоят на всех автомобилях, выпускаемых в современном мире; его компания Klockner-Humboldt-Deutz (KHD), существовавшая во время написания повести «Сокровенный человек», сегодня известна как Deutz AG. Выдающееся значение изобретения Отто для технического прогресса человечества специально отмечено в книге Кресси: «В течение целого столетия двигатель внутреннего сгорания являлся камнем преткновения для людей, изощренных в технической изобретательности. <...> стоило только инженеру Отто изобрести газовый двигатель, как дальнейшие события в этой области помчались со стремительной быстротой» [6: с. 222].

Почему же Фома Пухов в одном ряду с изобретением четырёхтактного ДВС упомянул «мельницы»? Видимо, герой Платонова намекает на первую

паровую машину, построенную шотландским инженером Дж. Уаттом (англ. James Watt; 1736–1819), положившую начало промышленной революции в Европе. Согласно данным Кресси, первую «паровую машину двойного действия со всеми улучшениями Уатт установил в 1785 году на Альбионской мукомольной мельнице» [6: с. 57]. Значение изобретения Уатта заключается в том, что ранее «не было, вообще, паровых машин, были лишь паровые насосы, правда, полезные механизмы, но ограниченные в своем применении. Англия была в то время во всех отношениях страной земледельческой, но увлечённая двигательной силой паровой машины в промышленном направлении своего экономического развития, она в период наполеоновских войн превратилась в фабрику для всего мира. <...> паровая машина Уатта откачивала воду, подымала из недр уголь и железо и приводила в действие мельницы, фабрики и заводы»; «из всех людей, которые участвовали в создании этой эпохи мировой истории, величайшим был Джеймс Уатт» [6: с. 59–60].

В сведениях Фомы Пухова есть ещё два пункта: «пошвенные колеса» и «всякое вечное движение». В этом заключительном аккорде своего историко-технического повествования Пухов, по воле Платонова, объединяет в одно целое два понятия: простое и сложное, архаичное и находящееся в центре внимания современной теоретической физики.

Пошвенным колесом именовалась древняя конструкция двигателя водяной мельницы, в которой предусматривалась прямая форма лопаток, расположенных радиально и образующих последовательный ряд сосудов («ковшов»), идущих по окружности мельничного колеса. По специальному искусственному руслу вода подходит к нижней части пошвенного колеса, оказывает давление на лопатки и заставляет его вращаться. Таким образом обычно были устроены деревенские водяные мельницы.

Можно предположить, что, говоря о «вечном движении», Платонов устами своего героя Пухова намекает на известную монографию Д.К. Максвелла «Материя и движение», вышедшую в 1924 году в упомянутой серии «Природа и культура» и посвящённую физическим параметрам и формам движения мировой материи. Особое внимание привлекает здесь вторая глава книги, трактующая движение как форму существования мировой субстанции, включая такие аспекты, как отличие движения от перемещения (относительного и поступательного), свойства движения (качество непрерывности), представление о скорости, постоянной и переменной, о её отличии от ускорения, о свойстве ускорения и др. [7: с. 13–22].

Следует отметить также, что категории материи и движения в европейской философской традиции постоянно находились в тесной связи, например, с философией Р. Декарта². Слова о «вечном движении» могут относиться

² Физические процессы в Мироздании сводились у Декарта к «механическому движению материи»; существует легенда, согласно которой он заявлял: «Дайте мне материю и движение — и я вам построю весь мир» [9: с. 190, 194].

и к эйнштейновской теории относительности, утверждавшей вместо «абсолютного движения», свойственного ньютоновской физической картине мира, движение относительное, напрямую связанное с тяготением и определённой точкой отсчёта [10: с. 16–18]. Со ссылкой на А. Эйнштейна, «вечным движением материи» обосновывал свою «организационную науку» А. Богданов [4: с. 107], а также В.И. Вернадский, чьи концепции хорошо были известны Платонову [3: с. 319–327]. «Теории эфира», глубоко интересовавшей Платонова, посвящена монография Л. Гретца «Эфир и теория относительности» (М.: ГИЗ, 1924), эта концепция обычно связывалась с представлением о «вечном движении», вне зависимости от наличия в ней «точки отсчёта» или её отсутствия³. Идею «вечного движения» поддерживали и классики марксизма, например, В.И. Ленин, согласно взглядам которого мир характеризуется диалектическим, имеющим имманентный характер самодвижением⁴.

Сохраняя идеологическую и преемственную связь с другими героями-философами Платонова, Фома Пухов демонстрирует особенности восприятия современниками научно-технического прогресса рубежа XIX и XX веков. Писатель, вне всякого сомнения, был хорошо знаком с историей развития механики и создания устройств, преобразующих иные виды энергии в механическую, так как в качестве инженера-изобретателя разрабатывал проекты подобных механизмов.

Библиографический список

Источники

1. Платонов А. Город Градов // Платонов А.П. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2: Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Время, 2009. 560 с.
2. Платонов А.П. Сокровенный человек // Платонов А.П. Счастливая Москва: Повести; Рассказы; Лирика. М.: Гудьял-Пресс, 1999. 590 с.

Литература

3. Барит К.А. Платонов и Вернадский: неслучайные совпадения // «Страна философов» А. Платонова. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 319–327.
4. Богданов А. Принцип относительности с организационной точки зрения // Теория относительности Эйнштейна и ее философское истолкование. М.: Мир, 1923. С. 101–122.
5. Деборин А. Гегель и диалектический материализм (вступ. статья) // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 1: Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. XI–СIII.
6. Кресси Э. Современная машина. Тепловые двигатели / пер. с англ. М.С. Горфинкеля. Л.: Госиздат, 1924. 303 с. (Природа и культура. Кн. 9).

³ Описание Космоса как движущегося эфира содержится в популярных в 1920-е годы работах австрийского физика М. Шлика [10: с. 9, 11].

⁴ Согласно историко-материалистической концепции в материи скрыт внутренний творческий потенциал, отсюда эволюция обретает творческий характер, обеспечивая восхождение форм или ступеней жизни от низших к высшим [5: с. ХCV–ХCVI].

7. Максвелл Д.К. Материя и движение / прим. и дополн. Дж. Лармора; пер. с англ.; под ред. Н.Н. Андреева. М.: Госиздат, 1924. 143 с. (Природа и культура. Кн. 7).

8. Малыгина Н.М. Образ инженера в творчестве Андрея Платонова (изменение восприятия и трактовки) // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2012. № 1 (8). С. 32–42.

9. Цейтлин З. Теория относительности А. Эйнштейна и диалектический материализм // Теория относительности и материализм: сб. ст. Л.; М.: Госиздат, 1925. 280 с.

10. Шлик М. Время и пространство в современной физике / пер. с нем. П. Юшкевича // Теория относительности Эйнштейна и её философское истолкование: сб. ст. М.: Тов. Мир, 1923. С. 4–56.

Справочные и информационные издания

11. Библиотека естествознания. Сер. науч. книг: I. Современные проблемы естествознания. II. Классики естествознания. III. Природа и культура. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 10–12.

References

Istochniki

1. Platonov A. Gorod Gradov // Platonov A.P. Sobr. soch.: v 8 t. T. 2: Efirny'j trakt: Povesti 1920-x – nachala 1930-x godov. M.: Vremya, 2009. 560 s.

2. Platonov A.P. Sokrovenny'j chelovek // Platonov A.P. Schastlivaya Moskva: Povesti; Rasskazy'; Lirika. M.: Gud'jal-Press, 1999. 590 s.

Literatura

3. Barsht K.A. Platonov i Vernadskij: nesluchajny'e sovpadeniya // «Strana filosofov» A. Platonova. Vy'p. 5. M.: IMLI RAN, 2003. S. 319–327.

4. Bogdanov A. Princip odnositel'nosti s organizacionnoj točki zreniya // Teoriya odnositel'nosti E'jnshtejna i ee filosofskoe istolkovanie. M.: Mir, 1923. S. 101–122.

5. Deborin A. Gegel' i dialekticheskij materializm (vstup. stat'ya) // Gegel' G.V.F. Sochineniya. T. 1: E'nciklopediya filosofskix nauk. Ch. 1. Logika. M.; L.: Gosizdat, 1929. S. XI–CIII.

6. Kressi E'. Sovremennaya mashina. Teplovy'e dvigateli / per. s angl. M.S. Gorfinkelya. L.: Gosizdat, 1924. 303 s. (Priroda i kul'tura. Kn. 9).

7. Maksvell D.K. Materiya i dvizhenie / prim. i dopoln; Dzh. Larmora; per. s angl.; pod red. N.N. Andreeva. M.: Gosizdat, 1924. 143 s. (Priroda i kul'tura. Kn. 7).

8. Maly'gina N.M. Obraz inzhenera v tvorchestve Andreye Platonova (izmenenie vospriyatiya i traktovki) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2012. № 1 (8). S. 32–42.

9. Cejtilin Z. Teoriya odnositel'nosti A. E'jnshtejna i dialekticheskij materializm // Teoriya odnositel'nosti i materializm: sb. st. L.; M.: Gosizdat, 1925. 280 s.

10. Shlik M. Vremya i prostranstvo v sovremennoj fizike / per. s nem. P. Yushkevicha // Teoriya odnositel'nosti E'jnshtejna i eyo filosofskoe istolkovanie: sb. st. M.: Tov. Mir, 1923. S. 4–56.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Biblioteka estestvennika. Ser. nauch. knig: I. Sovremenny'e problemy' estestvoznaniya. II. Klassiki estestvoznaniya. III. Priroda i kul'tura. M.; L.: Gosizdat, 1927. S. 10–12.

K.A. Barsht

**«The Innermost Man» by A. Platonov:
Foma Pukhov and His Scientific and Technical Data**

The paper comments on the novel by A. Platonov «The Innermost Man» by A. Platonov. The hero of this work Foma Pukhov takes an exam at a technical commission, reproducing some terms and names that are allusively related to the contents of a general science books-series «Nature and Culture» (1923–1928).

Keywords: allusions and reminiscences; steam engine; internal combustion engine; J. Watt.

И.И. Матвеева

О двух редакциях повести А.П. Платонова «Город Градов»: к творческой истории произведения

В статье рассматриваются различия двух редакций повести «Город Градов»: объясняются причины использования многообразных шрифтов в редакции 1927 года и отказа от визуализации текста в редакции 1928 года, даётся научный комментарий усложнённой знаковой системы произведения.

Ключевые слова: А.П. Платонов; «Город Градов»; П.Н. Черменский; текстология; неклассическая сатира.

В издательской практике писатели порой сталкиваются с необходимостью сокращать свои произведения, изымать из них малые или большие фрагменты. Иногда это приводит к изменению смысла вещи, созданию новых вариантов и даже редакций. Особенное давление со стороны цензуры испытывали писатели советского периода. Не стал исключением и А.П. Платонов, чьи творения постоянно подвергались редакционной правке.

Повесть «Город Градов» была впервые опубликована в сборнике «Епифанские шлюзы» в 1927 году. При жизни Платонова она издавалась ещё дважды: в литературно-художественном сборнике «Красная панорама» (1928) и авторском сборнике «Происхождение мастера» (1929). Текстологический анализ произведения дан в книге Н.В. Корниенко «История текста и биография Платонова» [9] и в сборнике ИРЛИ РАН «Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы» (2008) [11], однако белые пятна в истории текста повести по-прежнему остаются, что продиктовало необходимость настоящей статьи, цель которой — объяснить причину трансформации знаковой системы произведения, движения от усложнённости первой редакции к простоте второй.

При сравнении редакций повести в сборнике «Епифанские шлюзы» и журнале «Красная панорама» становится очевидной разница в их графическом оформлении. В первом издании использованы многообразные шрифты и довольно изысканные способы выделения некоторых фрагментов текста (рис. 1–2), тогда как во второй редакции визуальный ряд практически не используется.

С какой целью в первой редакции использованы многообразные способы оформления фрагментов, которые никогда не повторяются и воспринимаются либо как некая игра, либо как специфическое конструирование печатного текста? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим наиболее характерные варианты графического начертания некоторых отрывков повести.

Шмаков кипел благородством невысказанных открытий. Он хотел выступить перед Бормотовым и прочими на свою сокровенную тему:



Именно так он хотел переименовать свои «Записки государственного человека».

Рис. 1. Фрагмент повести

Шмаков через год умер от истощения на большом социально-философском труде:

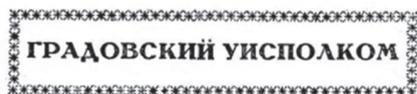


Рис. 2. Первая страница рукописи Шмакова

Первый способ создания визуального ряда — это *помещение фрагмента в рамку*. Так выделены вывески учреждений, названия различных документов и т. д. Коррелятивной парой являются две вывески, одна из которых открывает, а вторая завершает тему борьбы градовских чиновников за главенство в регионе: «Градовский уисполком», «Градовский сельсовет» (рис. 3–4).

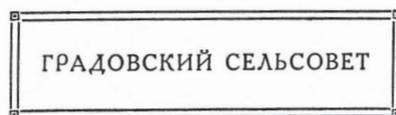
— А воп он город и есть! — ответит ему возчик и укажет на тот же двухэтажный дом старинной стройки.

На доме том висит вывеска:



На краю базарной площади стоят еще несколько

Бормотов жив и каждый день нарочно гуляет перед домом, где раньше помещался уисполком. Теперь на этом доме висит вывеска:



Но Бормотов не верит глазам своим.

Рис. 3. Вывеска 1

Рис. 4. Вывеска 2

Примечательно, что обе таблички висят на одном и том же доме, но в разное время. Первая вывеска более богатая, что подчеркнута полужирным шрифтом и нарядной окантовкой; в финале повести здание бывшего уисполкома отмечено лишь небольшой табличкой (рис. 4), скромность которой обозначена с помощью графики: полужирный шрифт снимается, узорная окантовка заменяется простой, неброской. Сюжетно подобная метаморфоза объясняется тем, что волевым решением Москвы статус градовского управляющего органа понижается. Соответственно меняется и антураж учреждения.

Во второй редакции уездному исполнительному комитету возвращён статус губернского исполкома. При этом повышение ранга учреждения влекло за собой повышение градуса конфликта, который из местного превращался в государственный [9: с. 71]. Однако в финале повести градовский губисполком, как и в первой редакции, «разжалован» в сельский совет. Любопытно, что в редакции 1928 года Платонов восстановил первоначальный идейный смысл произведения, запечатленный в черновых вариантах, где речь идёт о борьбе губернских городов за статус головного во вновь создаваемой области и о жёстком решении Москвы. Конфликт губернских городов не был выдуман Платоновым. К 1928 году завершилась работа по созданию крупнейшей Центрально-Черноземной области (ЦЧО), в состав которой вошли Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии. Формирование новой территориально-административной единицы сопровождалось борьбой за главенство, не закончившейся и после выхода постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 года, официально закрепившего новую административную единицу. Вот почему данный сатирический намёк был далеко не безобиден и изъят редактором Г.З. Литвиным-Молотовым при подготовке к печати сборника «Епифанские шлюзы». Однако как только у Платонова появилась возможность вернуться к первоначальному замыслу, он не преминул ею воспользоваться.

В конце 1926 – начале 1927 года (времени создания повести) Платонов активно формировал собственный стиль, во многом основанный на приёме затруднённого восприятия текста и восходящий к экспериментам левого искусства (В. Шкловский). Платонов знал, что его произведения сложны для читателя, но сознательно шёл на риск⁵. Он буквально конструировал художественную ткань «Города Градова», используя огромный «подручный материал»: собственный инженерный опыт, политические и бюрократические документы того времени, научно-популярные статьи, интертекстуальные отсылки к литературным произведениям и пр. Весь этот обширный материал органично слит воедино, переплавлен, пропущен через призму авторской иронии и, на первый взгляд, не расчленим. Но Платонову была важна активная рецепция читателя, поэтому он дал ему возможность «зацепиться» взглядом за отдельные (важные) места произведения.

⁵ В январском письме к жене из Тамбова 1927 года Платонов поделился: «Вот — “Епифанские шлюзы”. Я написал их в необычном стиле, отчасти славянской вязью — тягучим слогом. Это может многим не понравиться» [1: с. 465].

Большинство названий документов, заключённых в редакции 1927 года в рамки, загромождены труднопроизносимыми оборотами, чиновничьими штампами (рис. 5–6):



Рис. 5. Документ 1



Рис. 6. Документ 2

Тонко чувствующий стиль Платонов вряд ли допустил бы в своём тексте тавтологию («*Проект... проектируемого градовского округа*») (здесь и далее в цитатах курсив мой. — И.М.). Поместив текст в рамку, он дистанцировался от написанного и одновременно акцентировал внимание на тяжёлом бюрократическом новоязе, неуклонно набирающем силу, проникающем в обыденную речь и названном М. Зощенко в рассказе 1925 года «обезьяньим языком».

Если названия документов в повести сложны для восприятия, то «*вырезки из газет*» (рис. 7) вполне читабельны и могли быть размещены непосредственно в тексте. Тем не менее Платонов выделил их, создав эффект «реальности», словно данный фрагмент целиком взят из газеты или журнала. Мы не можем ни утверждать, ни отвергать предположение о «заимствовании» Платоновым данного текста из какого-либо печатного издания: таких заметок в местной и центральной прессе в 1926 – начале 1927 года было великое множество, так как в январе 1927 года состоялся Всесоюзный съезд АВИАХИМ и внимание общественности было приковано к успехам советской авиации [6; 7; 12]. Важен сам факт визуальной отсылки к *подобного рода* публикациям, что создавало семантическую провокацию, иллюзию близости изображенного читателю.

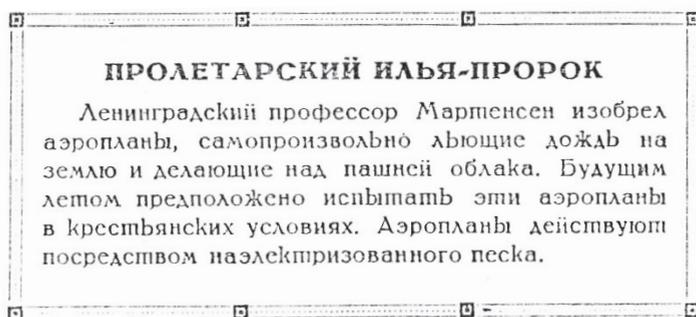


Рис. 7. Вырезка из газеты

Довольно большая часть графически выделенных Платоновым фрагментов организована с помощью *сдвига абзаца вправо*. Часто такой текст ещё в рукописи был дополнительно обозначен с помощью тире или кавычек. Таковы, например, микрсюжет о Микишке, летавшем на аэроплане перед Иваном Грозным (рис. 8), а также выдержки из бюрократических постановлений («выявить, использовать, учесть и в дальнейшем снова использовать внутренние умственные силы пролетариата...» и т. д.).

Один член эпой приемочной комиссии вслух
прочитал книгу, где говорится —
— как холоп Микишка сделал
аэроплан и лепал на нем перед
царем Иоанном Грозным —
чем убедил окончательно комиссию в скрытых
силах пролетариата и трудового крестьянства.

Рис. 8. Сдвиг абзаца 1

Визуализация подобных кусков повести также создаёт эффект цитатности, интертекстуальной переключки с какими-то до сих пор неизвестными, но реальными текстами, поданными в комическом ключе.

Например, приведённый на рис. 9 текст отсылает к творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина, а именно к его философствующим помпадурам и градоначальникам Козелкову, Бородавкину, Грустилову. Именно так, очевидно, следует воспринимать отрывки из труда главного героя повести Шмакова «Записки государственного человека» (рис. 9) и его изречения о работе чиновников: «Круг обязанностей каждого сотрудника очерчен недостаточно четко, служащие суетятся с малой пользой, в бумагах запер смыслом и скользкая бесплановая логика...» или «*волокита* есть умственное коллективное вырабатывание социальной истины, а не порок» [2: с. 132].

Два последних фрагмента — это также иронический отклик на антибюрократическую кампанию в газетах. Ярким сторонником борьбы с бюрократизмом и волокитой был Ф.Э. Дзержинский, который видел в них прямую угрозу коммунистическому режиму и требовал отказаться от лишних бумаг, упростить делопроизводство, сокращать штаты. Борьбу против волокиты он предлагал самую радикальную, призывая к «хирургическим» методам искоренения бюрократизма. Так, в газете «Правда» от 23 июня 1926 года Платонов мог прочитать слова: «В вопросе отчетности отнюдь не следует зарекаться от *хирургического вмешательства*. Нужно решительно свести бумажную переписку и отчетность до минимальных размеров, заменив их методами личного общения, выезда руководителей на места» [8: с. 351]. Выражение Дзержинского было широко известно, его цитировали, что нашло отражение в одном из «тамбовских» писем Платонова: «Высшая администрация меня “обожает”: вот, говорят, настоящий *хирург*, какой нам нужен был» [1: с. 460]. Автобиографический персонаж Шмаков так же, как

Платонов в 1926 году, ехал в Градов искоренять бюрократизм, сокращать штаты⁶. Однако чиновники не сдавали позиций, поэтому Платонов с помощью сатиры пытался обратить внимание высших органов на вопиющую проблему, а также подсказывал действенный путь её решения «сверху».

Помимо содержания и его политического контекста в приведённых отрывках интересна и форма. Многие из них по своему очертанию напоминают стихи. И хотя они не зарифмованы, однако в выделенных строках присутствует частичная ритмизация по типу тонического стиха. Наиболее ритмически организованными оказываются первые строки:

Круг обязанностей каждого сотрудника
 очерчен
 недостаточно
 четко,
 служащие суетятся с малой пользой.
 в бумагах
 запор
 смысла
 и скользкая бесплановая логика,
в толчее и подотдельской тесноте сотрудники
 утратили самую цель своих трудов
 и
 исторический смысл
 своей службы [2: с. 129–130].

Оформляя таким образом измышления Шмакова, Платонов иронически указывал на нереализованный поэтический дар своего героя, на склонность к писательству и, таким образом, на его автобиографический характер. Примечательно, что главный герой претерпевает эволюцию: из романтического философа советской бюрократии он постепенно превратился в заурядного чиновника, сдавшего свои позиции преобразователя. Любопытно, что в финале повести он уже пишет свои сентенции не стихами, а обычным способом — в строчку.

Любопытно, что некоторые вставные новеллы, напрямую не связанные с сюжетом, Платонов графически не выделил. Таков рассказ о русском и мордвине, стоящий в тексте повести особняком. Это подтверждает то, что выделение текста не было случайностью и сопряжено с неким замыслом писателя, а также с модными авангардными изысками в литературе, в частности, с монтажным принципом построения художественного текста, продемонстрированным Платоновым в статье «Фабрика литературы»: «Я <...> купил кожаную тетрадь... <...> В эту тетрадь я неукоснительно вношу и наклеиваю все меня заинтересовавшее, все, что может послужить полуфабрикатом для литературных работ, как то: вырезки из газет, отдельные фразы оттуда же,

⁶ А.П. Платонов в 1926 году был направлен в Тамбов с особым заданием наладить работу местного губернского земельного управления.

вырезки из много- и малочитаемых книг... <...> Затем я <...> беру целые диалоги, описания улиц, воздуха, обстановки и прочих чудес — все по готовому, лишь слегка изменяя их, соответственно замыслу или своим способностям и связывая интервалы цементом из личного багажа. Получается сочинение, где лично моего (по числу букв) 5–10 %, зато все мое душевное желание, зато весь мой “монтаж”» [4: с. 50–51]. Приведённая цитата показывает, как Платонов понимал и, главное, применял приём монтажа. В первой редакции он открыто демонстрировал его, поэтому заимствованные куски текста обозначил графически, свой же собственный текст не выделил, поэтому притча о русском и мордвине напечатана обычным шрифтом.

Высказанную гипотезу подтверждает книга П.Н. Черменского⁷ «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» [5] — важный источник повести Платонова. Писатель взял довольно большие куски из книги Черменского, выделив их с помощью шрифта. Платонов, очевидно, был знаком с местным краеведом, иначе вряд ли позволил себе столь вольно обращаться с текстом его книги, обыгрывая фрагменты из неё в ироническом ключе. Их пути могли пересечься и в архиве, где работал Черменский, и в издательстве местной газеты, в которой Платонов пытался публиковать свои произведения. Косвенным доказательством симпатии Черменского к Платонову может служить тот факт, что одним из педагогов Черменского был однофамилец писателя С.Ф. Платонов — профессор Петербургского университета [10: с. 261]. Не знакомством ли с П.Н. Черменским Платонов обязан интересу к раскопкам, памятникам старины, найденным под напластованием пород? Вспомним подобные сцены из повести «Эфирный тракт», дату окончания которой Платонов обозначил 1 января 1927 года (Ср.: Черменский. Новая находка костей мамонта // ИТОИПКМК. Вып. 1. Тамбов, 1925. С. 24).

Как бы то ни было, но текст, заимствованный из книги тамбовского краеведа, *выделен с помощью шрифта*. В одном из фрагментов Черменский описал местный праздник весны, приуроченный к Красной горке: «В этот день мужчины и женщины выходили в поле для общих игр, водили хороводы <...> Весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот, насвистывали ветер» [5: с. 45]. Ср. у Платонова: «весной в новолунье и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот и насвистывали ветер» [2: с. 130–131]. Как видно из примера, совпадение полное.

Из ряда народно-поэтических обычаев, описанных Черменским, Платонов взял только те, которые в 1920-х годах проходили по ведомству «суеверия», а потому могли быть без опаски осмеяны: *купание в новолунье и первый гром*, которому древние славяне приписывали магическую силу, делающую человека здоровым и красивым; *обычай умываться с серебра*, восходящий к народным

⁷ Черменский П.Н. (1884–1973) — учёный, исследователь Центрально-Чернозёмного края, житель Тамбова. Занимал должность научного сотрудника Тамбовского архива и одновременно заведующего историко-археологическим отделом Тамбовского народного музея. В 1924 году была создана организация «Тамбовское общество изучения природы и культуры местного края», в которой Черменский был секретарём.

представлениям о связи воды с иным миром, а также к христианской традиции освящения воды, согласно которой серебряный предмет, опущенный в воду накануне праздника, становится способным «смыть грехи», очищать от печали, болезни [13: с. 96–97]. *Обычай лить воск* связан с народной магией и гаданиями о замужестве, жизни и смерти. Воск считался «святым» веществом, поэтому часто использовался в качестве оберега [13: с. 120]. Не случайно главному герою повести «Котлован», которую Платонов напишет через три года после Тамбова, герою, восходящему к любимому типу «сокровенного человека», писатель дал «святую» фамилию Вощев. Но в 1927 году Платонов использовал эти и другие факты проявления религиозности народа для изображения косности Градова.

Второй фрагмент, взятый у Черменского и выделенный графически, посвящён крестьянке Алёне — предводительнице мятежных отрядов поценского края в XVIII веке.

Платонов вольно переложил его (ср. с текстом на рис. 10): «“А езда де они”, читаем в одном документе того времени, “воровские казаки по уездам, рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных де людей, крестьян и боярских людей и казаков и иных чинов служилых людей, никого не рубят и не грабят”» [5: с. 46]. Легенда о казни предводительницы крестьянского восстания из книги Черменского с помощью сатирического приёма подмены создаёт перекрёстье смыслов. Так, реалии середины 1920-х годов — земельный передел — обращают к автобиографическому пласту повести, к работе Платонова в Воронежском и Тамбовском губземуправлении, где в большом количестве рассматривались подобные вопросы, при этом принимались во внимание революционные заслуги просителей (в тексте — революционные заслуги потомков Алёны). В то же время фраза: «Тов. Шмакову. Реши это дело, пожалуйста, окончательно. *Пятый год* идет волокита о семи десятинах» [2: с. 132], — содержит намёк на событие Тамбовской земли *пятилетней давности* — Антоновский мятеж 1920–1921 годов. Этим, очевидно, объясняется нерешительность Шмакова, увидевшего аналогию событий, происходивших в разные века. Вероятна и отсылка к щедринскому городу Глупову, история которого также имеет яркие страницы восстаний, возглавленных женщинами («Сказание о шести градоначальницах»).

На службе Ивану Федотовичу дали дело о разделении земель потомков некоей Алены, которая была предводительницей мятежных отрядов Поценского края в XVIII столетии и которую сожгли за чародейные дела в срубе в г. Кадоме.

«Ездили они, опцы наши, воровские казаки,—чипал в деле Шмаков—по уездам, рубили помещиков и вотчинников, за которыми были крестьяне, а черных людей, крестьян и боярских людей и иных служилых людей, никого не рубили и не грабили».

Рис. 10. Фрагмент о крестьянке Алёне

Вообще же, вплетая эпоху XVIII–XIX веков в текст произведения, Платонов мыслил её не как безвозвратно ушедшую в прошлое, но как живую, связанную с низовой жизнью провинциальной России. Создавая собственную сатирическую концепцию истории, Платонов показал извечное желание народа приспособиться к обстоятельствам и даже извлечь из них выгоду.

Так, используя многообразные графические изыски, Платонов с помощью приёма монтажа создал игровое поле, наполненное отсылками к животрепещущим вопросам современности, где ирония прикрывала главный серьёзный смысл произведения. Однако при переиздании повести Платонову пришлось убрать игровой компонент, что повлекло за собой отмену демонстрации «чужого текста», а следовательно, иронию, сопровождающую такую демонстрацию. Почему же это произошло? Самый очевидный ответ напрашивается сам собой: журнал «Красная панорама», вероятно, не имел технической возможности использовать разнообразные шрифты, а Платонову важно было переиздать произведение во что бы то ни стало. В 1928 году писателю было гораздо важнее продемонстрировать политическую и сатирическую составляющие повести, а не эстетическую и игровую. Тем не менее отказ от игры шрифтами повлёк изменение смысловой палитры вещи, перевод в подтекст некоторых ранее более очевидных смыслов.

В связи со сказанным не случайной выглядит трансформация рамочного текста во второй редакции повести. Редакцию 1927 года предваряют два эпиграфа: «Чем больше обещает юность в будущем, тем она смешнее в настоящем. Прохор Годяев, мыслитель XVIII века» и «Мое сочинение скучно и терпеливо, как жизнь, из которой оно сделано. *Ив. Шаронов, писатель конца XIX века*» [2: с. 111]. В 1928 году Платонов снял первый эпиграф. Его исчезновение можно объяснить тем, что к 1928 году зависимость человека от произвола чиновников вызывала у писателя всё большую тревогу, поэтому он убрал элементы, ориентирующие на опознавание смехового кода, в том числе первый эпиграф, тем более что в первоначальном варианте, в рукописи, его не было. Он был вписан Платоновым по настоянию редактора Г.З. Литвина-Молотова, который, желая более лёгкого прохождения сборника «Епифанские шлюзы», пытался придать «Городу Градову» вид безобидного юмористического произведения. Между тем снятый эпиграф, приписанный мыслителю Прохору Годяеву, высвечивает некоторые постоянные константы творчества Платонова, в частности, его излюбленный приём, который можно определить как *разнонаправленность смыслов одного образа*. Так, фамилия Годяев звучит двойственно. Она может восходить как к слову «негодяй», так и к «годить» — ждать.

Примечательно, что изречение, ставшее эпиграфом, приписано философу, мыслителю, каковым Платонов и был в жизни. Но пафос аналогии снимается изрядной долей автоиронии. Любопытно, что в записной книжке 1931–1932 годов Платонов написал чрезвычайно важную для понимания его творчества фразу: «Мое молодое, серьёзное (смешное по форме) — останется главным по содержанию навсегда, надолго» [3: с. 100]. Действительно, идея «Города Градова» более чем серьёзна. Повесть задумывалась как сатира на СССР, где, по мнению

Платонова, произошла подмена демократических завоеваний на «чинный порядок» — власть бюрократии. Поэтому уступив Молотову при подготовке к печати своего первого прозаического сборника, Платонов во второй редакции высветил именно политическую проблематику произведения, решительно отметя оговорки о «смешных» ошибках молодой страны. Но вместе с тем из текста ушла изящная игра, которая определяла жанр произведения как некую синтетическую субстанцию и приобщала его к достижениям неклассической сатиры начала XX века. Поэтому обе редакции, несомненно, имеют право на существование, ибо в каждой писатель являет разные грани своего таланта.

Библиографический список

Источники

1. Архив А.П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.
2. Платонов А.П. Епифанские шлюзы. М.: Мол. гвардия, 1927. 286 с.
3. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 424 с.
4. Платонов А.П. Фабрика литературы. М.: Время, 2011. 720 с.
5. Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. 86 с.

Литература

6. Аэропланы скорой помощи // Тамбовская правда. 1926. 1 июля.
7. Воздушное сообщение Ленинград – Берлин // Правда. 1927. № 9. 25 янв.
8. Дзержинский Ф.Э. Избр. произв.: в 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. 371 с.
9. Корниенко Н.В. История текста и биография Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 1–320.
10. Кривошеин Н.В., Рыжков Ю.А. Петр Николаевич Черменский: жизнь и деятельность выдающегося краеведа. М.: Древлехранилище, 2011. 315 с.
11. Матвеева И.И. Становление Платонова-сатирика (опыт текстологического анализа повести «Город Градов») // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 4. СПб.: Наука, ИРЛИ РАН, 2008. С. 264–280.
12. Мокеев А. Работа АВИАХИМа в Тамбовской губернии // Тамбовская правда. 1926. № 157. 14 июля.

Справочные и информационные издания

13. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лас, 1995. 416 с.

References

Istochniki

1. Arxiv A.P. Platonova. Kn. 1. M.: IMLI RAN, 2009. 696 s.
2. Platonov A.P. Epifanskiye shlyuzu'. M.: Mol. gvardiya, 1927. 286 s.
3. Platonov A.P. Zapisny'e knizhki. Materialy' k biografii. M.: IMLI RAN, 2000. 424 s.
4. Platonov A.P. Fabrika literatury'. M.: Vremya, 2011. 720 s.
5. Chermenskij P.N. Kul'turno-istoricheskij ocherk Tambovskoj gubernii. Tambov, 1926. 86 s.

Literatura

6. Aeroplany' skoroj pomoshhi // Tambovskaya Pravda. 1926. 1 iyulya.
7. Vozdushnoe soobshhenie Leningrad – Berlin // Pravda. 1927. № 9. 25 yanv.
8. *Dzerzhinskij F.E'*. Izbr. proizv.: v 2 t. T. 2. M.: Gospolitizdat, 1957. 371 s.
9. *Kornienko N.V.* Istoriya teksta i biografiya Platonova (1926–1946) // Zdes' i teper'. 1993. № 1. S. 1–320.
10. *Krivoshein N.V., Ry'zhkov Yu.A.* Petr Nikolaevich Chermenskij: zhizn' i deyatel'nost' vy'dayushhegosya kraevedu. M.: Drevlexranilishhe, 2011. 315 s.
11. *Matveeva I.I.* Stanovlenie Platonova-satirika (opy't tekstologicheskogo analiza povesti «Gorod Gradov») // Tvorchestvo Andreyu Platonova. Issledovaniya i materialy'. Kn. 4. SPb.: Nauka, IRLI RAN, 2008. S. 264–280.
12. *Mokeyev A.* Rabota AVIAXIMA v Tambovskoj gubernii // Tambovskaya pravda. 1926. № 157. 14 iyulya.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. Slavyanskaya mifologiya. E'nciklopedicheskij slovar'. M.: E'llis Las, 1995. 416 s.

*I.I. Matveeva***On Two Editions of the Novel «Gorod Gradov» by A.P. Platonov:
the Creative History of the Work**

In this article, the author looks into the distinctions between the two editions of the novel «Gorod Gradov», explains the reasons for using multiple fonts in the edition of 1927 and the reasons for refusing the text rendition in the edition of 1928, provides a scientific comment to the complicated sign system in the novel.

Keywords: A.P. Platonov; «Gorod Gradov»; P.N. Chermenskij; textual criticism; non-classical satire.

Т.Г. Дубинина

Мифологема птицы в «таинственных» повестях и «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева

В статье рассматривается комплекс значений мифологемы «птица», который в «таинственных» повестях писателя и в ряде его «Стихотворений в прозе» получает индивидуальную образно-метафорическую реализацию. Мифологема «птица» всегда сохраняет первичные значения «общего» и является в рассмотренных произведениях Тургенева проводником таинственного.

Ключевые слова: Тургенев; «таинственные» повести; «Стихотворения в прозе»; птица; мифологема.

Изучение орнитологической образности в творчестве И.С. Тургенева имеет свою историю и прежде всего связано с осмыслением характерологической функции многочисленных «птичьих» сравнений и метафор в прозе писателя (см.: И.А. Беляева [4], Г.Б. Курляндская [6], О.М. Барсукова [3], К.В. Лазарева [7]). При этом исследователи нередко подчёркивают символические (О.М. Барсукова [3]) и мифопоэтические значения последних (К.В. Лазарева [7]), особенно если речь идёт о «таинственных» повестях Тургенева. Нам представляется, что в поздней прозе писателя, особенно в его лирических прозаических миниатюрах и в «таинственных» повестях, вариативные интонации орнитологической образности реализуют общий и единый для всех текстов перво- смысл, который скрыт в мифологеме «птица».

Обратимся к понятию «мифологема». В отечественной научной традиции на сегодняшний день его нельзя назвать устоявшимся. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» определение мифологемы отсутствует. На терминологическую неясность мифологемы обращает внимание А.К. Байбурин, отмечая при этом частотность её употребления: «Мифологема <...> — термин с неустоявшимся содержанием. Используется для обозначения единицы мифологического повествования» [2: с. 78].

С.М. Телегин, опираясь на западноевропейскую традицию (работы А. де Миранда, Дж. Холлиса), понимает под мифологемой «первоначальный первообраз, “семя”, из которого вырастает определённый образ или сюжет». «Мифологема, — пишет учёный, — первичная идея-форма мифологического образа» [9: с. 15].

Продуктивное разрешение вопроса о соотношении мифологического образа и мифологемы, архетипа и мифологемы мы находим в работах М.Ч. Ларионовой.

В монографии «Место, которого нет... Острова в русской литературе», написанной в соавторстве с Л.И. Горницкой, исследователь справедливо разграничивает понятия архетипа и мифологема: «Архетип — не образ и не мотив, но тенденция, вектор для образа или мотива. Архетип может проявлять себя <...> в различных нехудожественных явлениях <...> либо в мифопоэтическом творчестве и его единице — мифологеме» [5: с. 13]. Авторы работы подчёркивают, что мифологема — это модель, инвариант, «структурно-семантическая единица в отвлечении от ее конкретных реализаций» [5: с. 13]. В художественном произведении мифологема, по мысли учёных, не существует в чистом виде, а «только в виде культурного “слова”, или сюжета, мотива и художественного образа» [5: с. 14]. И потому «художественный образ — это единичная и уникальная реализация мифологема» [5: с. 14]. М.Ч. Ларионова приходит к ценному для нас выводу о том, что мифологема — это «воспроизведение устойчивых тем и образов <...> в их исторически обусловленных вариантах, часто не совпадающих с собственным смыслом мифа. Мифологема — это архетип, обретший конкретную художественную форму» [8: с. 99] (курсив наш. — Т.Д.). И потому архетип, мифологема и образ, восходящий к ним, являются важными ступенями художественной конкретизации в культуре, а затем и в индивидуальном творчестве общего глубинного «первообраза» [10].

Вслед за работой М.Ч. Ларионовой и Л.И. Горницкой в предлагаемой статье понятия «мифологема птицы» и «образ птицы», «орнитологическая образность» используются как во многом синонимичные и соотнесенные между собой по принципу общее в культуре (мифологема) / индивидуальное (образ).

Птица — устойчивый знак в мировой культуре. С древнейших времён он связывался с потусторонними силами, часто — как их посланник. Так, в мифологии некоторых народов вершину древа мира венчает птица, в древнегреческой мифологии печень Прометея клюёт огромный орёл. В христианстве в виде голубя изображается Святой Дух, голубь же является и символом мира. Одновременно птица символизирует возрождение и вечную жизнь (птица Феникс). Добавим народные традиции выпекать птиц из муки в ритуалах закличек весны, фольклорный образ Жар-птицы. Однако известны и амбивалентные значения птицы: по русским поверьям её появление предвещает большую беду [11]. Итак, глубинные значения мифологема птицы в мировой и в русской культуре закреплены в значениях смерти, иррациональных сил, нередко враждебных человеку, и одновременно свидетельствуют о возрождении, надежде и небесной милости.

В «таинственных» повестях Тургенева, а также в его «Стихотворениях в прозе» эти общие значения мифологема птицы обретают индивидуальную образную полноту и характерность, но всегда сигнализируют о первичном. В статье мы остановимся на повестях 1860-х годов («Призраки», «Довольно») и на трёх поздних тургеневских лирических миниатюрах («Старуха», «Дрозд I», «Куропатки»).

В повести «Довольно» мифологема «птица» сопряжена с образом возлюбленной героя, мотивом ожидания любви, счастья, весны. «Это было в конце марта, перед благовещением, вскоре после того, как я в первый раз тебя увидел, и, еще не подозревая, чем ты станешь для меня, уже носил тебя в сердце — безмолвно и тайно» [1: т. 7, с. 221]. Переезжая одну из «главных рек России», ещё скованную льдом, герой испытывает чувство какой-то радостной, непонятной тревоги. Пытаясь разобраться в её истоках, он останавливается в изумлении, вопросительно смотрит вокруг. «Все было тихо, бело, сонно; но я поднял глаза: высоко неслись над станицей перелётные птицы... “Весна! Здравствуй, весна! — закричал я громким голосом. — Здравствуй, жизнь, и любовь, и счастье!”» [1: т. 7, с. 221]. Итак, птицы, возвращающиеся в Россию, становятся не только приметой весны, но и раскрывают герою причину его сладкой тревоги, служат вестниками любви и приближающегося счастья. Отметим, что в данном случае можно говорить о параллели с народной мифологией — уже упоминавшейся традиции выпекания птиц из хлеба, в ритуалах, сопровождающих наступление весны. Более того, перелётные птицы возвращаются в канун большого церковного праздника — Благовещения, сопрягая, таким образом, темы любви и счастья с божественным промыслом, с радостной вестью для всего человечества, с любовью как первоосновой жизни.

Второе упоминание птицы в повести также связано с мотивом ожидания счастья, даруемого любовью. Герой вспоминает свои свидания с возлюбленной, как он ожидал её прихода в старом русском саду: «<...> все оваяно какой-то светлой, ласковой таинственностью — и уже чудится мне быстрый шелест шагов — и стою я, весь напряженный и легкий как птица, только что сложившая крылья и готовая взвиться вновь — и сердце горит и трепещет веселым страхом перед близким, перед налетающим счастьем» [1: т. 7, с. 223].

Отметим, что в повести и образ птицы, и орнитологическое сравнение связаны с мотивом тайны — любви и счастья. В первом случае герой чувствует тайну в самом себе — в нём нарастает непонятная тревога, второй раз — всё в саду оваяно ласковой таинственностью. Думается, что любовь и счастье во многом составляют для Тургенева тайну жизни человека, и примечательно, что эта тайна обретает в повести именно «птичьи» очертания, что глубинно свидетельствует о радости жизни (на этом сделан большой акцент), но и подспудно — о бренности земного.

В повести «Призраки» таинственные интонации также маркируются с помощью орнитологических метафор и сравнений, однако их эмоциональное наполнение будет несколько иным.

Таинственная незнакомка по имени Эллис назначает рассказчику свидание рядом со старым дубом, растущим на берегу пруда. В один из вечеров герой приходит в условленное место, но призрак (будем называть Эллис так) не появляется. Героя охватывает грусть: «“Эллис! Эллис! приди же! Неужели ты не придёшь?” — закричал я в последний раз. Ворон, которого мой голос

разбудил, внезапно завозился в вершине соседнего дерева, и, путаясь в ветвях, захлопал крыльями...» [1: т. 7, с. 208]. Спустя некоторое время после этого зова Эллис появляется и разом подхватывает героя: «...кобчик так подхватывает когтем, “чокает” перепела» [1: т. 7, с. 208]. Известно, что ворон — помощник и вестник тёмных сил, к которым, скорее всего, и принадлежит Эллис. Призрак же налетает на героя, как хищная птица на жертву. Образ птицы-хищника и птицы-жертвы переплетаются в тексте повести. Конечно, самое сильное звучание образ птицы-хищника приобретает в финале произведения, когда в нём «персонифицируется» сама смерть, которая настигает Эллис и рассказчика: «Мерное, широкое колебание снизу вверх и сверху вниз, колебание, напоминающее размах крыльев хищной птицы, когда она ищет свою добычу <...> Эта сила шла; та сила, которой нет сопротивления, которой все подвластно, которая без зрения, без образа, без смысла — все видит, все знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы» [1: т. 7, с. 216].

Благодаря сравнению с хищной птицей Эллис прочно ассоциируется у читателя со смертью: сначала героиня нападает на рассказчика, подобно хищной птице, потом смерть преследует и настигает саму Эллис. Стираются границы между жертвой (слабой птицей) и хищником (хищной птицей-смертью): «Эллис кувыркалась в воздухе, падала, бросалась из стороны в сторону, как куропатка, смертельно раненная или желающая отвлечь собаку от своих детей» [1: т. 7, с. 216]. Интересно, что рассказчик в любом случае оказывается жертвой и для Эллис, и для настигающей его в финале смерти (вспомним, что он худ и смертельно, до желтизны, бледен), которая в повести предстаёт и в виде летающего призрака Эллис (она же жалкая куропатка), и в виде хищной птицы.

Образ птицы-жертвы встречаем, кроме повести «Призраки», в лирической прозаической миниатюре «Куропатки». Герой, больной неизлечимым недугом, испытывает сильные физические страдания, размышляет, почему наказан именно он? В чём он провинился? В голову ему приходит сравнение со стаей куропаток: «Целая семейка куропаток <...> столпилась в густом жнивье. Вдруг вспугивает их собака <...> раздаётся выстрел — и одна из куропаток, вся израненная, падает» [1: т. 10, с. 187]. Та несчастная куропатка ничем не провинилась, она не хуже и не лучше своих сестер. Но слепой случай, судьба распоряжается таким образом, что именно она оказывается жертвой охотника. Человеческая жизнь тоже зависит от неких таинственных сил — мы лишь покоряемся им, не в силах ничего противопоставить: «Лежи, большое существо, пока смерть тебя не съест» [1: т. 10, с. 187]. В этой миниатюре птица — уже не часть вечных сил природы, а наоборот — случайная их жертва.

Итак, в повести «Призраки», как и в «Довольно», таинственные силы, управляющие жизнью человека, связаны с мифологемой птицы. Примечательно, что самая пессимистическая повесть «Довольно» в большей степени акцентирует значения жизни и возрождения, а в «Призраках» реализуются катастрофические смыслы. При этом в обоих произведениях не умаляется амбивалентность мифологемы.

Трагические значения мифологемы «птица», схожие с её звучанием в «Призраках», обнаруживаются в лирической прозаической миниатюре «Старуха». В образе старухи изображается сама судьба, которая толкает героя к неизбежной смерти. Отметим, что слепая судьба дважды сравнивается в небольшом тексте с птицей: «Я наклонился к ней и заметил, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, беловатой перепонкой, или пленой, какая бывает у иных птиц: они защищаются ею от слишком яркого света» [1: т. 10, с. 127]. Увидев плену, герой приходит к выводу, что неотступно следующая за ним женщина — слепая нищенка, просящая милостыню. Пройдя ещё какое-то расстояние, он все ещё слышит за собой мерные шаги преследующей его старухи, видит могилу, в которую она его толкает: «Я круто поворачиваю назад... Старуха опять передо мною... Она смотрит на меня большими, злыми, зловещими глазами... глазами хищной птицы...» [1: т. 10, с. 128]. Выстраивается такая же, как и в «Призраках», цепочка образов: старуха – птица – смерть.

Птица как знак непостижимой для человека бесконечности есть и в стихотворении в прозе «Дрозд I». Герой, мучаясь бессонницей, в предрассветный час слышит пение чёрного дрозда: «Они дышали вечностью, эти звуки, — всей свежестью, всем равнодушием, всю силой вечности» [1: т. 10, с. 175]. Особняком в стихотворении стоит тема личного в его сопоставлении с вечным: «Он пел, он распевал самоуверенно, этот чёрный дрозд; он знал, что скоро, обычной чередой, блеснет неизменное солнце; в его песне не было ничего своего, личного; он был тот же самый чёрный дрозд, который тысячу лет назад приветствовал то же самое солнце и будет его приветствовать через другие тысячи лет, когда то, что останется от меня, быть может, будет вертеться незримыми пылинками вокруг его живого звонкого тела, в воздушной струе, потрясенной его пением» [1: т. 10, с. 175]. Одиноким человеком с его любовью, горестями, сомнениями, страхами — ничто перед лицом вечности, вокруг него уже разлиты те холодные волны, которые не сегодня-завтра увлекут его в безбрежный океан.

Птица в этой лирической миниатюре — и певец вечности, и часть её, часть равнодушной природы, которая будет сиять многие века после смерти человека и которой не интересны ни его горести, ни его радости. Представляется возможным говорить здесь об оппозиции *человек – птица* как о противостоянии индивидуального и вечного. Жизнь человеческая коротка и конечна, однако это её качество, как и слабость человека, осмысляются не исключительно трагически, как в «Призраках» или в миниатюре «Старуха», а подразумевают и иную эмоциональную палитру. У героя выступают сладкие и радостные слёзы: «Она не утешила меня — да я и не искал утешения... Но глаза мои омочились слезами, и шевельнулось в груди, приподнялось на миг недвижимое, мертвое бремя. Ах! и то существо — не так же ли оно молодо и свежо, как твои ликующие звуки, предрассветный певец (дрозд. — *Т. Д.*)» [1: т. 10, с. 175].

Таким образом, при всём многообразии ситуаций и конкретно-образных воплощений, в которых у Тургенева встречается орнитологическая образность

и метафорика, она связана с комплексом значений мифологемы «птица» и является проводником доминирующей в ряде его произведений интонации таинственного.

Библиографический список

Источники

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. 559 с.; Т. 10. М.: Наука, 1982. 607 с.

Литература

2. *Бабуриной А.К.* Мифологема // Народные знания. Фольклор. Народное искусство / отв. ред. Б.Н. Путилов, Г. Штробах. М.: Наука, 1991. 167 с.

3. *Барсукова О.М.* Образ птицы в прозе И.С. Тургенева // Рус. речь. 2002. № 2. С. 22–28.

4. *Беляева И.А.* Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: МГПУ, 2005. 249 с.

5. *Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч.* Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с.

6. *Курляндская Г.Б.* Эстетический мир И.С. Тургенева. Орел: Изд-во Орловской гос. телерадиовещат. компании, 1994. 343 с.

7. *Лазарева К.В.* Мифопоэтика «таинственных повестей» И.С. Тургенева. Ульяновск: УлГПУ, 2008. 222 с.

8. *Ларионова М.Ч.* Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2011. 256 с.

9. *Телегин С.М.* Термин «мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Междунар. науч. заоч. конф. / под ред. Г.Г. Исаева; сост.: Г.Г. Исаев, Т.Ю. Громова, Д.М. Бычков. Астрахань: Астраханский ун-т, 2010. 289 с.

10. *Яковлев М.В.* Неомифологическое откровение в книге стихов А. Блока «Нечаянная Радость» // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 2. С. 49–57.

Справочные и информационные издания

11. Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://gufo.me/content_mifenc/pticy-92251.html (дата обращения: 29.09.2015).

References

Istochniki

1. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. T. 7. M.: Nauka, 1981. 559 s.; T. 10. M.: Nauka, 1982. 607 s.

Literatura

2. *Baburin A.K.* Mifologema // Narodny'e znaniya. Fol'klor. Narodnoe iskusstvo / otv. red. B.N. Putilov, G. Shtrobax. M.: Nauka, 1991. 167 s.

3. *Barsukova O.M.* Obraz pticy' v proze I.S. Turgeneva // Rus. rech'. 2002. № 2. S. 22–28.

4. *Belyaeva I.A.* Sistema zhanrov v tvorchestve I.S. Turgeneva. M.: MGPU, 2005. 249 s.
5. *Gorniczskaya L.I., Larionova M.Ch.* Mesto, ktorogo net... Ostrova v russkoj literature. Rostov n/D: Izd-vo UNC RAN, 2013. 226 s.
6. *Kurliandskaya G.B.* Esteticheskiy mir I.S. Turgeneva. Orel: Izd-vo Orlovskoj gos. teleradioveshat. kompanii, 1994. 343 s.
7. *Lazareva K.V.* Mifopoe'tika «tainstvennix povestej» I.S. Turgeneva. Ul'yanovsk: ULGPU, 2008. 222 s.
8. *Larionova M.Ch.* Mif, skazka i obryad v russkoj literature XIX veka. Rostov n/D: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2001. 256 s.
9. *Telegin S.M.* Termin «mifologema» v sovremennom rossijskom literaturovedenii // Arxetipy', mifologemy', simvoly' v xudogestvennoj kartine mira pisatelya: materialy' Mezdu-nar. nuach. zaoch. konf. / pod red. G.G. Isaeva; sost. G.G. Isaev, T.U. Gromova, D.M. By'chkov. Astraxan': Astraxanskij un-t, 2010. 289 s.
10. *Yakovlev M.V.* Neomifologicheskoe otkrovenie v knige stixov A. Bloka «Nechayannaya Radost'» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 2. S. 49–57.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Ptcy' // Mify' narodov mira. E'nciklopediya / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sov. enciklopediya, 1980 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://gufo.me/content_mifenc/pticy-92251.html (data obrasheniya: 29.09.2015).

T.G. Dubinina

The Mythologem of the Bird in the «Dream» Tales and «Prose Poems» by I.S. Turgenev

The article deals with the complex of meanings of the «bird» Mythologem, which receives an individual figurative and metaphorical implementation in his «Dream» Tales and a number of «Prose Poems». The mythologem «bird» always retains the primary meaning of «the general» and functions a mystery guide in the works by Turgenev.

Keywords: Turgenev; «Dream» Tales; «Prose Poems»; bird; mythologem.

**А.Х. Мусукаева,
О.М. Мякина**

Жанрово-стилевые особенности автобиографической повести А. Кешокова «Вид с Белой горы»

В статье проводится анализ жанровых и стиливых особенностей автобиографической повести кабардинского писателя А. Кешокова «Вид с Белой горы» в контексте его творчества. Жанровая характеристика произведения, вызывающая разные оценки у исследователей, находит в статье чёткое и обоснованное определение. Стиливые особенности повести свидетельствуют о художественном мастерстве писателя, о близости его творчества к кабардинскому фольклору.

Ключевые слова: автобиографическая проза; поэзия; архетип дома; личность автора; герой.

Алим Кешоков — выдающийся кабардинский поэт, прозаик, публицист, основоположник кабардинского исторического романа. Его перу принадлежат такие шедевры, как «Вершины не спят» (1965), «Сломанная подкова» (1973), «Корни» (1990) и др. Достижение А. Кешокова-романиста — в показе крупных исторических событий, определивших перемены в судьбе кабардинского народа, когда через историю аула, жизнь отдельной личности обозначаются историософские проблемы и философские вопросы человеческого существования.

При достаточной изученности творчества А. Кешокова (Л. Бекизова [3], Ю. Тхагазитов, К. Султанов [8], К. Шаззо и др.) повесть «Вид с Белой горы» осталась за пределами внимания исследователей, чем и обусловлено наше обращение к ней.

«Вид с Белой горы» (1974) — своеобразный художественно-документальный «комментарий» ко всему творчеству А. Кешокова, в повести писатель акцентирует отправные моменты в жизни своего народа и формировании автобиографического героя.

В эпицентре повести — метафора восхождения на гору. Она объединяет эмоциональные ряды в поэзии и прозе А. Кешокова и стягивает в единый концептуальный узел тему исторического преодоления трудностей, выпавших на долю народа, изменения сознания людей.

Повествование об исторически и общественно значимых событиях, о своей жизни и своём внутреннем мире, в центре которого находится «Я» повествователя, объединяет разный по форме и способу репрезентации материал произведения — философские размышления и анализ, ретроспекцию событий,

автобиографию. Идея повести «Вид с Белой горы» основана на исторических событиях и отражающих их документах, воспоминаниях, портретных характеристиках современников, биографических сведениях и др. При этом важно то, что произведение отличается художественным единством и цельностью. Установка автора на достоверность предстаёт в повести своеобразным жанровым камертоном. По утверждению Л. Гинзбург, «иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа. Имена реальных лиц заменены — эта условность сразу же переключает произведение в другой ряд, обеспечивая пишущему право на вымысел» [4: с. 118].

Первые строки повести поэтичны и эмоциональны: «Жизнь — непрерывное восхождение по нехоженой тропе, которая вьётся по горным склонам». И далее эта мысль находит образное подтверждение: начало пути — это «широкая равнина», которую сменяет «подъём», и происходит «первая встреча с крутизной». На пути героя встречаются «заоблачные пастбища», «камнепады», «край пропасти», «молчание голых скал», «толщина льда», «вершины гор»: «Ты начал восхождение, когда твои усы были черными, а теперь идешь с белой бородой»; «Моя молодость осталась за дальней горой, словно жеребенок, отбившийся от табуна. От его жалобного ржания я иногда просыпаюсь...» [1: с. 8]. «Вид с Белой горы» — это открывающийся с высоты жизненного пути взгляд философа, поэта на прожитые годы, историю своего народа, на родных и близких людей.

Следует подчеркнуть, что метафора восхождения на гору характерна для многих поэтов и прозаиков Северного Кавказа. У К. Кулиева мы читаем:

Стихи писать — что горы штурмовать.
Скользить и падать, и идти опять...
Полуживым достигнуть высоты.
И вот ты наверху! как счастлив ты!..

Принципиальное значение в повести «Вид с Белой горы» приобретает художественный приём «расслоения» времени: изображение периодов детства и юности, поры формирования личности, определения своего места в жизни и обществе, анализ исторических этапов развития общества и личности как бы «на расстоянии», с высот Белой горы. Можно провести определённую параллель с автобиографической трилогией Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», в частности, с её художественно-временной организацией: «тогда» и «теперь», в целом характерной для автобиографических повествований.

Кешоковский герой осознаёт себя личностью уже в раннем детстве, он ощущает своё единство с окружающим миром — с людьми, с землёй, с природой в целом, частью которой он предстаёт. Особую роль в повести играют мотивы дома, семьи, матери, что, в свою очередь, демонстрирует связь с традициями, с психологией народа.

В повести «Вид с Белой горы» встречаются переключки, даже текстуальные совпадения с другими произведениями автора. «Когда в дом пришли “белые” и потребовали сказать, где скрывается хозяин дома — большевик, мать не растерялась. Она ответила: “Если кабардинские князья так низко пали, что,

пренебрегая достоинством мужчины, ищут врага не на поле боя, а в детских пелёнках, то ищите в этих корзинах...» И вытащила из-под кровати две старые корзины с тряпками». Данный отрывок дословно вошёл в текст романа «Вершины не спят». Межтекстовая связь автобиографической повести с другими произведениями А. Кешокова проявляется многообразно: в текстуальных совпадениях, в обращении к событиям определённого времени (война), в общности мотивов (малой родины, дома, семьи).

Остановимся кратко на хронологии создания и выхода в свет романов А. Кешокова. В 1958 году публикуется первая часть будущей трилогии «Вершины не спят» — роман «Чудесное мгновение». Трилогией роман стал позже, когда вышла книга «Зелёный полумесяц» и когда, по словам Р. Бикмухаметова, Северный Кавказ и Дагестан «получили первый опыт историко-революционной эпопеи». Между романами «Чудесное мгновение» и «Зелёный полумесяц» по логике характера одного из главных героев — Жираслана — «вклинивается» «Сабля для Эмира» (1981), и, таким образом, все три романа образуют единую историческую трилогию о революции и гражданской войне на Северном Кавказе.

Вторая трилогия посвящена событиям Великой Отечественной войны и самому началу мирной жизни, она представлена романами «Долина Белых ягнят» (1971), «Сломанная подкова» (1973), «Грушевый цвет» (1976).

Романы А. Кешокова в своём основном корпусе складывались десятилетиями и в итоге предстали шеститомной эпопеей о поворотных этапах истории кабардинского народа на протяжении первой половины XX века. Следует подчеркнуть, что прозу А. Кешокова отличают неспешный темп повествования, спокойная рассудительность, психологизм, добрый и мягкий юмор, нежная любовь к традиционным обычаям кабардинцев. Его произведения лишены «предопределённости» человеческой судьбы, назидательности — как «дóлжно» поступать в тех или иных случаях. Разнообразие художественных средств и приёмов подчинено главной цели: социально-философскому осмыслению исторической действительности, утверждению гуманистических идей, изображению национального характера.

Особняком в творчестве писателя стоит роман «Восход луны» (1977), посвящённый судьбе современного поколения горских переселенцев в сложных условиях национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. Завершает творчество писателя роман «Корни» (1990), вошедший в ряд адыгских произведений о Кавказской войне, типологически сходных между собой как на уровне содержания, так и на уровне поэтики.

В разных по замыслу, жизненному материалу и жанру произведениях писателя прослеживается сплав лирического и драматического, художественного и публицистического, трагического и иронического.

Стилевой синтетизм, присущий прозе А. Кешокова, проявляется в структуре повести «Вид с Белой горы», что затрудняет определение её жанра. Некоторые исследователи рассматривают её как мемуарную повесть, как исповедь. На наш взгляд, «Вид с Белой горы» — это автобиографическая повесть, в которой история

народа раскрывается сквозь призму отдельной человеческой жизни, причём жизни художника слова, поэта. В то же время это философская, историческая, публицистическая и мемуарная книга. Это не только повествование об исторических и культурных событиях века, но и человеческий документ «о времени и о себе», это новая особая ступень познания писателем национальной действительности в её историческом движении. Кешоковский герой — человек, рано осознавший своё назначение и причастность к происходящим событиям, свою индивидуальность.

В.В. Компанеец, анализируя тетралогия Б. Зайцева «Путешествие Глеба», отмечает: «Чувство саморазвития свойственно лишь натурам глубоким, активно включавшимся в бесконечный процесс познания действительности, способным к непрерывающейся работе самопознания и самосовершенствования. Такой герой — не только психологически значимый характер, но прежде всего личность, неповторимая индивидуальность, последовательно и настойчиво движущаяся к положительному идеалу, к высокой, духовно осознанной цели» [5: с. 456]. Это определение соответствует типу кешоковского героя, познающего и осваивающего мир.

В повести «Вид с Белой горы» автобиографическое начало получает оригинальное художественное воплощение. Автор выступает в ней не как сторонний наблюдатель, а как личность, вспоминающая минувшее и воссоздающая его в особом ритме и особой последовательности. Своеобразные обращения к читателю рождают иллюзию достоверности, призывают «войти» в «восстановленное» время, «погрузиться» в события, проникнуть во внутренний мир героев и понять их поступки. Следуя толстовскому утверждению (Л.Н. Толстой, 1898 год, 19 марта): «Одно из величайших заблуждений при суждении о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть всё: все возможности, есть текучее вещество...» [9: с. 185], — А. Кешоков не упрощает своих героев, изображая их во всей сложности и неповторимости.

Автору важны документальная точность и достоверность изображаемых событий, исторические факты излагаются им в хронологической последовательности: установление Советской власти в марте 1920 года, строительство в республике Баксанской ГЭС, пуск первой оросительной системы в Терском районе, открытие в Нальчике Ленинского учебного городка — кузницы национальной интеллигенции. В повести действуют реальные исторические лица: Бетал Калмыков, Назир Катханов, первые кабардинские писатели, учёные — М. Афаунов, Т. Боураев, С. Кожаяев, П. Шекихачев, Т. Шеритлоков и др.: «В недрах поэтического творчества народа возник зародыш прозы. Зачинателями прозы были Аскерби Шортанов и Хачим Теунов, наиболее активно работавшие в жанре очерка и рассказа. Пробовал осваивать жанр прозы и основоположник кабардинской поэзии Али Шогенцуков» [1: с. 94]. Имя Али Шогенцукова на страницах повествования возникает далеко не случайно. Как известно, он занимал особое место среди молодых кабардинских поэтов и писателей и первым обратил внимание на талант Кешокова: «Прислали в школу нового заведующего — Али Асхадовича

Шогенцукова... Новый учитель открыл нам волшебный мир поэзии. Мы узнали Пушкина, Лермонтова» [2: с. 51]. А о первых стихах автобиографического героя повести отозвался так: «Дорог первый плод, по нему судят о дереве» [2: с. 51].

В повести «Вид с Белой горы» немало философских рассуждений, свидетельствующих о глубине чувств и мыслей писателя, о его понимании проблем времени, общества, человека: «Когда думаешь о жизни, то кажется, что ты стоишь посередине горного потока, словно опора под мостом. Слева и справа проносятся грохочущие волны, а ты, захлестываемый шипящей пеной, стоишь и держишь на плечах концы двух пролётов — прошлое и будущее» [1: с. 26].

В повести акцентирован мотив дома, подчёркнуты его национальные особенности, устоявшийся быт, защищённость героя в этом доме. С ним тесно связан и мотив путешествия, мотив поиска. Жизнь и судьба героя — это сугубо индивидуальный, лично значимый путь открытий и познаний. В то же время это и судьба общественного деятеля, писателя, выдающегося сына своего народа. Герой находится в гуще новой жизни, принимает участие в самых значительных событиях республики, стремится к новой жизни, определяя в ней своё место и назначение.

Символ дома играет в повести значительную роль. Как известно, изучению архетипа дома посвящены труды крупнейших зарубежных и отечественных учёных (С.С. Аверинцев, Э. Кассирер, С. Лангер, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, А.А. Потебня, В.Н. Топоров и др.). Дом осмысливается в научной литературе как архетипический образ, он является центром человеческой жизни, «своим» пространством, выделенным из общего бытия и соотносимым с интересами, характером, внутренним миром человека. Понятие «свой дом» означает не только принадлежность тому или иному лицу, дом, как правило, создается индивидуально человеком для себя, но и, главное, изолированность от внешнего мира, защищённость. В то же время дом — это семья, род, родители, процесс воспитания, национальная специфика и многое другое.

В повести А. Кешокова символ дома связан с детством, с родителями: «Закрою глаза и ясно вижу перед собой кривобокий турлучный домик — из плетня, обмазанного глиной, с соломенной крышей. Вокруг, у основания стен, булыжные камни, чтобы ливневый поток не подмывал. В доме три комнаты: спальня, кухня и третья, с громким названием “гостевая”. Пол земляной. Окна так низко посажены, что, сидя на полу, видишь, что делается во дворе» [1: с. 27]. В произведении чётко прослеживается параллель: дом — быт — семья — время. Повествование ведётся о времени начала XX века, семья — крестьянская, нередко — бедствующая, домик — «кривобокий, турлучный», в котором громко звучит лишь название «гостевая». Дом — показатель жизни его обитателей, хранящий или теряющий свой статус. Проблема дома остаётся актуальной в литературе на протяжении всего XX века, что не раз отмечалось в научных работах (см., например, [6; 7]).

В тесной связи с домом и семьёй в повести А. Кешокова показаны представители старших поколений: «У кавказских народов традиция: старик, ушедший на покой, отдавший сыновьям “поводок арбы”, стремится своими силами сделать что-то полезное для аула — построить мост через речку, проложить дорогу в горы,

прорубить тропу к роднику или посадить деревья на пустыре, чтобы оставить добрую память о себе» [1: с. 20]. И далее автор рассказывает о своём отце, построившем «домик путника» на трассе Пятигорск – Нальчик и угощавшем там усталых путников выращенными им самим арбузами и дынями.

Но главное, репрезентация символа дома в повести характеризуется многоуровневостью, а мотив дома позволяет исследовать «Вид с Белой горы» в ряду других произведений А. Кешокова. Горцы всегда бережно относились к таким понятиям, как земля, дом, очаг, хлеб. Самой серьёзной и верной клятвой у горцев и сегодня остаётся клятва землёй и хлебом. В структуре духовного пространства северокавказской прозы данная традиция играет немалую роль, участвуя в процессе формирования национального характера. В творчестве А. Кешокова ведущим авторским мотивом является мотив малой родины, которую символизируют Кабарда, аул Шалушка, отцовский дом, семья, друзья.

В автобиографической повести «Вид с Белой горы» гармония национальной жизни, устойчивость её эпического состояния не противоречат универсальному, общечеловеческому, общенациональному и современному. Автор далёк от идеализации и самолюбования, именно в национальном он видит проявление общечеловеческого. Национальное открыто, подвижно, не ограничивается прошлым, самобытно реализуясь в современности. К. Султанов прав, утверждая, что «литература не воспроизводит и не транслирует национальную идею, а каждый раз как бы заново порождает как новость, как акт открытия и прозрения» [8: с. 140].

В повести особое внимание уделяется внутреннему миру автобиографического героя, вначале — босоногого мальчугана, затем — юноши, ищущего свой путь в жизни, наконец — зрелого мужчины, прошедшего через серьёзные, нередко трагические жизненные испытания. Всё это даёт писателю возможность поиска новых граней художественного исследования человека, что приводит к повышению смысловой и образной ёмкости прозаического повествования.

«Вид с Белой горы» А. Кешокова — сложное, многоплановое повествование, характеризующееся жанровым и стилевым своеобразием и оказавшее воздействие на дальнейшее развитие национальной прозы.

Библиографический список

Источники

1. *Кешоков А.П.* Вид с Белой горы. М.: Современник, 1974. 365 с.
2. *Кешоков А.П.* Знак мастера // *Лауреаты России.* М.: Современник, 1976. С. 126–175.

Литература

3. *Бекизова Л.А.* Литература в потоке времени. Черкесск: Карачаево-Черкесское республ. книжн. изд-во, 2008. 416 с.
4. *Бикмухаметов Р.* Роман и литературный процесс // *Вопр. литературы.* 1971. № 9. С. 4–16.
5. *Компанеев В.В.* Изображение автобиографического героя в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // *Антропоцентрическая парадигма в филологии.* Ч. I. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 455–460.

6. *Матвеева И.И.* Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 27–35.

7. *Смирнова А.И.* Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 8–14.

8. *Султанов К.К.* Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: Наследие, 2001. 194 с.

9. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 53. М.: Худож. литература, 1953. 561 с.

References

Istochniki

1. *Keshokov A.P.* Vid s Beloj gory'. М.: Sovremennik, 1974. 365 s.

2. *Keshokov A.P.* Znak mastera // Laureaty' Rossii. М.: Sovremennik, 1976. S. 126–175.

Literatura

3. *Bekizova L.A.* Literatura v potoke vremeni. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe respubl. knizhn. izd-vo, 2008. 416 s.

4. *Bikmukametov R.* Roman i literaturny'j process // Vopr. literatury'. 1971. № 9. S. 4–16.

5. *Kompaneec V.V.* Izobrazhenie avtobiograficheskogo geroya v tetralogii B.K. Zajceva «Puteshestvie Gleba» // Antropocentricheskaya paradigma v filologii. Ch. I. Stavropol': Izd-vo SGU, 2003. S. 455–460.

6. *Matveeva I.I.* Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A.P. Platonova // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 27–35.

7. *Smirnova A.I.* Lokus doma v sovremennoj russkoj proze // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 8–14.

8. *Sultanov K.K.* Nacional'noe samosoznanie i cennostny'e orientacii literatury'. М.: Nasledie, 2001. 194 s.

9. *Tolstoj L.N.* Poln. sobr. soch.: v 90 t. Т. 53. М.: Xudozh. literatura, 1953. 561 с.

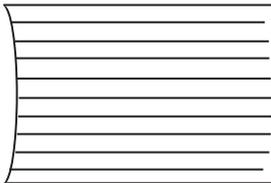
A.Kh. Musukaeva,

O.M. Myakinina

Genre and Stylistic Features of the Autobiographical Novel by A. Keshokov «A View from the White Mountain»

The article analyzes the genre and stylistic features of the autobiographical novel «A View from the White Mountain» by the famous Kabardian writer A. Keshokov in the context of his creative activity. The genre characteristics of the book, though assessed differently among researchers, find a clear and grounded definition in the article. Stylistic features of the novel testify to the writer's high artistic skill and the proximity of his work to Kabardian folklore.

Keywords: autobiographical prose; poetry; archetype of home; identity of the author; main character.



РУСИСТИКА. ГЕРМАНИСТИКА. РОМАНИСТИКА

УДК 811.161.1'373

А.Е. Бочкарёв

К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира

Определить содержание исследуемого концепта можно только по засвидетельствованным словоупотреблениям на каком-то избираемом по случаю корпусе текстов. Причём установить, почему рус. *совесть* определяется попеременно то в отношении к Богу, то в отношении к собеседнику, ментору и судье, то в отношении к вере, правде, чести и достоинству, можно только уяснив, что служит критерием оценочной квалификации и какими вообще ценностными смыслами обладают вспомогательные объекты в той или иной области определения.

Ключевые слова: русская языковая картина мира; аксиология; предметная область.

В словарной дефиниции рус. *совесть* определяется как «нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирождённая правда» [5: т. 4, с. 256]; «внутренняя оценка, внутреннее сознание моральности своих поступков, чувство нравственной ответственности за своё поведение» [11: т. 4, с. 359]; «чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, обществом» [9: с. 644]. Как свидетельствуют определения, совесть сопрягается необходимым образом с нравственной ответственностью человека перед самим собой и окружающими за совершенные поступки и дела и тем самым осмысливается в морально-этическом аспекте в качестве нравственного закона, мерила и оценки человеческого поведения [2: с. 385–399; 6: с. 285–287; 10: с. 634–660].

Наиболее частотными признаются при этом употребления вида *с чистой совестью, поступать по совести, угрызения совести, на совесть сделать что-либо, надо и совесть знать* и т. д.

Разумеется, ни одна словарная статья не в состоянии отразить все оттенки значения. Установить их можно только в засвидетельствованных в речевом обиходе контекстах употребления. Обратившись к Национальному корпусу

текстов (<http://ruscorpora.ru/>) [1], можно, в частности, заметить, что, несмотря на кажущуюся универсальность, содержание анализируемого концепта зависит непосредственно от области определения, задающей пропозициональную информацию о том, что совесть можно потерять, замазать и очистить, что совесть может просыпаться, роптать и грызть, и что хорошо спится тому, у кого совесть чиста.

В зависимости от области применимости совесть может быть:

- человеческой: *Это, конечно, совесть, но совесть-то не человеческая, а волчья, что ли* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей);
- христианской: *Тут уже не одна христианская совесть, но и человеческая мудрость говорит о примирении* (В.С. Соловьёв. Три речи в память Достоевского);
- национальной: *Война раскрыла глаза народу, пробудила национальную совесть, и это пробуждение открывало для работы политического воспитания такие широкие возможности, которые обещали самые обильные плоды* (П.Б. Струве. Интеллигенция и революция);
- гражданской: *Вместо того чтобы уйти в подполье (где, как я полагаю, томится большинство его коллег по Резерву), он содержит целый штат сомелье и юристов, которые мониторят информационную среду и дают вежливую, но резкую отповедь каждому, кто начинает упражнять своё остроумие или гражданскую совесть* (В. Пелевин. S.N.U.F.F.);
- революционной: *Арон — это единственное пятно на моей революционной совести* (В.В. Вересаев. Сёстры); *Состоят в распоряжении местного ревкома, но подчиняются только своей свободной революционной совести* (Артём Весёлый. Россия, кровью умытая);
- пролетарской: *Партийная власть? Пролетарская совесть? Почему таких «городничих» ставят во главе творческих и научных учреждений?* (В. Давыдов. Театр моей мечты);
- рабочей: *А всё-таки пошёл, потому что тебя твоя совесть рабочая заставила* (Н.А. Островский. Как закалялась сталь);
- партийной: *Для моей партийной совести необходимо, чтобы я вошёл в новую жизнь свободным от всяких буржуазных пут* (В.Ф. Панова. Сентиментальный роман); — *Кто вы? — Твоя партийная совесть* (С. Довлатов. Иная жизнь);
- комсомольской: *Комсомольская совесть нас привела. Ребята хотят, чтобы отвечали все или никто* (В.К. Кетлинская. Мужество);
- девичьей: *не досмотрела за дочерью? Понадеялась на девичью совесть* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото);
- мужицкой: *Мужицкая совесть тяжёлая* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото); и т. д.

Будучи по сути диффузным, содержание исследуемого концепта раскрывается, как видно, на соответствующем системном классе — относительно нормативных предписаний, предъявляемых ко всем входящим в данный класс представителям. При этом революционная совесть, относительно которой определяются революционно настроенные солдаты и рабочие, не имеет, надо полагать, ничего общего с христианской, ни тем более девичьей совестью. В качестве переменной

величины содержание концепта зависит непосредственно от сопряжённого с ним типового сценария, моделирующего в соответствии со сложившимся в социуме распределением ролей поведение фигурантов — православных, революционных солдат, граждан, партийцев, комсомольцев, мужиков и незамужних девушек. Проще говоря, собеседники заключают, насколько достойно поведение того или иного человека, по отводимой ему социально нормированной функции: быть преданным делу революции — для революционных солдат и матросов, быть верным делу партии — для партийцев и комсомольцев, быть честным и работающим — для мужиков, быть благоразумной, целомудренной и невинной — для девушек.

В этом смысле совесть ценностно избирательна. Каждой аксиологической системе соответствует своя система ценностных нормативов¹. В христианской норме она опосредуется *душой, верой и Богом*, в гражданско-правовой — *долгом и ответственностью*, в общечеловеческой — *правдой, честью и достоинством*. Достоверны или нет такие системы в смысле объективном, заранее знать нельзя, зато можно утверждать безусловную их достоверность как данного сознания в релевантном для человека контексте жизни.

Так, *совесть* входит в отношение импликации:

– с Богом: *Совесть без Бога есть ужас* (Ф.М. Достоевский. Записные книжки); *Бог и совесть приказывают мне вывести тебя отсюда* (В.Я. Брюсов. Огненный ангел); *Ванька, не забывай бога и совесть, — зыкнул Михайла* (Артём Весёлый. Россия, кровью умытая); *Где у них, у скотов безрогих, совесть, где бог?!* (В.Я. Шишков. Угрюм-река);

– душой: *Говорят про вас, — продолжал Серебряный, — что вы бога забыли, что не осталось в вас ни души, ни совести* (А.К. Толстой. Князь Серебряный); *А где остальные? Продали душу и совесть Красной Армии* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам); *Ничего... и совесть спокойна, и душа не болит?* (В. Шукшин. Печки-лавочки);

– верой: *Ведь и у меня есть совесть — да-с, есть вера-с* (Н.И. Греч. Чёрная женщина); *Княгиня не только не боялась свободомыслия в делах веры и совести, но даже любила откровенную духовную беседу с умными людьми и рассуждала смело* (Н.С. Лесков. Захудалый род);

– правдой: *ты не изменяешь нам, не кривишь душою и действуешь по правде и по совести, — сказал Булгаков* (Ф.В. Булгарин. Дмитрий Самозванец); *У них не было совести, они не искали правды* (Б.В. Савинков. Конь бледный); *Послужила ты мне правдой-совестью* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачёв);

– честью: *Когда требуют совесть и честь, и родной сын уходит из дому* (Ф.М. Достоевский. Подросток); *Солдаты, где ваша совесть, где ваша честь и где ваша храбрость?* (Артём Весёлый. Россия, кровью умытая); *растерявшие за годы революции и честь, и совесть* (М.А. Шолохов. Тихий Дон);

¹ Не исключаются, впрочем, и такие случаи, когда предписания одной нормативной системы входят в противоречие с предписаниями другой нормативной системы. Например, христианская совесть с нормой-формулировкой вида *Возлюби ближнего своего* может преобразовываться и даже подавляться нормами-формулировками революционной совести. В таких случаях можно говорить о дизъюнкции различных норм-формулировок [4: с. 290–410].

– стыдом: *без всякого стыда и совести, жили грязно и грубо, злословили друг на друга, чванились друг над другом, дышали друг к другу недоброжелательством и завистью* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева); *и нет у них ни стыда, ни совести, ни приличия, ни осторожности, ни пресыщения* (А.И. Куприн. Юнкера); *Всё ему отдала беззаветно, девичьей чести не пожалела, стыда-совести не побоялась, не утрашилась грозного слова родительского* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах);

– долгом: *Говорят: «долг, совесть», я ничего не хочу говорить против долга и совести, но ведь как мы их понимаем?* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание); *Это — долг вашей совести, Феликс Мартынович! — прибавил он с удобопонятною для Подвиляньского выразительностью* (В.В. Крестовский. Панургово стадо);

– добродетелью: *Добродетель, долг, нравственность, совесть, честность и всякая такая абракадабра, чтобы сделать жизнь тяжёлой и невыносимой, чтобы только дурак был счастлив; а умный, смелый, предприимчивый, желающий жить истинной жизнью, сиди, как скованный в кандалах, именуемых законами* (Е.А. Салиас. Аракчеевский сынок);

– сердцем: *совесть и память сердца тотчас же подскажут, что именно надо рассказывать* (Ф.М. Достоевский. Идиот); *Он очень шёл к бабушкиной коллекции оригиналов и «людей с совестью и с сердцем»* (Н.С. Лесков. Захудалый род).

В зависимости от занимаемой в суждении позиции *совесть* может выступать в качестве субъекта или объекта действия. В качестве субъекта *совесть* как бы отчуждается от человека, вступая с ним в определённые отношения². С ней можно договариваться, идти на сделку, быть в разладе, ссориться или мириться. Весьма примечательным оказывается в этой связи выбор предикатных дескрипций, фокусирующих внимание на каком-то особо примечательном для человека свойстве совести.

В зависимости от условий прагматической ситуации *совесть* может:

– напоминать о себе: *Так напоминала о себе совесть этому захватившему высокое доверие монархини, ничтожному проходимцу* (Г.П. Данилевский. Потёмкин на Дунае);

– судить: *Совесть судит о пользе и вреде каждого намерения* (С. Грешишкин. Александр I и М. Сперанский);

– повелевать: *я делаю то, что мне повелевает совесть* (И.С. Тургенев. *Новь*); *делай так, как повелевает тебе совесть. Felix qui quod amat, defendere fortiter audet!* (А. Морозов. *Прежние слова*);

– приказывать: *Бог и совесть приказывают мне вывести тебя отсюда* (В.Я. Брюсов. *Огненный ангел*);

² По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, человеку свойственна вообще тенденция экстериоризировать свои чувства, «представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим “я” в определённые, дружеские или враждебные, отношения, как нечто нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя» [2: с. 386].

– болеть: *У него болела совесть* (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Когда у него болит совесть, он перестаёт сопротивляться* (Е. Прошкин. Механика вечности);

– мучить: *Кто ж остережёт человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?* (Д.И. Фонвизин. Недоросль); *Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала её мучить* (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка); *Совесть замучит. Да лучше башкой о камень* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачёв); *Совесть их замучила, вот они и вешаются или стреляются* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

– терзать: *Зато уж тебе понятно всё — и то, что Дефо терзала совесть, и то, что ему хотелось на остров — укрыться от себя самого* (Л. Зорин. Юпитер);

– снедать: *Стеснённая сном забота об окончательном устройстве мира всё же снедала их совесть, и они время от времени бормотали слова, чтобы изгнать из себя беспокойство* (А.П. Платонов. Счастливая Москва);

– обличать: *Но совесть обличает: он сам травил русских* (Г. Померанц. Доктрины полемики и этнический мир);

– укорять: *Когда будешь чувствовать, что совесть тебя меньше укоряет, приходи ко мне, посидим, поболтаем о прошлом-то* (Ф.М. Достоевский. Идиот); *когда совесть его ни в чём не укоряла* (А.К. Толстой. Князь Серебряный);

– упрекать: *Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алёша, не гордись!»* (А. Погорельский. Чёрная курица);

– роптать: *совесть её роптала громче её разума* (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка);

– грызть: *Совесть грызла его невольно, не сознавая тогда могущих быть последствий* (Г.П. Данилевский. Беглые в Новороссии); *а когда начала грызть совесть, успокаивал себя тем, что Покровский всё равно лучше Пушкина не напишет* (А. Мариенгоф. Роман без вранья); *Совесть грызла его все эти годы* (А. Азольский. Лопушок);

– глотать: *И всё бы хорошо, / Да совесть гложет* (М. Базанков. Покуда кто-то ждёт меня..., или Диверсант космический);

– есть: *Совесть ест, ночей не спишь!* (А. Слаповский. Синдром Феникса);

– говорить: *Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); *И в нём вдруг будто заговорила совесть* (Е.А. Салиас. На Москве); *во мне заговорила совесть* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); *не родственные чувства говорили в нём и уж, конечно, не совесть, в существование которой он не верил и в свои лучшие годы* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

– подсказывать: *не так, как подсказывает совесть, а исходя из того, сколько он зарабатывает денег* (Е. Коваленко. Когда рушится обычный порядок жизни); *И делать надо то, что тебе в данную минуту подсказывает совесть* (А. Белозёров. Чайка);

- *нашёптывать*: *редко кому нравится во всеуслышание объявлять, о чём нашептала ему совесть* (М. Семёнова. Волкодав);
- *молчать*: *Моя совесть молчала, она теперь молчит, но разве это доказательство невинности?* (И.С. Тургенев. Накануне); *А ведь вы убьёте его, как муху, и ваша совесть будет молчать* (Б.В. Савинков. То, чего не было); *Ежели совесть в тебе молчит, ну-к и я помалкивать буду* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачёв); *но совесть их молчала, ум спал* (Д. Быков. Орфография);
- *дозволять — позволять что-либо делать*: *Как тебе только совесть позволяет приходить к нам, бесстыжие твои глаза?* (М.А. Шолохов. Тихий Дон); *Посетители тащили мелочёвку, насколько совесть позволяла* (В. Солдатенко. Ева);
- *засыпать*: *Спроси свою совесть, пока она не совсем заснула* (В.Я. Шишков. Угрюм-река);
- *дремать*: *старался разбудить свою совесть, но она дремала в глубине души* (Ю. Коваль. Картофельная собака);
- *просыпаться*: *Внезапно в закоренелом уголовнике проснулась совесть* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *и за это время у них не совесть проснулась, у них отсырел зад* (И.Г. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито);
- *пробуждаться*: *совесть пробудилась было в его сердце; но он старался заглушить её следующими рассуждениями: Ветреник Адольф мало думает о своей невесте* (И.И. Лажечников. Последний Новик); *А всё-таки в результате — совесть пробуждается, голова привыкает думать, утраченный человек восстанавливается* (А.И. Эргель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги);
- *заблудиться*: *она [совесть] может заблудиться до самого безнравственного* (Ф.М. Достоевский. Записные книжки);
- *обманывать*: *До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала* (А. Алексеев. Особенности реформ в «серебряном веке»);
- *восставать*: *Уже и тогда совесть восставала во мне, и часто, с мучением и страданием, я чувствовала несправедливость свою к мамушке* (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова);
- *умирать*: *Захватывает дух, скоропостижно умирает «гражданская совесть», и воскресшая «на третий день» мечта заставляет затаиться* (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть);
- *убивать*: *Меня совесть убивает. Я под Лешнювом заколол одного пикой* (М.А. Шолохов. Тихий Дон);
- *поучать*: *совесть учит человека не уклоняться от страдания, чтобы оно не придавило соседа, пав на него двойной тяжестью* (И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений);
- *уличать*: *И тогда нужно было видеть, с каким терпением выносил это муж, с каким участием склонял её успокоиться, целовал её руки и даже, наконец, начинал плакать вместе с нею; тогда вдруг она как будто опомнится, как будто совесть крикнет на неё и уличит в преступлении* (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова);

- успокаиваться: *Совесть моя окончательно успокоилась* (Ф. Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла);
- жечь душу: *Совесть жгла его душу, и не стало ему житья от чёрной тоски* (А.С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга);
- гореть: *Мы не так живем! У меня совесть горит внутри. Я сейчас весь сгорю!* (А. Трушкин. 208 избранных страниц);
- шевелиться: *Или совесть, чёрт возьми, у вас зашевелилась* (А.Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина);
- щекотать: *Да и совесть бы щекотала: как, дескать, так вдруг прогнать человека, который до сих пор был так щедр и довольно деликатен?* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание);
- замерзать: *Совесть замёрзла!.. О, конечно, это всегда так бывает: стоит понизиться на два градуса температуре тела, и совесть замерзает... закон природы* (В.Г. Короленко. Мороз).

Налицо логическое противоречие между субъектом суждения и приписываемыми ему свойствами в статусе семантического предиката. Но ручательством за истинность суждения в речевом обиходе оказывается, как видно, не соответствие действительному положению вещей, а вера в истинность такого соответствия (ср. [7: с. 61–66; 8: с. 56–62]). Больше того, говорящие настолько сжимаются с таким пониманием, что не замечают более метафоричности присоединённых предикатов вида *судить*, *поучать*, *уличать*, *успокаиваться*, *дремать*, *пробуждаться*, *шевелиться*, *восставать*, *гореть* или *жечь*, а принимают их за объективное и чуть ли не осязаемо конкретное свойство совести. Принципиально важно в таких случаях уяснить, почему в качестве вспомогательного объекта метафорической транспозиции избирается такой, а не какой-то другой объект. В дескрипции вида *судить* это строгий судья, в дескрипции вида *замучила* — мучитель, в дескрипции вида *поучать* — ментор, в дескрипции вида *наищёптывать*, *говорить* и *молчать* — внутренний голос, в дескрипции вида *глодать*, *кусать* и *грызть* — острозубый зверёк и т. д.³

В качестве объекта действия совесть можно:

- облегчить: *И, чтобы облегчить свою совесть, Егор Егорыч накал письмо к Крапчику* (А.Ф. Писемский. Масоны); *почему же не допустить и не извинить в нём человеческого желания хоть чем-нибудь облегчить свою совесть и т. д.* (Ф.М. Достоевский. Идиот);
- отягчать: *Всё, что отягчает совесть. Оскорбить человека, причинить ему боль — грех* (С. Тхоржевский. Поздние записи);
- замарать: *Чуть я совесть не замарал из-за тебя, дурья твоя башка* (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века);

³ В терминах семантики возможных миров это означает: чтобы осуществить функцию идентифицирующей референции, некоторый концепт *c* ('совесть') выбирает в качестве интенциональной функции объекты, соотносимые в данном контексте мнения с x^1 ('судья'), x_2 ('ментор'), x_3 ('внутренний голос'), x_4 ('зверёк'), x_n . При этом замена одного термина на другой становится возможной в данной системе исчисления только при сохранении той же установки мнения.

– *очистить: чтобы хоть немножко очистить свою совесть перед Захаревскими, сел и написал им, брату и сестре вместе, коротенькую записку* (А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов);

– *терять / растерять: Совесть не потерял ещё? В принцип веришь?* (П.Д. Боборыкин. Китай-город); *Потеряла девка совесть, забыла, какой у человека и стыд бывает!* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах); *Дедушка у нас на юге всякую совесть потерял, — засмеялась Анна* (А.И. Куприн. Гранатовый браслет); *Они потеряли последние следы совести, — подтвердила секретарша* (М.А. Алданов. Пещера);

– *забывать: А сейчас да, беспредел. Люди совесть забыли — точняк, — сказал Васятка* (М. Гиголашвили. Чёртово колесо);

– *будить: Я помещивал его длинной ложкой и старался разбудить свою совесть, но она дремала в глубине души* (Ю. Коваль. Картофельная собака);

– *успокоить: хозяин хотел хоть немного успокоить свою совесть* (В. Гроссман. Всё течёт);

– *утешать: Вот он и утешал свою совесть, показывая при этом властям кукиш в кармане* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания);

– *приносить в жертву: И вы, граф, имеете духу меня об этом спрашивать, когда я принесла вам в жертву свою совесть, утратила своё имя* (А.Ф. Писемский. Боярщина);

– *отнимать: Отнимите у меня совесть, — я несчастнейший из людей* (М.А. Алданов. Девятое термидора);

– *променивать: Чтоб оградить её жизнь от недостатку в нужном, решил я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променявая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицепрятия не знает, а платит одни труды верно и щедро* (Д.И. Фонвизин. Недоросль); *Где у тебя совесть? Поменял на бабу, на дешёвку?* (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы);

– *продавать: негодяем, продавшим и на старости лет продолжающим продавать свою совесть* (Л.Н. Толстой. Воскресение); *Продали душу и совесть Красной Армии* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам); *сыне великого отца, продавшем своё первородство и совесть за чечевичную похлёбку* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); *За что же я совесть свою, отца продал?* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

– *смущать: если б вы смутили её совесть, душу и разбили покой её сердца* (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова); *Святых включили в заговоры, чтобы не смущать совести верующих* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах);

– *обольщать: и пойдёт за тем, который обольстит его совесть* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы);

– *проесть: припасть, кормить, зализывать сыновние болячки, каким бы ни был, кем бы... вором, душегубом, предателем народа, трусом, беглецом, проевшим совесть, бросившим товарища* (С. Самсонов. Одиннадцать);

– пропить: *Сам ты собака и совесть пропил, а это — друзья человека!* (О. Павлов. Асистолия);

– утопить в вине: *думают опять утопить совесть свою в вине и больше прежнего пьянствуют* (В.Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова);

– заморить: *заморить совесть так, чтобы она не имела ни сил, ни времени напоминать нам прошедшее* (В.Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник);

– насиловать: *я бы взялся защищать господина Палтусова, если бы он не насилдовал мою совесть* (П.Д. Боборыкин. Китай-город); *как вы того желаете, я буду насиловать мою совесть, а действуя по собственному пониманию, конечно, буду не угодна вам* (А.Ф. Писемский. В водовороте);

– почесать за пятки: *Видимо, крокодилица вторглась в подсознание, чтобы, как мальчик кровавый Ивана Грозного, почесать мою совесть за пятки* (Д. Симонова. Половецкие пляски).

В качестве объекта действия совесть определяется, как видно, по свойствам, принадлежащим в языке объектам других системных классов. В метафорической проекции совесть можно *успокоить*, как успокаивают испуганное дитя, *замарать*, *испачкать* или *очистить*, как пачкают и чистят платье, *смутить* и *обольстить*, как смущают и обольщают невинную девицу, *променять*, *продать*, *проесть* или *пропить*, как променивают, продают, проедают и пропивают имущество, *заморить*, как морят голодом живое существо, *принести в жертву*, как приносят в жертву закланное животное, и т. д. Причём понять, почему для определения совести избираются такие, а не какие-то другие вспомогательные объекты, можно только уяснив, что служит критерием оценочной квалификации — материальная ценность для имущества, чистота для платья, невинность для девицы, жертвенность для закланного животного и т. д. Вектор оценки задаётся всякий раз по особо значимым ценностным смыслам [3: с. 55–63], утрата которых влечёт за собой девальвацию объекта в рамках сложившейся в аксиологической системе говорящих оценочной шкалы.

В качестве неодушевлённого объекта действия совесть может быть:

– чистой или нечистой: *Какие же заботы, если моя совесть чиста и перед богом и перед людьми?* (К.А. Федин. Первые радости); *Совесть его была чиста* (Н. Мамышев. Злосчастный); *Хорошо спится тому, у кого совесть чиста. Совесть! Её чистоту она ставила впереди чистоты рук* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени); *В этом смысле перед Богом его совесть чиста* (В. Быков. Болото); *И воспоминанье не чёрной мухой, а насосавшимся клопом липнет к нечистой совести* (М.А. Осоргин. Сивцев Вражек); *Нехороший человек, неискренний, говорит, а в глаза не смотрит. Значит, совесть нечиста* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Врать может только тот человек, у кого совесть нечиста* (В.П. Беляев. Старая крепость);

– незапятнанной или запятнанной: *не веря ни одному слову человека с незапятнанной совестью, всю жизнь мечтавшего о благе и свободе*

(Ю.П. Анненков. Повесть о пустяках); *подлюю сделку с ничем не запятнанной совестью* (А. Белый. Петербург);

– *безукоризненной: Но твоя совесть безукоризненна, а он вспомнит однажды ночью случай с тобой и покраснеет от стыда* (А.И. Куприн. Юнкера);

– *неотягчённой: Человеку с неотягчённой совестью приятно в такое утро выйти из дому* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок);

– *сожжённой: Бывает сожжённая совесть* (З.Н. Гиппиус. Задумчивый странник).

В качестве одушевлённого объекта совесть может быть:

– *покойной / спокойной: совесть моя совершенно покойна* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание); *Ваша совесть может быть покойна, всё в порядке* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам); *Ваша совесть может быть спокойна: вы работали не на Бэйли, а против него* (А.Р. Беляев. Продавец воздуха);

– *встревоженной: когда встревоженной совести, вследствие принятых решений, всё-таки представляются хоть некоторые просветы в будущем* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы); *по-моему, философия — заговор на совесть, на успокоение встревоженной Совести* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина);

– *возмущённой: и говорит возмущённая совесть и она действительно одинока со своими миллионами* (К.М. Станюкович. Жрецы);

– *напуганной: голос напуганной совести мало-помалу нашептал ему суеверное предчувствие, что ему суждено ещё заживо получить жестокое возмездие за грехи против жены* (А.В. Амфитеатров. Княжна);

– *покладистой: пробудило угрызение даже его покладистой совести* (Н.Э. Гейнце. В тине адвокатуры);

– *милосердной: Ни великолепный дом, ни царственный род, ни высочайший чин, ни тысячи золота и серебра, ни учение, ни ангельский язык, но только едина дружественная и милосердая совесть* (Г. Сковорода. Толкование из Плутарха о тишине сердца);

– *непорочной: чистой и непорочной совестью, он ещё долго бы продолжал храпеть и переворачиваться со стороны на сторону, если б вдруг среди глубокой тишины сильная, неведомая рука не ударила три раза в ворота так, что они затрещали* (М.Ю. Лермонтов. Вадим);

– *чуткой: Сусанна тем не менее поняла хорошо, что сказала ей сестра, и даже чуткой своей совестью на мгновение подумала, что и с нею то же самое могло быть, если бы она кого-либо из мужчин так сильно полюбила* (А.Ф. Писемский. Масоны);

– *нежной и хрупкой: Скажи, Мишка, не бессмысленная ли роскошь в наше время — иметь такую нежную, такую хрупкую совесть?* (А. Мариенгоф. Бритый человек);

– *изворотливой: Да, да-с: человек с изворотливой совестью он* (А. Белый. Москва);

– и даже ленивой: *Я не хочу поражать, восхищать или пробуждать дремоту ленивой совести удручающим взлётом сводов, тяжестью купола, угрожающей тенью неосвещённых углов* (О.Д. Форш. Михайловский замок).

Так приходим к следующим установлениям.

- Определить содержание исследуемого концепта можно только по за-свидетельствованным словоупотреблениям на каком-то избираемом по случаю корпусе текстов.

- В качестве предмета исследования концепт подлежит изучению и в плане дистрибуции, и с точки зрения участвующих в его построении систем нормирования, и в плане моделирования коммуникативных стратегий, установок мнения и интенций говорящих.

- В зависимости от области определения рус. *совесть* может быть человеческой, христианской, национальной, революционной, рабочей, партийной, комсомольской, гражданской, девичьей, мужицкой и т. д.

- Каждой области определения соответствует своя собственная система ценностных нормативов.

- Сообразуясь с ценностными ориентирами той или иной предметной области, рус. *совесть* входит в отношение импликации с *Богом, душой, верой, добром, истиной, правдой, честью, долгом, добродетелью, со стыдом* и т. д.

- В структурном отношении содержание нормативной системы можно выразить в виде конъюнкции всех входящих в неё норм-формулировок вида *быть преданным делу революции* — для революционной совести, *быть верным гражданскому долгу* — для гражданской совести, *быть опрятной, скромной и целомудренной* — для девичьей совести и т. д.

- По критерию истинности нормативная система не подлежит проверке на истинность, поскольку все входящие в неё нормы-формулировки не являются ни истинными, ни ложными, а разве только разрешающими или запрещающими, выполнимыми или невыполнимыми, противоречивыми или непротиворечивыми, допустимыми или недопустимыми.

- По критерию обязательности все входящие в нормативную систему нормы-формулировки сродни императивам со статусом разрешений или запретов вида *возлюби ближнего своего, не убий* в христианской совести.

- По критерию выполнимости нормативную систему считают выполнимой, если все входящие в неё нормы-формулировки непротиворечивы.

- Когда с исследуемым концептом соотносятся сразу несколько нормативных установок или нельзя вообще подобрать ни одну из известных установок, не остаётся ничего другого, как довольствоваться интенцией говорящего определить содержание исследуемого концепта таким, а не каким-то другим образом.

В русской языковой картине мира *совесть* метафоризируется, таким образом, и как строгий судья, и как ментор, и как собеседник, с которым можно договориться, поссориться или помириться, и как внутренний голос, указывающий, как должно или не должно поступать, и как невинная девица, которую можно смутить или обольстить, и как платье, которое можно замарать

или очистить, и как имущество, которое можно проесть или пропить, и как раскалённое железо, которое жжёт душу, и как острозубый зверёк, который гложет и грызёт. Причём утверждать, какой из способов определения является наиболее адекватным, можно только путём уяснения его применимости в пределах заданной концептуальной сферы. Понять, почему в метафорической проекции рус. *совесть* определяется по таким, а не каким-то другим свойствам, можно только уяснив, что служит критерием оценочной квалификации и какими вообще ценностными смыслами наделяются вспомогательные объекты в аксиологической системе говорящих.

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.02.2016).

Литература

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1998. 896 с.

3. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.

4. Вригт Г.Х. фон. Нормы, истина и логика // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. М.: Прогресс, 1986. С. 290–410.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1880–1882; репринт М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955–1956.

6. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

7. Карданова К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность // Рус. язык в школе. 2010. № 9. С. 61–66.

8. Карданова К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность (окончание) // Рус. язык в школе. 2010. № 10. С. 56–62.

Справочные и информационные издания

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стер. М.: Рус. язык, 1985. 797 с.

10. Степанов Ю.С. Совесть, нравственный закон, мораль (Моральный кодекс Чехова) // Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. С. 634–660.

11. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940.

References

Istochniki

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (data obrashheniya: 12.02.2016).

Literatura

2. *Arutyunova N.D.* Yazy'k i mir cheloveka. M.: Yazy'ki rus. kul'tury', 1998. 896 s.
3. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v mass-medijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.
4. *Vrigt G.X. fon.* Normy', istina i logika // Vrigt G.X. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: izbr. tr. M.: Progress, 1986. S. 290–410.
5. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivogo velikoruskogo yazy'ka: v 4 t. M.: Izd-vo M.O. Vol'fa, 1880–1882; reprint M.: Gos. izd-vo innostranny'x i nacional'ny'c slovaraj, 1955–1956.
6. *Zaliznyak A.A.* Mnogoznachnost' v yazy'ke i sposoby' eyo predstavleniya. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2006. 672 s.
7. *Kardanova K.S.* Yazy'kovaya kartina mira: mify' i real'nost' // Rus. yazy'k v shkole. 2010. № 9. S. 61–66.
8. *Kardanova K.S.* Yazy'kovaya kartina mira: mify' i real'nost' // Rus. yazy'k v shkole. 2010. № 10. S. 56–62.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo yazy'ka / pod red. N.V. Shvedovoj. 17-e izd., ster. M.: Rus. yazy'k, 1985. 797 s.
10. *Stepanov Yu.S.* Sovest', npravstvenny'j zakon, moral' (Moral'ny'j kodeks Chexova) // Stepanov Yu.S. Konstanty'. Slovar' russkoj kul'tury'. Opy't issledovaniya. M.: Yazy'ki rus. kul'tury', 1997. S. 634–660.
11. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. M.: Sov. e'nciklopediya: OGIz, 1935–1940.

A.E. Bochkaryov

**On the Content of the Concept «Conscience»
in the Russian Linguistic Image of the World**

The content of the inquired concept can be defined only via attested word usages within a selected text corpus. The definition of the Russian conscience is only possible through a proper understanding of an evaluation criterion for a particular assessment qualification as well as value senses belonging to ancillary objects in a particular field of definition. These factors help understand why conscience is defined in the Russian linguistic worldview alternately in relation either to God, or to the interlocutor, mentor and judge, or in regard to faith, truth, honor and dignity.

Keywords: Russian linguistic worldview; axiology; field of definition.

Е.С. Борисова

Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе

В статье анализируются типы переданной речи, в различной мере удаляющие повествующий субъект от нарратива. Выделяются формальные критерии, по которым читатель, в большинстве своём неосознанно, воспринимает конкретные голоса в общей полифонической структуре художественного произведения.

Ключевые слова: нарратив; косвенные / прямые формы переданной речи; субъект повествования; дейксис; итальянская проза.

Проблема устранения голоса нарратора напрямую связана с бахтинским противопоставлением Я и ДРУГОЙ, которое начиная с середины XX века стало использоваться для анализа диалогичности практически любого текста в итальянской нарратологии. Теория «чужой»¹ речи в итальянской лингвистике стала активно развиваться именно после переводов работ М.М. Бахтина на итальянский язык. Большой вклад в эту проблематику внесла Биче Мортара Гаравелли (B. Mortara Garavelli). «Начиная с античности, философы обращались к вопросу о различении сфер реального и сказанного (*de re vs. de dicto*). <...> Особый интерес данного явления для лингвистики заключается в том, что в его рамках прослеживается действие самых различных механизмов языковой системы, таких как построение сложных предложений, ролевой, временной и пространственный дейксис, выражение эвиденциальности» [10: с. 130].

В данной статье используется понятие «нарратор», а не «автор», поскольку первое сугубо функционально, т. е. «обозначает носителя функции повествования безотносительно к каким бы то ни было типологическим признакам» [13: с. 68]. Мы также разграничиваем понятия текста автора, т. е. весь текст произведения, и нарратора, поскольку нарратор — создание автора. Подробно о соотношении понятий «автор» – «повествователь» – «рассказчик» – «нарратор» (см. [13: с. 44–106]). С формальной точки зрения степень присутствия голоса нарратора в повествовании можно связать со степенью зависимости вводимого высказывания от вводящего. Используя структурный грамматический подход, выделим четыре типа включения речи персонажа в текст: косвенная речь (КР), несобственно-прямая речь (НПР), прямая речь (ПР), свободная прямая речь (СПР). Согласование вводимой и вводящей частей прежде

¹ Определение «чужой» мы берём в кавычки, поскольку в любом типе повествования трансляция слов персонажа — заслуга автора, создателя текста.

всего проявляется в системе персональных и временных дейктиков. Остальные многочисленные способы включения «чужой» речи можно рассматривать как разновидности основных выделяемых нами типов. Для наглядности приведём примеры каждого вида переданной речи на примере одного и того же смыслового высказывания:

1. КР: *Durante la riunione Giovanni è saltato su come un pazzo e ha detto che [non ne poteva più, e che da allora in poi non lo avremmo più visto alle riunioni]². Allora Lia gli ha risposto che [era un presuntuoso].* (Здесь и далее подчёркиванием выделяются слова, вводящие речь персонажа, т. е. слова нарратора. — Е.Б.).

2. НПР: *Durante la riunione c'è stato uno show a sorpresa di Giovanni. [E non ne poteva più, e col cavolo che lo avremmo rivisto alle nostre riunioni], e allora lì Lia è scattata. [Ah, era proprio un bel presuntuoso!].*

3. ПР: *Noi tutti lì che ascoltavamo in silenzio ma Giovanni diventava sempre più nervoso. A un certo punto è saltato in piedi di fronte a Lia e ha detto: «Basta, non ne posso più! D'ora in poi fatevele da soli le vostre riunioni!» Allora Lia gli fa: «Eh ma che razza di presuntuoso!».*

4. СПР: *Noi tutti in silenzio e Giovanni che ribolliva. Hai presente un'esplosione? Mancava poco che lui e Lia venissero alle mani. «Eh no, non ne posso più, adesso basta! Non mi rivedrete mai più alle vostre riunioni». «Ah, presuntuoso che non sei altro!» [14: p. 18].*

Степень зависимости текста персонажа от текста нарратора позволяет выделить косвенные формы (КР и НПР) и прямые формы переданной речи (ПР и СПР).

Основным признаком, отличающим косвенные формы переданной речи от прямых, является транспозиция персональных и временных дейктиков³. Причём если в косвенной речи обе транспозиции обязательны (к ним присоединяется также транспозиция пространственных дейктиков), то в НПР зависимость вводимого высказывания от вводящего менее строгая. Следует указать на то, что в итальянской лингвистической традиции термин НПР имеет эквивалент *discorso indiretto libero* (DIL), т. е. «свободная косвенная речь». В русском языке система согласования времён отсутствует, поэтому НПР структурно ближе к ПР, что оправдывает применение термина НПР как эквивалента DIL. Примеры из итальянской прозы показывают, что в подавляющем большинстве случаев в этой конструкции временные дейктики подчиняются вводящему высказыванию по типу косвенной речи. То же касается и персональных дейктиков, но их согласование с вводящей частью строго обязательно.

Персональными дейктиками, указывающими на субъект повествования, помимо имён собственных, являются личные местоименные и глагольные формы. И в КР, и в НПР субъект повествования переданной речи — не 1-е лицо⁴. Важно,

² В этом примере и далее квадратными скобками выделена «чужая» речь.

³ Персональные, временные и пространственные дейктики являются составляющими контекстуального дейксиса [11: с. 72].

⁴ Мы используем этот термин, поскольку при любых транспозициях в косвенных формах лицо субъекта повествования всегда отлично от реальной коммуникативной ситуации.

что такая транспозиция может происходить во вводимом высказывании как в нарративе от 3-го лица, так и в нарративе от 1-го лица. В последнем случае происходят не менее интересные трансформации персональных дейктиков, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Транспозиция персональных дейктиков в косвенных формах переданной речи

Нарратив от 3-го лица	Нарратив от 1-го лица
S _{повествования} = 3-е лицо Адресат = 3-е лицо	S _{повествования} = 3-е / 1-е лицо Адресат = 1-е / 3-е лицо

Рассмотрим пример косвенного способа передачи «чужой» речи в нарративе от 3-го лица:

[*Un figlio suo — pensava Lida —: ecco che cosa gli mancava, ecco l'unica ombra che avesse turbato la serenità della loro vita*] [1: p. 38].

Это пример НПР, в котором местоимение *loro* замещает субъект повествования (Lida) и адресат высказывания. Наличие согласования времён (*pensava — mancava, avesse turbato*) и транспонированные временные дейктики позволяют судить о том, что слова персонажа переданы в косвенной форме. Однако специфическая пунктуация⁵, дискурсивное слово *ecco*, вынесение прямого дополнения *un figlio suo* вперёд указывают на то, что это включение голоса персонажа в текст в форме НПР, позволяющей объединить в одном высказывании особенности ПР и КР.

Во многих исследованиях, вслед за Е.В. Падучевой, выделяют характерный признак НПР — «3-е лицо, которое обладает всеми правилами 1-го» [9: с. 337]. Тем не менее, как показало наше исследование [7: с. 100–106], это не единственный способ трансформации персональных дейктиков. В следующем примере НПР в нарративе от 1-го лица субъектом повествования является Альберто Финци-Контини, который от себя и от лица своей сестры Миколь приглашает рассказчика поиграть в теннис:

[*Se mi accontentavo di un campo di terra battuta — ripeté — <...> ambedue, loro, ne sarebbero stati ben lieti e «onorati». <...> A parte il fatto che lui si sarebbe trattenuto a Ferrara almeno un altro mesetto*] [2: p. 67].

В этом отрезке текста субъект повествования — 3-е лицо (*loro sarebbero stati <...> lieti e «onorati», lui si sarebbe trattenuto*), как и в третьеличном нарративе, а адресат — 1-е лицо (*mi accontentavo*). Интересно, что в конструкцию с косвенной передачей речи персонажа включается прямое цитирование, выделенное кавычками — «*onorati*». Эту разновидность прямой речи называют также прямой номинацией [9]. Её особенностями является либо графическое выделение, либо выделение особыми операторами цитирования.

⁵ В данном примере пунктуационное выделение НПР — это особенность синтаксиса Дж. Бассани. Анализ НПР на корпусе примеров из 35 произведений итальянской художественной прозы показал, что в подавляющем большинстве случаев графическое маркирование этой конструкции отсутствует (см. [7]).

Таким образом, если голос нарратора частично присутствовал в конструкции НПР, на что указывали транспонированные персональные и временные дейктики, то пунктуационное выделение слова, свойственного речи упомянутого персонажа, полностью устраняет нарратора из текста.

В диегетическом повествовании, как видно из следующего примера, 2-е лицо адресата может транспонироваться в 3-е лицо (*era, gli*), в то время как 1-е лицо субъекта повествования (это рассказчик) остаётся неизменным (*avevo passato*):

[*Era o non era d'accordo — gli domandai — con la tesi del saggio di Leone Trotski che gli avevo «passato» qualche giorno prima?*] [2: p. 70].

Сравним с тем же высказыванием, которое мы трансформировали в ПР, чтобы наглядно показать изменение персональных дейктиков из прямой формы передачи «чужой» речи в косвенную:

— *Sei o non sei d'accordo — gli domandai — con la tesi del saggio di Leone Trotski che ti ho passato qualche giorno fa?*

В косвенной речи происходит полное подчинение текста персонажа вводящему высказыванию, голос нарратора вбирает в себя все индивидуальные особенности речи персонажа, экспрессивные элементы исчезают. Однако этот чисто информативный вид переданной речи при определённых условиях может использоваться и как стилистический приём. Например, в романе Табуки *Sostiene Pereira*, глагол-интродуктор *sostiene*⁶, вынесенный в название произведения, переключает внимание читателя с одного говорящего субъекта на другой и постоянно напоминает читателю о том, что всё написанное принадлежит персонажу:

[*Pereira a sua volta mantenne qualche secondo di silenzio, perché gli pareva strano, sostiene, che una persona che aveva firmato riflessioni così profonde sulla morte non pensasse all'anima*] [6: p. 9].

На самом деле — это косвенная речь (*gli pareva strano <...> che una persona <...> non pensasse all'anima*), за которой стоит нарратор.

При изучении способов устранения голоса нарратора из повествования прямую речь следует считать своеобразной точкой отсчёта, так как она «обладает максимальной концентрацией базовых признаков “чужой” речи: наиболее высоким потенциалом выполнения ведущей функции — представления своего и чужого речевых центров в их автономности и взаимодействии» [8: с. 12]. К тому же для художественного текста, не имеющего аудиооригинала, это единственно возможный путь: сравнение разных видов переданной речи с их возможным эквивалентом в ПР, так как её графическое выделение в тексте прямым образом указывает читателю на субъект повествования.

СПР, напротив, не выделяется из текста графически, персонаж говорит или думает от 1-го лица (персональные дейктики соответствуют реальной коммуникативной ситуации). Согласование текста персонажа с текстом нарратора отсутствует

⁶ «Предикаты пропозициональной установки являются единственным показателем, позволяющим читателю однозначно отнести высказывание с субъектом речи или мысли в третьем лице к словам персонажа» [7: с. 89].

(глаголы, относящиеся к протекающему моменту, стоят в настоящем времени), как и в прямой речи, появляются несколько дейктических центров, единственными указателями на «чужой» голос оказываются глаголы-интродукторы, если они есть. Таким образом, голос нарратора устраняется полностью:

(СПР полицейский) *Insomma, mi sono spiegato? Mi segua senza fare storie, lei è in stato di arresto.* (СПР Аньелло) *Ma qua 'arresto, qua 'carabozzo? sbotta Agnello, divincolandosi, no 'me fa ota 'le zelle sinnò te zenzulio da cca pe ' mezzo!* (НПР Вита) *Vita grida [che è lei che deve andare in prigione, la guardava lei la lampada, è lei che c'ha il male dentro — Agnello è uno zuccone con tante colpe, ma la colpa sua è grossa veramente, anche se non voleva bruciare Lena, non era nemmeno più arrabbiata con lei, non voleva! Tata!]* [4: p. 199].

В этом примере представлены реплики трёх персонажей: речь полицейского (на italiano standart) и Аньелло (на южном диалекте) передана конструкцией СПР, причём без всяких вводящих элементов, речь падчерицы Аньелло, заявившей на него в полицию и подстроившей всю эту историю, — НПР. Автор минимизирует свои комментарии, поскольку характерные особенности речи персонажей позволяют переключать внимание с одного субъекта повествования на другой и сделать повествование более динамичным.

В художественном тексте разные виды переданной речи часто совмещаются в одном большом периоде и образуют диалогические единства, в которых голос нарратора то превалирует, как в КР, то исчезает, как в ПР:

(КР₁) *Gli dissi chi erano i giudici e lui, dopo averci pensato un poco, disse che* (КР₂) *non valeva la pena rischiare con quelli.* (НПР₂) [*Avrebbe patteggiato, così si sbrigava anche prima. E io cosa avevo quella mattina?*] [3: p. 182].

(ПР₁) — *Vuoi che ci troviamo una sera in quattro: — Credette d'aver trovata la via per dare aiuto all'amico ed Emilio accettò con entusiasmo.* (НПР₂) [*Naturalmente! L'unico mezzo per poter imitare il Balli era di vederlo all'opera*] [5: p. 58].

Сопоставительный анализ разных видов переданной речи показал, что степень устранения голоса нарратора зависит от: 1) высказывания, вводящего «чужую» речь; 2) пунктуационного выделения текста персонажа; 3) изменения дейктиков во вводимом высказывании; 4) дискурсивных маркеров и 5) экспрессивного синтаксиса в тексте персонажа. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сопоставительный анализ четырёх видов переданной речи

Тип речи	Вводящее высказывание	Пунктуационное выделение	Изменения дейктиков во вводимом высказывании			Дискурсивные маркеры	Экспрессивный синтаксис
			временных	персональных	пространственных		
КР	+	–	+	+	+	–	–
НПР	+ / –	+ / –	+ / –	+	– / +	+	+
ПР	+	+	–	–	–	+	+
СПР	– / (+)	–	–	–	–	+	+

Итак, анализ формальных способов устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе позволяет сделать следующие выводы: голос нарратора устраняется полностью в СПР (если нет вводящих элементов); в ПР голос нарратора присутствует только во вводящем высказывании; НПР — это промежуточная конструкция между КР и ПР, в ней голос нарратора вторгается в текст персонажа; в КР, напротив, исчезают все особенности речи персонажа, она оказывается чисто информативным способом кодирования информации и «передаёт только пропозицию исходного высказывания» [12: с. 49].

Библиографический список

Источники

1. *Bassani G.* Cinque storie ferraresi. Torino: Einaudi, 2003. 202 p.
2. *Bassani G.* Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999. 193 p.
3. *Carofiglio G.* Ragionevoli dubbi. Palermo: Sellerio, 1994. 299 p.
4. *Mazzucco M.G.* Vita. Milano: BURextra, 2010. 475 p.
5. *Svevo I.* Senilità. Roma: Newton, 2008. 191 p.
6. *Tabucchi A.* Il tempo invecchia in fretta. Milano: Feltrinelli, 2009. 171 p.

Литература

7. *Борисова Е.С.* Несобственно-прямая речь в итальянском нарративе XIX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2014. 212 с.
8. *Максимова Н.В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: РГГУ, 2005. 316 с.
9. *Падучева Е.В.* Семантика нарратива // Семантические исследования. М.: МГПУ, Языки рус. культуры, 1996. 463 с.
10. *Резникова Т.И.* Reported discourse // Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 129–133.
11. *Рыжова Л.П., Савельева Е.Б.* Контекстуальный дейксис как средство моделирования пространства и времени в автобиографической прозе Андре Жида // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 72–81.
12. *Шутова И.А.* Косвенная речь как способ кодирования авторской интенции в художественном тексте // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 47–54.
13. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянских культур, 2008. 303 с.
14. *Calaresu E.* Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004. 224 p.

References

Istochniki

1. *Bassani G.* Cinque storie ferraresi. Torino: Einaudi, 2003. 202 p.
2. *Bassani G.* Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999. 193 p.
3. *Carofiglio G.* Ragionevoli dubbi. Palermo: Sellerio, 1994. 299 p.
4. *Mazzucco M.G.* Vita. Milano: BURextra, 2010. 475 p.
5. *Svevo I.* Senilità. Roma: Newton, 2008. 191 p.
6. *Tabucchi A.* Il tempo invecchia in fretta. Milano: Feltrinelli, 2009. 171 p.

Literatura

7. *Borisova E.S.* Nesobstvenno-pryamaya rech' v ital'yanskom narrative XIX–XXI vv.: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. M., 2014. 212 s.
8. *Maksimova N.V.* «Chuzhaya rech'» kak kommunikativnaya strategiya. M.: RGGU, 2005. 316 s.
9. *Paducheva E.V.* Semantika narrativa // Semanticheskie issledovaniya. M.: MGPU, Yazy'ki rus. kul'tury', 1996. 463 s.
10. *Reznikova T.I.* Reported discourse // Vopr. yazy'koznaniya. 2004. № 2. S. 129–133.
11. *Ry'zhova L.P., Savel'eva E.B.* Kontekstual'ny'j dejksis kak sredstvo modelirovaniya prostranstva i vremeni v avtobiograficheskoj proze Andre Zhida // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 72–81.
12. *Shipova I.A.* Kosvennaya rech' kak sposob kodirovaniya avtorskoj intencii v xudozhestvennom tekste // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 47–54.
13. *Shmid V.* Narratologiya. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2008. 303 s.
14. *Calaresu E.* Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004. 224 p.

E.S. Borisova

**Formal Modes of Cancelling the Narrator's Voice
in the Italian Fictional Prose**

The article analyses the types of reported speech indicative of various degrees of remoteness of the subject from the narrative itself. The highlighted formal criteria let the reader, for the most part unconsciously, particularize voices in the overall polyphonic structure of a literary work.

Keywords: narrative; direct / indirect forms of reported speech; subject of narrative; deixis; Italian narrative.



**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 811.161.1'272

Е.Г. Борисова

**Лексическая номинация
в информационных войнах**

К 90-летию И.-Э.С. Рахманкуловой

В работе, посвящённой выдающемуся языковеду И.-Э.С. Рахманкуловой, рассматриваются факторы, обеспечивающие перлокутивный эффект выбору средств номинации, т. е. таких слов, лексическое значение которых влияет на общественное сознание. Показывается, что роль играют и сам способ «картирования» отражаемой реальности (фрейминг), и коннотации лексемы, и социально-прагматические факторы слова, в частности, их манифестативность, т. е. принадлежность к определённому типу политического дискурса.

Ключевые слова: информационная война; перлокутивная лингвистика; фрейминг; манифестативность.

Среди научных интересов Изюм-Эрик Салиховны Рахманкуловой можно отметить аспекты, связанные с использованием языка для воздействия на адресата или даже для манипуляции им. В частности, по этим проблемам защитила кандидатскую диссертацию её аспирантка Мария Сеницына [6; 7]. Возможно, как-то такой интерес связан с тем, что И.-Э.С. Рахманкуловой пришлось участвовать в реальной — Великой Отечественной — войне. А как языковед она понимает, что язык тоже может быть оружием.

В наши дни термины «информационная война», «информационно-психологическая война», а с недавних пор и «гибридная война» используются всё чаще, хотя содержание этих понятий не вполне определилось. В соответствии с самой распространённой сегодня традицией мы называем информационной войной использование средств коммуникации (вербальных и поликодовых) для воздействия на «противника» в целях формирования у него определённого взгляда на ситуацию, оценок, убеждений и намерения действовать.

Наиболее актуальной в русскоязычной коммуникации в 2014–2015 годах можно считать информационную войну сторонников и противников руководства

Украины, пришедшего к власти 22 февраля 2014 года в результате госпереворота, который в проукраинских СМИ называется «революцией достоинства». В наши дни собран достаточно большой материал по пропагандистскому сопровождению подготовки этого события (массовые демонстрации в Киеве, получившие название «Евромайдан») и развернувшимся после него столкновениям, приближавшимся к гражданской войне [4]. Настало время от фиксации явлений перейти к выявлению фундаментальных свойств коммуникации, в первую очередь — естественного языка, которые обеспечивают столь значимое воздействие «обмена колкостями» на состояние умов.

В нашей работе в центре внимания оказывается такой аспект речевой деятельности говорящего, как выбор лексики для отражения реальности. В германистике уже давно уделяется внимание лексике политических текстов, которая в одних случаях (*Fahne-woerter*) служит «знаменем», отражающим идеалы авторов, а в других (*Stygmataen-woerter*) — используется для клеймления противника. Анализ русскоязычного политического дискурса позволяет говорить о том, что определённая лексика оказывается частой, типичной для одного политического направления. Как отмечено в работе [3], в разряде общественно-политической лексики имеется определённый фрагмент (до нескольких сот единиц), который допускается в речи представителей только определённых политических групп. Например, слово «трудящиеся» характерно для коммунистических текстов. Для других, в частности, принадлежащих перу либеральных авторов, они маловероятны, разве что в кавычках, т. е. при цитировании, ироничном употреблении. Только для православных характерны употребления слов и словосочетаний «промыслительно» (в соответствии с промыслом Божиим), «Спаси Господи» (в значении «спасибо») и др. Такие слова, характерные для определённого типа политического дискурса, мы называем **манифестативные**. Например, слово «гомофобия» в патриотической «Советской России» встречается 14 раз (и то в основном в комментариях к статьям в электронной версии газеты), а в либеральной «Новой газете» насчитывается 7650 случаев его употребления. На сайте «Православие.ру» слово «гомофобия» встречается 68 раз. Выражение «информационная война» встречается в «Советской России» в 9639 случаях, в то время как в «Независимой газете» — в 746 случаях. (Сведения любезно предоставлены С.А. Дондо).

Причины различий в лексике разных политических сил связаны с разными причинами, например, с традициями употребления, которые продолжает политическая сила, именно так можно объяснить «советское» слово «трудящиеся» в дискурсе КПРФ, продолжающей коммунистические традиции советского времени. В целом можно считать, что манифестативная лексика отражает определённый взгляд на мир, что может быть использовано и для воздействия на адресата.

Для речевого воздействия важно задание желательного ракурса во взгляде на события через слова, использованные для называния этого события, т. е. через средства номинации. В основе этого явления [2] лежит возможность

вариативного отражения действительности [1], а точнее, невозможность (по крайней мере, в большинстве случаев) её однозначного отражения. Мы называем это явление **фреймингом** — от принятого в нейролингвистическом программировании термина «рифрейминг», т. е. задание нового взгляда на реальность. Фрейминг — это отражение реальности, формируемое лексическим значением всех составляющих какого-либо высказывания. Например, в высказываниях «захват Крыма» и «присоединение Крыма к России» разница во фрейминге определяется различием в лексическом значении слов «присоединение» (действие или процесс, результатом которого является то, что нечто, не входившее в целое, стало в него входить) и «захват» (активные действия, направленные на то, чтобы нечто, ранее не принадлежавшее деятелю, стало ему принадлежать).

Имеет смысл рассмотреть те факторы, которые обеспечивают фреймингу ведущую роль в сфере речевого воздействия. В принципе, сам факт отражения части реальности: одной — при использовании одного слова, другой — при обращении к другому, уже задаёт этот эффект. В рассмотренном выше примере семантический компонент «активные действия», отличающий слово «захват», не присутствует в слове *присоединение*, что позволяет представить ситуацию как естественный процесс. Кроме того, выводится из рассмотрения фрагмент смысла «ранее не принадлежало деятелю, а теперь стало принадлежать», который может служить основанием для импликатур, например, «это было сделано без достаточных оснований». Однако наблюдения показывают, что чаще всего выявление только одной стороны реальности сопровождается дополнительными факторами воздействия. В первую очередь, это оценочный компонент, который обычно сопровождает одно из слов (или даже все слова, пригодные для отражения этой реальности). Так, сравнивая наиболее часто используемые в СМИ слова, отражающие ситуацию с разных сторон: «хулиганы – протестующие», «СССР – совок», «повстанцы – террористы» — мы видим, что хотя бы одно слово из пары несёт на себе оценочность, причём чаще всего отрицательную. Исключения есть, например, номинации «участники протестов» и «активисты Майдана», использовавшиеся в российских СМИ для обозначения одних и тех же лиц. Но их немного, и они тоже содержат в себе возможности для задания определённой точки зрения. Так, номинация «активисты Майдана» содержит в себе, во-первых, указание на возможную особо активную роль, а во-вторых, привязывает номинацию к понятию «Майдан», что, в свою очередь, может влечь за собой шлейф определённых коннотаций.

Есть и другие факторы, определяющие оценочную окраску номинации. Таковым оказывается употребление слова в ироническом плане. Ирония — очень тонкий и многогранный инструмент. Нередко ироническое высказывание может оказаться амбивалентным с точки зрения его понимания. Например, выражение «приняли надлежащие меры» по отношению к действиям властей, разогнавшим демонстрацию, может быть представлено как понимаемое в прямом

смысле (что демонстрирует лояльность автора к властям), и в ироническом. Для определения иронического употребления номинации иногда используются специальные маркеры: интонация, особое произношение или написание [8], например, *патриёт*, *фошыст*. Однако чаще всего ирония выявляется благодаря употреблению средств, неуместных в речи автора, в политических текстах — через манифестативную лексику.

В современной западной журналистике наблюдается стремление к беспристрастности (*impartiality*). Однако уже употребление определённой номинации, даже если оценочный характер избегается, задаёт некую точку зрения автора, которая транслируется читателю. Таким образом, можно считать, что позиция «максимальной объективности» — это идеал, который недостижим в принципе. Впрочем, стремление к нему далеко не всегда присутствует. И особенно это относится к информационным войнам.

В целом можно отметить несколько направлений использования фрейминга для манипуляции сознанием масс. Манипулятивные возможности номинации заключаются: а) в утверждении о безальтернативности представления («это, несомненно, преступление государства»); б) эмоционально-экспрессивной нагрузке, подчёркиваемой контекстом («титушки» приобрели обидную окраску исключительно в узусе); в) ироническом употреблении («патриёты»); г) привязке к иному дискурсу, исторических ассоциациях («нацики» для обозначения любых националистов). Дополнительные возможности возникают при выборе номинации в ходе перевода (утверждение президента США Б. Обамы осенью 2013 года об «*exceptionalism*» американской нации было переведено на русский как «исключительность» и вызвало соответствующую реакцию).

Даже этот краткий очерк показывает, сколь глубоки языковые особенности, которые могут использоваться в информационных войнах, и сколь важна роль фундаментальных лингвистических исследований для определения победных стратегий в этих войнах.

Библиографический список

Литература

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Лингвистические механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: ИНИОН, 1986. С. 100–143.
2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–124.
3. Дондо С.А. Понимание между политическими союзниками (лингвистический аспект) // Понимание в коммуникации: Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. / под общ. ред. Е.Г. Борисовой, Н.В. Аниськиной: в 3 т. Т. 3. Ярославль; М.: Изд-во ЯГПУ, 2012. 117 с.
4. Жаботинская С.А. Язык как оружие в войне мировоззрений. Украина декабрь 2013 – декабрь 2014. Майдан – Антимайдан. Словарь-тезаурус лексических инноваций. Киев, Восточный фронт, 2015. 99 с.

5. Радченко О.А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 60–66.

6. Синицына М.А. Исследование механизмов аргументирования в современных СМИ для оптимизации методологии проведения лингвистической экспертизы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2013. 239 с.

7. Синицына М.А. Комплексная экспертиза текста как междисциплинарное контекстуальное исследование: постановка вопроса // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1 (7). С. 114–119.

8. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2014. 399 с.

References

Literatura

1. Baranov A.N., Parshin P.B. Lingvisticheskie mexanizmy' variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti kak sredstvo vozdeystviya na soznanie // Rol' yazy'ka v sredstvax massovoj kommunikacii. M.: INION, 1986. S. 100–143.

2. Blakar R.M. Yazy'k kak instrument social'noj vlasti (teoretiko-e'mpiricheskie issledovaniya) // Yazy'k i modelirovanie social'nogo vzaimodeystviya. M.: Progress, 1987. S. 88–124.

3. Dondo S.A. Ponimanie mezhdru politicheskimi soyuznikami (lingvisticheskij aspekt) // Ponimanie v kommunikacii. Chelovek v informacionnom prostranstve: sb. nauch. tr. / pod obshh. red. E.G. Borisovoj, N.V. Anis'kinov: v 3 t. T. 3. Yaroslavl'; M.: Izd-vo YaGPU, 2012. 117 s.

4. Zhabotinskaya S.A. Yazy'k kak oruzhie v vojne mirovozzrenij. Ukraina dekabr' 2013 – dekabr' 2014. Majdan – Antimajdan. Slovar'-tezaurus leksicheskix innovacij. Kiev, Vostochnyj front, 2015. 99 s.

5. Radchenko O.A. Issledovaniya agressivnogo diskursa: problemy' i perspektivy' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoje obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 60–69.

6. Sinicy'na M.A. Issledovanie mexanizmov argumentirovaniya v sovremenny'x SMI dlya optimizacii metodologii provedeniya lingvisticheskoi e'kspertizy': dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2013. 239 s.

7. Sinicy'na M.A. Kompleksnaya e'kspertiza teksta kak mezhdisciplinarnoe kontekstual'noe issledovanie. K postanovke voprosa // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoje obrazovanie». 2011. № 1 (7). S. 114–119.

8. Shilixina K.M. Diskursivnaya praktika ironii: kognitivny'j, semanticheskij i diskursivny'j aspekty': dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Voronezh, 2014. 399 s.

E.G. Borisova

Lexical Nomination in Information Wars

The article devoted to the outstanding linguist I.-E.S. Rakhmankulova concerns the factors producing the perlocutive effect of the choice of means of nomination, i. e. words with lexical meanings making an impact on public opinion. It demonstrates that the method of mapping the reflected reality (framing) plays as important a role as connotations of lexemes and social and pragmatical word-factors, notably their manifestivity, i. e. affiliation to a certain type of political discourse.

Keywords: informational war; perlocutive linguistics; framing; manifestivity.

**К.А. Бурмистрова,
Л.В. Ступникова**

Мультимедийная презентация на иностранном языке как форма организации самостоятельной работы студентов юридического профиля

Статья посвящена обучению студентов юридического профиля подготовке мультимедийной презентации на иностранном языке, что позволяет сформировать у обучающихся умение учебной автономии и научить их применять мультимедийные средства в учебном процессе.

Ключевые слова: мультимедийная презентация; самостоятельная работа; профессионально ориентированное обучение студентов юридического профиля; компетенция.

В центре современного процесса профессионально ориентированного обучения находится актуализация самостоятельной познавательной деятельности обучающегося, которая позволяет ему «действовать относительно независимо (принимать ответственные решения, делать самостоятельный, рациональный выбор в области своей учебной или профессиональной деятельности) от внешних установок на основе глубокого понимания образовательного контекста и рефлексии учебно-образовательного процесса» [5: с. 89].

Сфера предстоящей профессиональной деятельности обучающихся определяет задачи обучения иностранному языку для специальных целей. В проекте ФГОС ВО 3+ (уровень высшего образования «Бакалавриат», направление подготовки «Юриспруденция») среди общекультурных компетенций, которыми должен обладать будущий юрист, выделяются: способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, способность к самоорганизации и самообразованию; а среди общепрофессиональных компетенций — способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением

информационно-коммуникационных технологий и с учётом основных требований информационной безопасности [8].

Работа юриста неразрывно связана с поиском и обработкой информации. Юрист подтверждает свои выводы и заключения конкретными нормативно-правовыми актами или прецедентами из судебной практики.

Таким образом, деятельность в пределах каждой юридической специальности включает в себя следующие стороны: поисковую, организационную, реконструктивную, удостоверительную, коммуникативную и социальную.

Сказанное доказывает, что актуализация автономной познавательной деятельности будущих юристов, которая позволяет им ориентироваться в широком информационном пространстве, принимать ответственные решения, делать самостоятельный, рациональный выбор в области своей учебной или профессиональной деятельности, занимает важное место в процессе обучения студентов юридического профиля.

Помимо указанного выше, особую значимость для профессиональной деятельности юриста имеет коммуникативная сторона, предполагающая умение выступать публично в строго регламентированных социальных ситуациях общения, вести переговоры с партнёрами и клиентами, обеспечивая правильное взаимодействие и общение сторон.

С приходом на российский рынок зарубежных партнёров стали востребованы юридические услуги на иностранном языке. По этой причине во многих юридических вузах, готовящих юристов-международников, особое внимание уделяется обучению профессионально ориентированному иностранному языку.

Программа по дисциплине «Английский язык» для студентов очной формы обучения направления «030900.62 Юриспруденция» Всероссийской академии внешней торговли ставит ряд задач обучения будущих юристов английскому языку, среди которых выделяются формирование у студентов умения работы с правовыми документами, умения поиска и анализа профессиональной информации, происходящей из различных иноязычных источников, а также умения публичного выступления по специальности на рабочих встречах, семинарах, конференциях и форумах [2].

Применение мультимедийных средств, в частности при подготовке студентами презентаций, способствует решению вышеперечисленных задач, помогает развивать у обучающихся умение работать с информацией, даёт возможность формировать исследовательские навыки, совершенствовать коммуникативные способности, в том числе в сфере иноязычной профессиональной коммуникации.

Презентация происходит от латинского слова *praesentatio* и в переводе означает представление для общественности чего-либо нового. Цель презентации — сообщить аудитории новую и интересную для неё информацию, как с помощью разнообразных технических средств, так и без них. Как правило, представляются новые проекты, товары, услуги, идеи. При подготовке презентации студенты осуществляют тщательный отбор информации, используя разнообразные информационные источники и тем самым расширяя свой кругозор. Применение

мультимедийных средств помогает выступающему наиболее последовательно составить свою презентацию, разработав её навигационную структуру, а слушающим — лучше понять информацию, содержащуюся в выступлении. Таким образом, мультимедийная презентация выполняет функцию «наглядного пособия для публичного выступления» [6: с. 177].

Подготовка презентации на иностранном языке представляет собой одну из форм самостоятельной работы обучающихся, при которой преподаватель играет направляющую и координирующую роль. Задача преподавателя — обеспечить максимальную степень включения обучающегося в конструирование собственного профессионального образования и способствовать реализации творческих способностей студентов. Следует помнить, что «чем большую степень включения обучающегося в конструирование собственного образования обеспечивает преподаватель, тем полнее оказывается его индивидуальная творческая реализация» [7: с. 70]. Преподаватель помогает студентам выбрать и сформулировать тему, осуществить отбор материала и составить план изложения материала.

При выборе темы для мультимедийной презентации принимаются во внимание следующие критерии: актуальность проблемы, возможность расширения теоретических знаний обучающегося, наличие и доступность материалов по данному вопросу на иностранном языке в разных источниках, интересы студента (в первую очередь профессиональные). Информация, представляемая в докладе, должна быть полезной и интересной для аудитории. Успех презентации зависит от свободного владения выступающим материалом, его умения взаимодействовать с аудиторией, а также умения пользоваться различными языковыми средствами выразительности (паузы, интонации, ударения).

Задачей презентации на юридическую тему является не только передача новых знаний слушающим, но и умение выступающего повлиять на аудиторию с помощью весомых аргументов в поддержку своей точки зрения на правовые вопросы. Для достижения этой цели студент юридического профиля должен учиться подкреплять своё выступление примерами из конкретных правовых ситуаций, цитатами из нормативно-правовых документов. В процессе выступления необходимо обстоятельно и глубоко проанализировать факты, продемонстрировать аудитории собственный подход к ним, а в конце доклада сделать соответствующие выводы.

Согласно программе [2], обучение студентов презентации как подготовленному монологическому высказыванию начинается в 3-м семестре первого этапа обучения, когда обучающиеся изучают учебники: «Introduction to International Legal English», «Дополнительный материал к учебнику “Introduction to International Legal English” и “Law Today”» [1; 3; 4]. Студентам предлагается подготовить презентации в целях дополнения и расширения юридических тем, представленных в вышеперечисленных учебниках. Темы презентаций на данном этапе обучения обычно связаны с различными правовыми документами, международными организациями и известными судебными делами, на которые ссылаются

авторы учебников. Например, 10-й урок учебника «Introduction to International Legal English» посвящён теме «Comparative Law», и в первом же тексте упоминаются такие организации, как The Hague Conference on Private International (HCC), The International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), а также документ «The Uniform Law on International Sales of Goods», 1964. Представленная в небольшом тексте информация очень сжата, она не даёт полноценного понимания целей, истории создания, функций и значения этих организаций и документа.

При прохождении этой темы студентам рекомендуется опереться на знания, полученные в рамках курсов по специальности, прохождение которых опережало изучение данных юридических тем на иностранном языке. Эти знания, несомненно, помогут студентам ориентироваться в широком информационном поле и в конечном итоге расширить и углубить полученную ранее профессиональную информацию на основе изучения материала на иностранном языке. Мы придерживаемся мнения, что презентация на юридическую тему не может ограничиться информированием слушателей о том или ином правовом вопросе. Она должна включать в себя некое исследование, проведённое студентом во время её подготовки. Например, мы рекомендуем обучающемуся не просто рассказать о каком-то правовом документе, а выделить определённый юридический вопрос и проанализировать, как он решается в данном документе. На последующих этапах обучения можно предложить студентам провести сравнительный анализ различных правовых документов. Важно, чтобы в презентации обучающиеся обосновали актуальность выбранной ими темы, высказали своё отношение к излагаемому материалу и привели примеры для аргументации собственных выводов.

Перед началом работы мы советуем обучающимся проанализировать ряд презентаций на юридическую тему, которые, например, представлены на сайте www.lawsessions.com. Анализ данных презентаций на уроке обеспечивает понимание студентами стоящей перед ними задачи, помогает понять структуру построения выступления, а также знакомит с особенностями невербального поведения докладчика.

Мы рекомендуем студентам соблюдать определённые временные рамки презентации. Для устного сообщения (доклада) мы отводим 5–10 минут. Обучающимся предлагается следующий временной формат презентации: 1) вступление — 1–3 минуты; 2) основная часть — 4–5 минут; 3) заключение — 1–2 минуты.

Успешность презентации во многом зависит от её тщательной подготовки, во время которой студенты должны обратить своё внимание на следующие вопросы: 1) содержание презентации; 2) нормативность речи; 3) вербальное и невербальное поведение докладчика; 4) организация обратной связи с аудиторией; 5) использование технических средств.

Для облегчения составления презентации обучающимся предлагается следующий план в форме таблицы, который служит ориентиром во время подготовки выступления (см. таблицу на с. 70).

План презентации

Часть презентации	План изложения презентации	Лексическое оформление презентации
I. Вступление (short introduction)	а) приветствие аудитории (welcome your audience)	<ul style="list-style-type: none"> ● Hello, everyone, and thanks for coming along ... ● Dear listeners ... ● Good morning, ladies and gentlemen.
	б) знакомство с аудиторией (introduce yourself)	<ul style="list-style-type: none"> ● Ok, let me just start by introducing myself. My name's ...
	в) представление темы презентации (introduce your subject)	<ul style="list-style-type: none"> ● I've been asked along to talk about ... ● I'm going to be talking about ...
	г) сообщение плана презентации (explain the structure of your presentation)	<ul style="list-style-type: none"> ● There are three main points I'd like to cover today. First I'll start by ... I'll then go on to ... I'll also ... ● I'll start with ... and then move on to ... Finally, I am going to ...
	д) объяснение аудитории, в какой момент можно задавать вопросы (explain rules for questions)	<ul style="list-style-type: none"> ● I think, if you don't mind, we'll leave questions to the end. ● Please feel free to interrupt me if something is unclear
II. Основная часть (body of presentation)	а) представление пунктов плана презентации (present the subject itself)	<ul style="list-style-type: none"> ● So, to start with ... This brings me to my next point ... This leads directly to ... Now let's move on to ... ● Firstly ... Secondly ... ● To bolster the argument I should say that... ● I must emphasize ... ● At this point I must consider ... ● To go back to my earlier point...
III. Заключение (short conclusion)	а) резюме презентации (summarise your presentation)	<ul style="list-style-type: none"> ● To summarise, ... Finally, I'd like to remind you about what I said at the beginning of my talk today ... ● In conclusion it's important to remind you ... ● Let's dot the "i"s and cross the "t"s ...
	б) выражение благодарности аудитории (thank your audience)	<ul style="list-style-type: none"> ● Thank you for listening
	в) приглашение задать вопросы (invite questions)	<ul style="list-style-type: none"> ● That's all there is to it. Now if there are any questions, I'll be happy to answer them. ● Ok, that's everything I wanted to say about ... I'd be very happy to answer any questions you may have ...

Мы советуем докладчику составить краткий план и список ключевых терминов и слов, которые он будет использовать при выступлении. Это придаст ему определённую уверенность, даже если не возникнет необходимости пользоваться ими во время презентации. Перед выступлением студенту рекомендуется провести репетицию, которая помогает выявить и исправить недостатки доклада; определить время, которое займёт презентация, и отработать правильное произнесение сложных слов.

Для успешной презентации большое значение имеет умение докладчика взаимодействовать с аудиторией, которая представляет собой базовый элемент любой презентации, поскольку именно для аудитории она и делается. Работая над выступлением, обучающиеся всегда должны учитывать характеристики будущих слушателей и строить свою презентацию так, чтобы она была интересной и доступной для них.

Во время выступления студенту не рекомендуется читать текст с листа, так как это будет препятствовать восприятию аудиторией информации, излагаемой в презентации. Для достижения лучшего понимания представляемого материала слушателями выступающий должен сохранять зрительный контакт с ними на протяжении всего доклада. Излишняя эмоциональность и жестикация докладчика во время выступления отвлекают внимание аудитории от содержания презентации.

В рамках учебного процесса для повышения внимания слушателей к выступлению мы советуем докладчику использовать следующие приёмы: 1) до начала презентации объяснить сложные слова и термины, которые будут содержаться в выступлении и могут представлять сложность для понимания слушателями презентации; 2) заранее подготовить 2–3 ключевых вопроса к аудитории, которые до начала доклада пишутся на доске, что поможет слушателям сконцентрироваться на сути излагаемого материала; 3) предоставить слушателям возможность задать выступающему вопросы, которые возникнут у них в ходе презентации. Мы считаем, что вопросы лучше задавать в специально отведённое выступающим время после доклада, а не во время его проведения, что даст возможность докладчику контролировать своё выступление и избегать «перескакивания» с темы на тему. Прерывание хода представления аргументов может испортить общее впечатление от презентации и создать риск потери выступающим контроля над логикой изложения своего сообщения. По этой причине лучше попросить аудиторию отложить вопросы до конца презентации.

Мультимедийная презентация обычно проводится с помощью программы PowerPoint. Мы привлекаем внимание студентов к тому, что мультимедийная презентация должна соответствовать определённым требованиям, изложенным в ряде интернет-источников [9; 10], наиболее важными из которых являются следующие:

- 1) не более 20 слайдов в презентации;
- 2) оформление слайдов:
 - шрифты для использования: Times New Roman, Arial, Arial Narrow (разные типы шрифтов в одной презентации не допускаются);

- не более 3 цветов на одном слайде: один — для фона, другой — для заголовка, третий — для текста;
- 3) чёткая и достоверная информация, представляемая на слайде;
- 4) научность, логичность и доступность представляемого текста;
- 5) не более 5 пунктов по 4–6 слов на каждом слайде;
- 6) отсутствие на слайдах слов и терминов, непонятных аудитории и т. д.

Готовясь к презентации, студенты должны помнить, что хорошо выполненные визуальные материалы улучшают проведение устной презентации, но вряд ли приведут к успешному выступлению, если информационная, содержательная его часть не будет продумана и подготовлена на самом высоком уровне требований, включающих в себя все моменты, которые описаны выше.

Формирование умения подготовить и провести мультимедийную презентацию на профессиональную тему на иностранном языке у будущих юристов представляет собой один из важных процессов в системе современного профессионально ориентированного обучения. Подготовка мультимедийных презентаций способствует стимулированию у обучающихся мотивации к учебной деятельности, формирует умение устной коммуникации и учебной автономии, а также обучает решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной культуры с применением информационно-коммуникационных технологий.

Библиографический список

Источники

1. Бурмистрова К.А., Ступникова Л.В. Дополнительный материал к учебнику «Introduction to International Legal English»: учеб. пособие. М.: ВАВТ, 2012. 99 с.
2. Программа по дисциплине «Английский язык» для студентов очной формы обучения направление «030900.62 Юриспруденция», квалификация (степень) — бакалавр юриспруденции Международно-правового факультета ВАВТ / под ред. Н.В. Данчевой. М.: ВАВТ, 2013. 26 с.
3. Krois-Lindner A., Firthandand Translegal M. Introduction to International Legal English. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 160 p.
4. Powell R. Law Today. London: Longman, 2001. 128 p.

Литература

5. Гаврилюк О.А. Автономность в российском высшем образовании: теоретические аспекты проблемы в рамках иноязычной подготовки // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 2 (12). С. 87–95.
6. Дубинина Г.А. Оценка результатов обучения продуктивным видам иноязычной речевой деятельности // Вестник МГПУ. Сер. «Педагогические науки. Приоритетные направления в обучении иностранным языкам». 2011. Вып. 12 (618). С. 175–188.
7. Корзун О.О. Принципы организации самостоятельной работы будущих переводчиков в целях совершенствования темпа речи // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1 (7). С. 68–74.

Справочные и информационные издания

8. Министерство образования и науки Российской Федерации. Проект 2014 г. ФГОС ВО. Уровень высшего образования БАКАЛАВРИАТ. Направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция [Электронный ресурс]. URL: [msal.ru>common>upload>FGOS_VO](http://msal.ru/common/upload/FGOS_VO) (дата обращения: 26.04.2015).

9. Требования к мультимедийной презентации [Электронный ресурс]. URL: <http://apruo.ru/statyi/obrazovatelnie-statyi/216-trebovaniya-k-multimediynoy-prezentazii.html> (дата обращения: 05.04.2015).

10. Требования к мультимедийной презентации [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/raznoe/2012/10/07/trebovaniya-k-multimediynym-prezentatsiyam.html> (дата обращения: 05.04.2015).

References

Istochniki

1. *Burmistrova K.A., Stupnikova L.V.* Dopolnitel'ny'j material k uchebniku «Introduction to International Legal English»: ucheb. posobie. M.: VAVT, 2012. 99 s.

2. Programma po discipline «Anglijskij yazy'k» dlya studentov ochnoj formy' obucheniya napravlenie «030900.62 Yurisprudenciya», kvalifikaciya (stepen') — bakalavr yurisprudencii Mezhdunarodnogo pravovogo fakul'teta VAVT / pod red. N.V. Dancheevoj. M.: VAVT, 2013. 26 s.

3. *Krois-Lindner A., Firthandand Translegal M.* Introduction to International Legal English. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 160 p.

4. *Powell R.* Law Today. London: Longman, 2001. 128 p.

Literatura

5. *Gavrilyuk O.A.* Avtonomnost' v rossijskom vy'sshem obrazovanii: teoreticheskie aspekty' problem v ramkax inoyazy'chnoj podgotovki // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 2 (12). S. 87–95.

6. *Dubinina G.A.* Ocenka rezul'tatov obucheniya produktivny'm vidam inoyazy'chnoj rechevoj deyatel'nosti // Vestnik MGLU. Ser. «Pedagogicheskie nauki. Prioritetny'e napravleniya v obuchenii inostranny'm yazy'kam». 2011. Vy'p. 12 (618). S. 175–188.

7. *Korzun O.O.* Principy' organizacii samostoyatel'noj raboty' budushhix perevodchikov v celyax sovershenstvovaniya tempa rechi // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 1 (7). S. 68–74.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii. Proekt 2014 g. FGOS VO. Uroven' vy'sshego obrazovaniya BAKALAVRIAT. Napravlenie podgotovki 40.03.01 Yurisprudenciya [E'lektronny'j resurs]. URL: [msal.ru>common>upload>FGOS_VO](http://msal.ru/common/upload/FGOS_VO) (дата обращения: 26.04.2015).

9. Trebovaniya k mul'timediynoj presentacii [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://apruo.ru/statyi/obrazovatelnie-statyi/216-trebovaniya-k-multimediynoy-prezentazii.html> (дата обращения: 05.04.2015).

10. Trebovaniya k mul'timediinoj presentacii [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/raznoe/2012/10/07/trebovaniya-k-multimediynym-prezentatsiyam.html> (дата обращения: 05.04.2015).

*K.A. Burmistrova,
L.V. Stupnikova*

**Multimedia Presentation in a Foreign Language
as a Form of Independent Learning of Law Students**

The article concerns teaching law students to prepare a multimedia presentation in a foreign language, which encourages the students' independent learning and teaches them to use multimedia tools in their studies.

Keywords: multimedia presentation; independent learning; professionally training of law students; competence.

Е.В. Лучина

Генезис понятия «компенсаторная компетенция» в междисциплинарном пространстве психолого-педагогических и лингводидактических исследований

В статье рассматривается генезис понятия «компенсаторная компетенция» в исторической и актуальной проекции отечественной и зарубежной психолого-педагогической науки. Раскрывается структура компенсаторной компетенции, представленная в различных научных концепциях и теориях.

Ключевые слова: обучение иностранному языку; компетентностный подход; компенсация; компенсаторная компетенция.

Рассмотрение компенсаторной компетенции как объекта исследования подготовлено долгим ходом развития отечественной и зарубежной науки. Начало развития учения о компенсации (или о замещении, замещении) восходит к глубокой древности, когда возникла необходимость эмпирически исследовать компенсаторные возможности живого организма при утрате одного из органов. Внимание к восстановительным возможностям организма связано с развитием медицины в Древней Греции, Риме, оно отмечено именами Гиппократ, Галена, Аристотеля. По мнению некоторых исследователей компенсаторных процессов в физиологии, в древности речь шла о прямой компенсации, т. е. о возможности замещения одним парным органом функций другого, утраченного или утерявшего свои способности вследствие болезни [4: с. 65]. Очевидно, что такой «физиолого-терапевтический» подход к изучению компенсации имел узкую сферу реализации и не затрагивал рассмотрения способности организма замещать утраченные функции как источника компенсаторного развития человеческого организма.

Изучение феномена компенсации продолжилось в трудах И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, которые занимались описанием компенсационных процессов в физиологии человека. Зародилось учение о косвенной компенсации (или викариате) чувств, заключающейся в возможности замены утраченных органов чувств неоднородными органами (например, компенсаторное усиление слуха и осязания взамен утраченного зрения у слепых и усиления зрения у глухонемых). Впоследствии «наивно-биологическая» теория викариата чувств трансформировалась в первое научное представление о компенсации и сверхкомпенсации, созданное В. Штерном и А. Адлером и получившее распространение на Западе.

При этом компенсация есть повышенное компенсаторное развитие физических, психических и личностных компонентов, возмещающих некий недостаток, реальный или мнимый [8], а сверхкомпенсация — «органический процесс, превращающий болезнь в сверхздоровье, слабость в силу, отравление в иммунитет» [1: с. 3]. Главной действующей силой психического компенсаторного развития является осознание человеком своей неполноценности вследствие самооценки собственной социальной позиции.

Подходы к осмыслению компенсации сыграли важную роль в контексте развития педагогического знания. В контексте педагогики компенсация долгое время была применима к процессу обучения и воспитания детей, имеющих физические и умственные недостатки. Данное направление исследовалось со времён Я.А. Коменского и получило мощный стимул для развития в трудах Л.С. Выготского, описавшего социально-коллективную жизнь ребёнка, коллективность его поведения как «фонд компенсации» [2: с. 124].

В контексте науки об образовании теория компенсации утраченных / отсутствующих функций человека получает сегодня особый стимул для развития в связи с повсеместным переходом от знаниевой парадигмы к компетентностной, обусловленной антропоцентристскими научными воззрениями. Процесс образования ориентируется на достижение успешности обучающихся в социуме (социализации) и (или) профессиональной деятельности, эффективности и качества выполняемой работы. В центре процесса образования находится личность со своими собственными потребностями, мотивами и стремлением «к стабильной деятельности и одновременно к неизбежному обновлению в профессиональном пространстве» [6: с. 66]. В связи с этим возникает потребность в усилении статуса и роли компенсаторных способностей обучающегося, позволяющих ему проявить свои сильные стороны, нивелировать слабые, тем самым показав свою неповторимость, уникальность и своеобразие. Актуализация в ходе обучения компенсирующих стратегий обеспечивает возможность разработки вариативных образовательных программ и применения индивидуальных учебных стратегий.

Применительно к *иноязычному образованию* роль и значение компенсации трудно переоценить. Обучающийся в процессе иноязычного общения неизбежно сталкивается с большого рода трудностями, связанными с недостатками, которые проявляются на уровне восприятия, понимания иноязычной речи, формулирования собственных мыслей на иностранном языке, постижения иной культуры. Студент должен приложить особые усилия для того, чтобы преодолеть эти трудности, компенсировать их негативное влияние, часто ведущее к непониманию, неприятию, отсюда снижению мотивации, потере интереса к усваиваемому языку, учебному труду. Соответственно имеют место низкие показатели в области обученности и профессиональной подготовки. Помимо сказанного, компенсация призвана нейтрализовать отрицательные последствия эффекта забывания языка.

Наибольшие потребности в преодолении трудностей человек испытывает в процессе восприятия иноязычной речи на слух. Установлено, что в ходе аудирования количество таких трудностей весьма велико, особенно в условиях обучения на начальном этапе овладения иностранным языком (о трудностях лингвистического характера см., например, [3]).

Впервые о компетенции, используемой для решения проблем рецептивного и репродуктивного порядка, связанных с возникновением в процессе коммуникации определённых трудностей, заявили зарубежные учёные (J.A. van Ek, M. Canale, M. Swain, E. Berard, M. Breen, C.N. Candlin, S. Savignon, L.F. Bachman). В их интерпретации данная компетенция называется *стратегической* по названию её составляющих — вербальных и невербальных коммуникативных стратегий, используемых для решения возникающих проблем.

В современной отечественной науке более распространён термин «*компенсаторная компетенция*». По-видимому (подтверждение данного факта найти не удалось), для российских учёных более всего значим сам процесс компенсации в том его толковании, которое было представлено в начале статьи. В настоящий момент компенсаторная компетенция рассматривается как компонент коммуникативной компетенции, и данный факт находит отражение во всех нормативных документах, регламентирующих процесс иноязычного образования.

Несмотря на большое количество формулировок, предложенных в ходе толкования компенсаторной компетенции (И.Л. Бим, М.Р. Коренева, Ю.А. Молчанова, Т.М. Фоменко), сущность, содержание и структура данного феномена остаются не до конца определёнными. Например, всеми учёными признаётся многокомпонентность её состава, но представления о наборе компонентов существенным образом различаются. Большинство признаются *когнитивный* и *операционно-деятельностный* аспекты компенсаторной компетенции, включающие в себя такие компоненты, как знания, навыки и умения. В современных условиях лично ориентированной парадигмы образования компенсаторная компетенция нуждается в переосмыслении. Её компоненты должны приобрести личностные, субъектные характеристики, параметры индивидуальности человека, такие, как способность, опыт, владение, которым в профессиональной деятельности придаётся первостепенное значение.

Анализ основных параметров, специфических черт компетентностного подхода, таких, как индивидуализация, практицизм и адаптивность, позволяет выделить наиболее существенные компоненты компетенции, среди которых особое место отводится способности эффективно выполнять какую-либо деятельность. Применительно к компенсаторной компетенции речь должна идти о способностях:

- компенсировать прерванность или недопонимание процесса коммуникации (М.Р. Коренева, С.А. Крекнин, Е.В. Тихомирова);
- привлекать имеющиеся знания, умения и навыки (Т.М. Фоменко);
- мобилизовать систему знаний, навыков, умений, умственных и личностных качеств (Ю.А. Молчанова);

- выходить из затруднительных ситуаций (А.В. Папикян);
- использовать вербальные и невербальные стратегии (Н.Н. Абакумова и П.С. Губа, Т.И. Тимофеева), стратегии выхода из затруднительных коммуникативных ситуаций (М.Р. Коренева);
- отбирать наиболее эффективные стратегии (А.В. Иванов).

Придерживаясь мнения исследователей о том, что компетентности «суть мотивированные способности» [5: с. 258], следует выделить в качестве определяющего *мотивационный аспект* компенсаторной компетенции. Одновременно компенсаторная компетенция понимается не только как способность, но и готовность субъекта выходить из затруднительных коммуникативных ситуаций (И.Л. Бим, Дж. Равен, А.В. Щепилова, Н.В. Языкова, М.Р. Коренева), что подчёркивает *личностный аспект* этого явления. Данный аспект усиливается при осознании того, что компенсаторная компетенция предусматривает «осведомлённость и формальное право коммуниканта достигать цели, мобилизуя все свои ресурсы» [7: с. 484]. Так как категория «право» отражает активную позицию субъекта, то его активное участие в собственной программе развития существенно в аспекте компетентного подхода в образовании.

Итак, в ходе изучения генезиса понятия «компенсаторная компетенция» удалось выявить основные вехи в исследовании компенсирующих стратегий и процессов, свойственных человеческой деятельности: от фрагментарного, наивно-дорационального (донаучного) представления к современному, вписанному в структуру постнеклассического субъектного образа науки. Компенсаторная компетенция в контексте науки об обучении иностранному языку — весьма востребованное и одновременно дискуссионное явление, требующее внимательного изучения, учёта специфики коммуникативной деятельности, в пределах которой человек проявляет свои компенсаторные стратегии, свойственные лично ему и определяющие его персональный облик как коммуникатора. Для разработки программ обучения иностранному языку внимание к компенсаторной компетенции — залог успеха, именно данная компетенция способна обеспечить эффективность процесса обучения, повысить мотивацию к учебному труду, снизить усталость и утомляемость обучающихся.

Библиографический список

Литература

1. *Выготский Л.С.* Дефект и сверхкомпенсация [Электронный ресурс]. URL: dugward.ru/library/vygotskiy...defekt...sverhkomp.html 2012 (дата обращения: 11.10. 2014).
2. *Выготский Л.С.* Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.
3. *Дудушкина С.В.* Лингвистические трудности автономного аудирования иноязычной речи // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 101–105.
4. *Ляпидевский С.С.* Невропатология. Естественнонаучные основы специальной педагогики: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.И. Селивёрстова. М.: ВЛАДОС, 2000. 384 с.

5. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002. 396 с.

6. *Тарева Е.Г., Казанцева Е.М.* Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 65–77.

7. *Тимофеева Т.И.* Стратегические компетенции в контексте коммуникативной деятельности студента // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 481–485.

Справочные и информационные издания

8. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. URL: psychology_pedagogy.academic.ru/8103/Компенсация (дата обращения: 30.10.2014).

References

Literatura

1. *Vy'gotskij L.S.* Defekt i sverhkompensaciya [E'lektronny'j resurs]. URL: dugward.ru/library/vygotskiy...defekt...sverhkomp.html 2012 (data obrashheniya: 11.10.2014).

2. *Vy'gotskij L.S.* Osnovy' defektologii. SPb.: Lan', 2003. 654 s.

3. *Dudushkina S.V.* Lingvisticheskie trudnosti avtonomnogo audirovaniya inoyazy'chnoj rechi // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 101–105.

4. *Lyapidevskij S.S.* Nevropatologiya. Estestvennonauchny'e osnovy' special'noj pedagogiki: ucheb. dlya stud. vy'ssh. ucheb. zavedenij / pod red. V.I. Selivyorstova. M.: VLADOS, 2000. 384 s.

5. *Raven Dzh.* Kompetentnost' v sovremennom obshhestve: vy'yavlenie, razvitie i realizaciya / per. s angl. M.: Kogito-Centr, 2002. 396 s.

6. *Tareva E.G., Kazanceva E.M.* Deyatel'nostno-kompetentnostny'j podxod k sozdaniyu uchebny'x posobij dlya podgotovki bakalavrov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». № 2 (8). 2011. S. 65–77.

7. *Timofeeva T.I.* Strategicheskie kompetencii v kontekste kommunikativnoj dejatel'nosti studenta // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2008. № 60. S. 481–485.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. URL: psychology_pedagogy.academic.ru/8103/Компенсация (data obrashheniya: 30.10.2014).

E.V. Luchina

The Genesis of the «Compensatory Competence» Notion in the Cross-disciplinary Space of Psychological, Pedagogical and Linguodidactic Studies

The paper focuses on the genesis of the «compensatory competence» notion, its historical and current projection in Russian and foreign psychological and pedagogical science. It explores the structure of the compensatory competence as elaborated and grounded in various scientific studies and conceptions.

Keywords: foreign language training; competence-based approach; compensation; compensatory competence.

А.А. Семакина

Гамлетовская грань в структуре женских образов в романах И.А. Гончарова

Гончаров полагал, что гамлетовские свойства не являются достоянием только исключительных личностей, но отличают многих. Эта идея в полной мере воплотилась в художественной антропологии писателя. В своих героях Гончаров выявлял гамлетовские «психологические движения». Не были исключениями и его женские персонажи, в которых гамлетовские свойства души обнаруживались в разной степени при решении ими как вопросов экзистенциальных, так и вполне бытовых, что придавало женским образам писателя объёмность и человеческую глубину.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; женский персонаж; гамлетовский вопрос; художественная антропология.

Трагедия У. Шекспира «Гамлет, принц датский» — наиболее знаменитая из пьес английского драматурга, поднимающая вопросы поистине общечеловеческого значения. Но каждая эпоха видела в ней свои, более близкие ей смыслы. Нельзя не согласиться с Б.А. Гиленсоном, который считает, что Гамлет является ярчайшим примером того, как «исторический опыт, расширение накопленных знаний о мире и человеке дают возможность вносить дополнительные нюансы в оценку классических произведений и художественных образов» [4: с. 104].

Отношение к шекспировскому герою в России было связано с общеевропейской традицией его восприятия, но имело и свои национально неповторимые черты. Одной из известнейших русских интерпретаций Гамлета, которая была отдалена от живой конкретики текста английского драматурга и представляла собой размышление о человеческой сущности шекспировского образа, была статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (1860). Она активно обсуждалась в обществе и определила специфические черты «русского Гамлета» на долгие годы. Однако это была далеко не единственная трактовка. Если Тургенев видел в Гамлете центростремительное начало, проявляющееся прежде всего в эгоизме и безверии

человека, и на этом основании говорил об универсальном значении типа, то Гончаров, также полагавший, что Гамлет скрывается едва ли не в каждом, подчеркивал иные его общечеловеческие грани.

В набросках своей статьи «Опять “Гамлет” на русской сцене» (1875) (см. [2]) Гончаров размышляет и о том, как стоит играть Гамлета, и о самом шекспировском герое. С точки зрения Гончарова, Гамлет — не столько тип, сколько *особый строй любой человеческой души*. «Тонкие натуры, наделенные гибельным избытком сердца, неумолимою логикой и чуткими нервами, более или менее носят в себе частицы гамлетовской страстной, нежной, глубокой и раздражительной натуры» [2: т. 8, с. 203]. «Свойств Гамлета» нет «в состоянии покоя: они рождаются от прикосновения бури, под ударами, в борьбе» [2: т. 8, с. 204]. «Ситуация Гамлета» может возникнуть едва ли не с каждым — это разлад с миром, столкновение со страшной действительностью и, как следствие, сомнение в основах жизни. По мнению писателя, «психологические движения, какие играют в душе Гамлета», свойственны человеческой натуре вообще. Это доброта, честность, благородство, строгая логика, т. е. «свойства души слишком общие» [2: т. 8, с. 203]. Но есть также исключительное качество, проявляющееся в особых обстоятельствах, — это сомнение, которое, однако, тоже свойственно едва ли не любой человеческой натуре. Другими словами, каждый человек, по мысли Гончарова, — Гамлет в большей или меньшей степени.

О гамлетизме в романах Гончарова писали такие исследователи, как М.П. Алексеев [3], А. Кобылянский [5], Е.А. Краснощекова [6], В.А. Недзвецкий [7; 8], М.В. Отрадин [9]. Однако в большей мере размышления учёных были связаны с мужскими персонажами. Между тем сам Гончаров гамлетовские свойства обнаруживал и в своих женских характерах, которые, по нашему глубокому убеждению, несут в себе отголоски «вечного образа» Гамлета. Как справедливо отмечал писатель, «кто потрудится <...> тот найдет <...> и в самом себе, и во многих других родственные с Гамлетом свойства», «все дело — в размерах лиц и событий» [2: т. 8, с. 203]. Гамлетовское «психологическое движение» может быть выражено в героинях Гончарова слабее или сильнее, обнаруживать себя в решении ими значительных (экзистенциальных) и не очень значительных (бытовых и частных) вопросов.

В своих текстах Гончаров лишь однажды даёт прямое указание на родство свойств и черт одной из его героинь с Гамлетом. «Гамлетовским сомнением» [1: т. 7, с. 126] автор наделяет Софью Беловодову («Обрыв»), которая, казалось бы, далека от шекспировского героя. В обрисовке характера Софьи Гончаров обращается к психологическому феномену девочки-вдовы, женщины, оставшейся навек ребенком. Как итог, читатель видит перед собой женщину, совершенно далекую от суровой реальности жизни. Софья одинока, находится в полном подчинении у своих тетюшек. Она чувствует свою несвободу (во многом благодаря беседам с Райским), свое «канареечное» существование: «Он видел, что заронил

в неё сомнения, что эти сомнения — гамлетовские. Он читал их у ней в сердце...» [1: т. 7, с. 126]. Это сближение воспринимается читателем иронически. Однако для автора оно вполне оправдано, ведь даже в незначительном в личностном плане характере может скрываться Гамлет. Параллель с Гамлетом обнаруживает скрытый трагизм в образе Софьи: воспитанная в светской строгости, она никогда на самом деле не любила, следовательно, не осознавала, что такое «живая жизнь» [1: т. 7, с. 101].

Более прямых указаний на родство своих героинь с Гамлетом Гончаров читателю не предлагает, однако при этом расширяет спектр сопоставлений с шекспировским героем с помощью скрытых ассоциаций. Как правило, они возникают в поворотные моменты жизни его героинь, когда те вынуждены решать коренные для себя вопросы. Примечательно, что до этого момента в характере героини могло явственно и не высказываться сомнение как ключевое гамлетовское «психологическое движение», по определению Гончарова. Но писатель изображает свою героиню в обстоятельствах, которые вынуждают её «взглянуть на все ужасы жизненной бездны» [2: т. 8, с. 204]. Именно так происходит с героиней романа «Обрыв» Верой, которая обладает гамлетовскими чертами: нерешительностью, чувством одиночества, гордостью. Сомнения героини проявляются в её выборе между старой и новой правдой. Последнюю она нашла в лице Марка Волохова, но чуткую и умную девушку отталкивает его новая мораль «любви на срок» [1: т. 7, с. 605]. Однако и старая правда Бабушки кажется ей несовершенной.

Понимая невозможность для себя примирить «старое» и «новое», Вера решила более не встречаться с Марком, но читатель видит, что она сомневается и стоит перед «обрывом», который едва ли не сопоставим с гамлетовской «бездной». Стоит в надежде, что Марк «уступит» [1: т. 7, с. 603]. И во многом следствием этих сомнений оказывается её «падение». Но это «падение» и есть тот самый поворот, который открывает ей всё, и Вера становится, как и Гамлет, «искупительной жертвой» [2: т. 8, с. 204]. Её вопрос — иной, чем у Гамлета, но она, как и шекспировский герой, вовлечена в решение коренного, сущностного вопроса бытия. Однако в отличие от Гамлета, Вера не гибнет, так как решает разделить своё горе с близкими. Пережитые страдания Татьяны Марковны, поддержка Райского и Тушина указали Вере «новый путь» [1: т. 7, с. 688].

Состояние экзистенциального вопрошания, которое переживает Ольга Ильинская в конце романа «Обломов», также роднит героиню, как отмечается в романе, с Фаустом, Манфредом, но и с Гамлетом тоже.

Ольга страстно хочет любви, жизни, движения, полноты бытия. В то время когда героиня духовно росла, всё более и более осознавая свои обязанности в любви, Обломов, также мечтающий о полноте бытия, оставался в своём развитии неподвижным, что привело к неизбежному разрыву, ведь обретение идеала любви невозможно без движения и преодоления трудностей. После расставания с Обломовым героине кажется, что она не сможет полюбить вновь, ведь Илья Ильич — «хрустальная душа» [1: т. 4, с. 467], каких мало.

В Штольце же Ольга нашла нечто близкое Обломову, но более деятельное и живое, потому и решается на союз с ним. Но в гармоническом, как казалось, союзе со Штольцем Ольгу что-то смущает, полнота семейной жизни, оказывается, ставит героиню перед новой «бездной». Среди семейного счастья Ольга «впадала в задумчивость» [1: т. 4, с. 468]. Её пугала остановка жизни, «отдых жизни», она боялась, живя со Штольцем, «впасть во что-нибудь похожее на обломовскую апатию», в «сон души», в «оцепенение» [1: т. 4, с. 469]. Ей казалось, что в её жизни не всё есть, душа её тоскует, чего-то ищет и просит: «Что ж это? — с ужасом думала она. — Ужели ещё нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нет дороги... Ужели нет, ужели ты совершила круг жизни? Ужели тут всё...» [1: т. 4, с. 469].

Жизнь со Штольцем, гармоничная и многогранная, приводит её к главному сомнению — к той самой тоске, которую она не может выразить словами. Но Штольц находит ей объяснение, сравнивая это состояние с дерзаниями человеческого духа, что испытывали Манфреды и Фаусты, однако предлагает супруге смириться и решительно отмежеваться от них. Возможно, он небезосновательно предчувствует трагическую, гамлетовскую по сути, перспективу беспокойства Ольги, когда «ужасы жизненной бездны» наваливаются на обычного человека, а не на «льва» и не на «героя» [2: т. 8, с. 204] и потому делают из него неизбежную «жертву». Но остановить Ольгу невозможно — доводы Штольца не удовлетворяют потребности её пытливого ума, ведь она «не знала этой логики покорности слепой судьбе» [1: т. 4, с. 477].

Лизавету Александровну, героиню романа «Обыкновенная история», с Гамлетом роднит всё то, что отличает и всех, в сущности, хороших людей, по Гончарову, — доброта, благородство, честность. Помимо роли нравственного судьи в жизни Александра и Петра Иваныча, образ Лизаветы Александровны и сам по себе самодостаточен — в нём обнаруживается скрытый трагизм и с его помощью вскрыта трагедийность «обыкновенной истории» «духоутошения» (В.Н. Ильин). Выйдя замуж за чёрствого человека, героиня Гончарова пребывает в состоянии вечной внутренней борьбы, испытывает постоянные сомнения, пытается разгадать своего мужа, найти в нем хоть каплю чувства. Трагизм ситуации связан не только с тем, что Лизавета Александровна, не испытывая никаких материальных проблем и внешних бед, внутренне страдает, но и с её пониманием того, что мир Петра Иваныча Адуева становится всё более экстенсивным, захватывая в свои горизонты и её саму, и племянника Александра.

Лизавета Александровна, как и Гамлет, поставлена на грани бездны — и трагизм повседневного быто-бытия, одиночество в супружестве делают её нерешительной. Она, как и Гамлет, оказывается «искупительной жертвой» [2: т. 8, с. 204] обстоятельств, поскольку её недомогание, постепенное увядание становится поводом для пробуждения души Петра Иваныча, который готов ради жены встать на путь исправления. И, казалось бы, Лизавета Александровна побеждает в битве с призраком смерти. Однако о Гамлете Гончаров скажет: «Не выдерживает

его организм и падает, потому что в нем нет ни большого, ни отравленного места <...> Он дойдет до цели — и сам падет там...» [2: т. 8, 205]. Не таков ли жизненный итог этой романной героини Гончарова?

Не все женские персонажи, которых Гончаров в большей или меньшей степени наделяет чертами Гамлета, трагичны. Примером тому может служить образ Марфиньки («Обрыв»). Сомнения Марфиньки производят иронический эффект, ведь гамлетовский склад души кажется совсем не свойственным героине. Однако, как писал Гончаров, «Гамлеты не так редки» между людьми, «все дело в размерах — лиц и событий» [2: т. 8, с. 204]. «Размер» личности этой героини Гончарова не велик, но тем интереснее высветить в ней гамлетовское, а значит человеческое «психологическое движение», которое Гончаров призывал видеть в каждом. Все сомнения Марфиньки связаны с тем, рассказать ли Бабушке то, что случилось с ней необычного, или умолчать. Вот как описано состояние Марфиньки после бесед с Райским: «Марфинька, обыкновенно всё рассказывавшая бабушке, колебалась, рассказать ли ей или нет о том, что брат навсегда отказался от её ласк, и кончила тем, что ушла спать, не рассказавши. Собиралась не раз, да не знала, с чего начать» [1: т. 4, с. 259].

Другой пример — Надинька Любецкая («Обыкновенная история»), чьи сомнения связаны не с решением коренных вопросов бытия, как это было в случае с Ольгой Ильинской, а с предстоящим замужеством. На фоне Ольги, Лизаветы Александровны или Веры, повод для сомнений у Надиньки выглядит нелепо и вызывает у читателя улыбку. Обладающая пытливым умом героиня не может связать свою жизнь с обычным, ничем не примечательным, как ей кажется, Александром Адуевым. И когда на её пути появляется успешный, известный в обществе граф, она влюбляется. Перед ней стоит вопрос: кого выбрать? Похожего на всех Александра, который её боготворит, или графа, который не проявляет к ней излишних чувств и говорит о себе как о друге семьи. Надинька выбрала последнего, хотя и не знала, что делать дальше. «Она чувствовала только смутно, что ей можно и пора протестовать против отдачи её замуж родителями, и только могла <...> заявить этот протест, забравковав одного и перейдя чувством к другому» [2: т. 8, с. 75].

Говоря о Надиньке и Марфиньке и об их «гамлетовских вопросах», которые Гончаров представил в ироническом свете, нужно отметить, что даже в персонажах негероического склада гамлетовские движения дают о себе знать. «Размеры лиц» [2: т. 8, с. 203], повторимся, как и события, заставляющие героинь сомневаться, не грандиозны, а вполне обыкновенны. Но для Гончарова, полагающего, что в каждом или почти в каждом скрывается Гамлет, это важно.

Применительно к своим героиням Гончаров часто (в гамлетовской связи) рассуждает о сомнениях. По его мнению, Гамлет становится Гамлетом тогда, когда возникает «гамлетовский вопрос». У каждого — свой, один вопрос кажется читателю весомым, касающимся коренных основ бытия, другой — обыденным и потому удостаивается иронической эмоции. Однако многие, и не только центральные женские персонажи Гончарова, несут в себе гамлетовские свойства. Героини, на первый взгляд, могут казаться мало чем примечательными, добрыми

и славными, как «положительная» [2: т. 8, с. 77] пушкинская Ольга, но в какой-то момент их начинает волновать постоянный вопрос-сомнение. Так гамлетовская грань сказывается в бытовых сомнениях, что заполняют пространство душевных переживаний Надиньки (какого жениха предпочесть) или Марфиньки (как не разочаровать Бабушку), травестированно окрашенных в романе. Здесь мы говорим о художественной антропологии Гончарова, о его видении человека и художественной реализации этих взглядов. Для нас может показаться странным, что Марфинька, Софья, Надинька — Гамлеты, а для Гончарова-художника это естественно. Травестированное сопоставление на самом деле обнаруживает особую позицию Гончарова: в каждом человеке есть нечто от Гамлета, все зависит от масштаба той жизненной «бездны», перед которой он оказывается.

Обнаруживая гамлетовские свойства души (высокие или обыденные) в женских персонажах, Гончаров делает свои образы рельефнее и многограннее. Они приобретают естественную объемность. Наделяя женщин, не склонных к рефлексии и сомнению, чертами Гамлета, Гончаров подчёркивал значимость каждой, пусть и невеликой, человеческой индивидуальности.

Библиографический список

Источники

1. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4, 7. СПб.: Наука, 1997. Издание продолжается.
2. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952–1955.

Литература

3. *Алексеев М.П.* Шекспир и русская культура / под. ред. М.П. Алексеева. М.: Наука, 1965. 831 с.
4. *Гиленсон Б.А.* Вузовский учебник по зарубежной литературе: заметки о жанре // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2010. № 1. С. 97–107.
5. *Кобылянский А.* Обломов — «русский Гамлет» // Мастер русского романа И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: сб. документов и материалов. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 280–291.
6. *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
7. *Недзвецкий В.А.* Илья Ильич Обломов: грани романного образа: (К 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 3. С. 21–28.
8. *Недзвецкий В.А.* Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту. М.: Изд-во МГУ, 2010. 224 с.
9. *Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 169 с.

References

Istochniki

1. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 4, 7. SPb.: Nauka, 1997. Izdanie prodolzhaetsya.

2. *Goncharov I.A.* Sobr. soch.: v 8 t. M.: Gos. izd-vo hudoz. lit., 1952–1955.

Literatura

3. *Alekseev M.P.* Shekspir i russkaya kul'tura / pod. red. M.P. Alekseeva. M.: Nauka, 1965. 831 s.
4. *Gilenson B.A.* Vuzovskij uchebnyk po zarubeznoj literature: zametki o zanre // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2010. № 1. S. 79–107.
5. *Kobilyanskij A.* Oblomov — «rossijskij Gamlet» // Master russkogo romana I.A. Goncharov v literaturnoj kritike russkogo zarubez'ya: sb. dokumentov i materialov. M.: Centr knigi Rudomino, 2012. S. 280–291.
6. *Krasnoschheкова E.A.* I.A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997. 492 s.
7. *Nedzvetskij V.A.* Il'ya Il'ich Oblomov: grani romannogo obraza: (k 200-letiyu so dnya rozdeniya I.A. Goncharova) // Izvestiya RAN. Ser. literatury' i yazy'ka. 2012. T. 71. № 3. S. 21–28.
8. *Nedzvetskij V.A.* Roman I.A. Goncharova «Oblomov»: Putevoditel' po tekstu. M.: Izd-vo MGU, 2010. 224 s.
9. *Otradin M.V.* Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 169 s.

A.A. Semakina

The Hamlet Image-Plane in the Structure of Female Characters in I.A. Goncharov's Novels

Goncharov supposed that Hamlet's properties were not an exclusive domain of outstanding individuals, but they distinguished many. This idea was fully embodied in the writer's artistic anthropology. Goncharov identified Hamlet's «psychological movements» in his characters. No exception were his female characters, in whom Hamlet's properties of the soul were found to varying degrees in their settling existential and quite mundane issues, which gave the writer's female images dimension and human depth.

Keywords: I.A. Goncharov; female character; Hamlet's question; artistic anthropology.

К.С. Калинина

Черты модернизма в романе И.А. Новикова «Золотые кресты»

В статье анализируется роман И.А. Новикова «Золотые кресты» в контексте модернистских тенденций начала XX века. В произведении находят отражение богоборческие настроения, характерные для времени его создания. Автор статьи выявляет модернистские черты в романе и приходит к выводу, что они обогатили художественную систему писателя.

Ключевые слова: модернизм; декадентство; религиозный ренессанс; лейтмотив.

Основными «константными» признаками модернистского восприятия мира по Д.В. Затонскому являются противоречивость, кризисность, безысходность, бесцельность, крик «израненной, кровоточащей души»: «...Специфическое модернистское — это именно отчаяние. А отчаяние всегда чревато капитуляцией перед злом» [4: с. 167]. Наряду с этим исследователи модернистского романа подчёркивают, что его задача — «дать представление об универсальных началах бытия (Добре — Зле, Боге — Дьяволе, Любви — Смерти и т. д.)» [5: с. 5]. М.М. Голубков обращает внимание на изменяющиеся «грамматические нормы», соответствующие новому — модернистскому — художественному языку [3: с. 70–71]:

- 1) на смену сюжетности пришли лейтмотивность, художественный принцип «рифмовки» образов;
- 2) вместо единой точки зрения — множественность повествовательных позиций;
- 3) миметическая концепция искусства явно утрачивала свою универсальность: художественный мир обретал статус второй, подлинной, реальности, эмансипировался от действительности, претендовал на самоценность;
- 4) социальная конкретика художественного содержания классического реализма уступала место обращению к универсальным, бытийным, онтологическим проблемам;
- 5) изменилась общелитературная концепция личности: «социальный человек» реализма уступал место человеку, укоренённому не в современности, но в вечности;
- 6) граница между поэзией и прозой размывалась и становилась всё менее заметной; принципы поэтического языка распространились на прозаическую речь, породив феномен орнаментального стиля;
- 7) обращение к мифу становилось универсальным способом художественной типизации; феномен неомифологизма.

«Нарушение границ привычного, типичное для переходных эпох, во многом связано со стихией творчества, которое не случайно называют “переходом за грани мира” (фразеологизм Бердяева)» [7: с. 76], поэтому закономерно, что модернистские искания отличают развитие русской прозы начала XX века. Не избежал влияния модернизма и И.А. Новиков, автор романов «Из жизни духа» (1906) и «Золотые кресты» (1908). Второй роман был переиздан в 1916 году, а затем только в 2004-м. В предисловии к первому изданию И.А. Новиков писал: «Роман “Золотые кресты” является первым звеном задуманной трилогии. Каждая часть её будет представлять в то же время и самостоятельное целое. Стихии христианства и язычества, преломленные в современности, и новая жизнь, которая ждет своего срока, чтобы подняться из хаоса новым еще небывалым цветком — вот три темы, которые положены в основу трилогии» [1: с. 5] (вторая и третья её части — «Безбожная башня» и «Остров» — не были изданы).

Роман «Золотые кресты» начинается с развёрнутой экспозиции, представляющей собой описание Золотой Царевны Осени, играющей одну из важных ролей в произведении: «осенняя грусть о хрупкости жизни и веры», «скорбь о жестокости земных путей» [2: с. 17] ощущаются на протяжении всего романа. Осень символизирует последний этап былого, она предопределяет изменение жизни, угасание нравственных ценностей: «Непосредственное религиозное сознание было уже подточено и заметно слабо. Оно уже не имело сил сопротивляться злым сомнениям и бескрылым порывам неверия. Оскудевшее сознание каждую минуту могло рухнуть совсем, но еще теплилась жизнь трепещущей лампадкой, еще веял дух в замирающих формах религиозной жизни. Это была наша осень» [6: с. 62]. В то же время в образе Осени, которая является одним из персонажей произведения, прослеживается воздействие идей русского космизма: её царственная красота скрывает тайну бытия, она знает больше, чем человек: «Осень знала и видела все. Но она сидела спокойно — ждала, пока погаснут золотые кресты. Недолго ждала. Они скоро погасли» [2: с. 48]. Природа ассоциируется с непостижимой человеку волей.

Проблематика романа «Золотые кресты» вбирает в себя вопросы о святости и грехе, о смысле жизни, о стремлении к нравственному идеалу, о соотношении физической и духовной красоты. Писатель, как и его друг Б.К. Зайцев, «в своих произведениях стремился к воссозданию православной картины мира, рисовал подстерегающие христианина искушения, падения, искания и заблуждения» [2: с. 4]. Новозаветный строй мыслей и чувств, мессианские настроения Евангелия, надежда на богочеловеческое спасение отвечали онтологическим пристрастиям Новикова этого периода. Писатель даже посещал религиозно-философские собрания в Киеве, целью которых было пересмотреть поверхностный характер духовных ценностей, отказаться от веры, сводимой лишь к исполнению религиозных обрядов: «Богоискатели из интеллигенции жаждали преодолеть пропасть между внерелигиозной культурой, общественной жизнью и оторванным от запросов интеллигенции церковным

бытием. Они испытывали потребность в личном Боге, в свободной и одновременно религиозно насыщенной жизни. Это было время “Третьего Завета”, “третьего пути”, который слил бы воедино небо и землю, одухотворил плоть, воссоединил язычество и христианство, примирил бы личную абсолютную свободу с религиозным освобождением человечества в акте неохристианской соборности» [2: с. 15].

В романе «Золотые кресты» Новиков запечатлел «столкновение инстинкта и разума, плоти и духа, идеал святости» [2: с. 12]. Центром духовных исканий ряда героев романа становится идея Бога, к которому они стремятся приблизиться. Анна грезит о Белом Христе: «Образ Христа Анна любила всем существом непонятной, ни с чем не сравнимой любовью. Анна жила этим Образом — мечтала и думала часто о Нем, вернее, не часто, а постоянно <...> Мечта о Христе — была вся ее жизнь» [2: с. 24]. Для Глеба Христос является примером, которому следует подражать. Герой даже готов отказаться от семьи, брака, веря в идею победы над смертью через целомудрие. Глеб воспринимает земную жизнь как миг на фоне бесконечной вечности.

Содержательный пласт романа наполнен поисками Бога, размышлениями о нём, дискуссиями о вере, грехе и праведности. На вечерах в доме доктора Николая Платоновича Палицына собираются единомышленники, которых интересуют вопросы приобщения к Христу через принятие «земной Голгофы», соединения христианства и марксизма, степени свободы в христианском вероучении. В то же время герои, хотя и «заняты поисками светлого Христа, но зачастую оказываются во власти антихриста, в котором провидят Нетленный Лик» [2: с. 14–15]: сластолюбивый Верхушин, проповедуя высокие идеи, превращает имя Христа в разменную монету в политических спорах; Кривцов с именем Бога на устах готов принять любые муки во славу Господа и при этом разжигает в людях порочные наклонности и страсти.

В романе воссоздается одна из тенденций в духовной жизни России 1900–1910-х годов — критика духовенства и крушение веры в Бога. Герои-монахи в романе Новикова не способны быть образцами духовности и нравственности. Кривцов, прошедший через монашество, предпочитает проповедовать в кабаках, потому что так он хотя бы не будет лицемерить: «Не говорите мне больше о них, об отшельниках! Пусть эти носят черные, простые одежды, — лицемерием прикрывают они свои гнусности. Я был сам в монастыре — в этом... в вашем... в таком всеми чтимом, прославленном. Я был полтора года в нем — насмотрелся, наслушался... Довольно с меня! И даже научился кое-чему <...> Он ткнул пальцем в пустую бутылку» [2: с. 138]. Именно там, в обители, Кривцов пытается овладеть девочкой Наташей, за что и не может себя простить. Старик Василий, посетивший это место, заключает: «Заживо загнивающим трупом веяло здесь. Что-то давно разложилось, полусотлело, имело лишь видимый облик живого, — одна только злоба еще осталась жива. Мерзость запустения на месте святом!» [2: с. 187]. Вместо христовых заповедей один из монахов учит Василия, что «только

кровью Христовых врагов можно омыть» [2: с. 187] самые проклятые грехи. Разврат, сладострастие, пьянство, пролитие крови ради собственного спасения — вот пороки, которые в романе автор выставляет напоказ.

Противоречивость, кризисность, безысходность прочитываются в судьбах многих героев произведения. Федя, 18-летний мальчик, публично обвиняет своего брата Николая Платоновича Палицына и его товарищей по христианской вере в лицемерии. Бог в глазах Феде тиран, оправдывающий «всякую власть и любую несправедливость, совершенную сильными» [2: с. 105]. «Абсолютная правдивость» героя ставит в неловкое положение присутствующих. Это крик израненной, кровоточащей души мальчика, думающего, страдающего, ненавидящего Бога за людские страдания, но желающего «дойти до Него» [2: с. 109]. Федя становится жертвой революционных погромов: бывший товарищ и единоведец брата Игнатий отдает приказ убить мальчика, пытающегося остановить кровопролитие. Но это не единственная смерть. Словами: «Замкнут безмолвный, торжественный круг. Теперь пусть приходит судьба» [2: с. 203], — автор предваряет целую череду трагических событий. Небольшой сухонький старичок азиатского типа, под идеями богоборчества несущий новую правду о Господе и обвиняющий остальных в служении дьяволу, убивает Кривцова. То же планировала сделать и Глаша, мечтавшая восстановить справедливость, так как «Бог правящий, Бог, имеющий власть, выполняет другое» [2: с. 184]. После смерти Кривцова героиня добровольно уходит из жизни. Наконец, Глеб, веруя во Христа, победившего смерть, видит обречённость земли и выбирает самоубийство, склоняя к этому и свою возлюбленную Анну: «Нет, ни прогресс, ни сытость, ни демократия не спасут обреченной земли, путь один — через огонь в потусторонний, влекущий, непостижимый для смертных преображенный мир» [2: с. 225]. Судьбы этих героев, ради обретения веры кощунствующих и совершающих смертные грехи, подтверждают декадентскую природу их мировосприятия: неверие в свои силы и капитуляцию перед злом.

Модернистская модель мира реализуется в новом отношении к повествовательному времени, в отказе от эпического принципа хроникальности, от последовательного изложения событий: «Хроникальное, линейное построение сюжета модернисты стремятся полностью заменить музыкальным его построением, упорядоченным столкновением и ассоциативным развитием символических образов, описаний» [8: с. 909]. Многие главы романа «Золотые кресты» делятся на несколько разделов. Так, третья глава состоит из четырёх разделов. В первом повествуется о том, как Андрей идет бродить по городу, даётся подробная ретроспектива дня героя. Второй раздел представляет собой размышления Ставрова о жизни; здесь есть и эмоционально окрашенные описания природы, и внутренние монологи. Третий раздел по стилю напоминает стихотворение в прозе, он полон лиризма и музыкальности. Наконец, в четвёртой, заключительной, части главы содержится призыв любить, а не тратить время на мысли и слова. В этой главе проявляется характерное свойство модернистской поэтики с ослабленным сюжетостроением, ассоциативным принципом композиции, синтезом эпического и лирического начал в тексте.

Важной чертой модернистского художественного сознания является уход от позиции всеведущего повествователя, владеющего истиной: «Философское и обыденное сознание XX столетия склоняется к пониманию того, что истины в последней инстанции не существует, так же как и не может быть последнего слова об этой истине. Поэтому предметом изображения в модернистской литературе становится не столько действительность, сколько сознание, ее воспринимающее, трансформирующее или искажающее» [3: с. 72]. В романе «Золотые кресты» повествование ведётся от третьего лица, зона сознания героев воссоздается с помощью авторской речи, которая незаметно переходит в лирические отступления: «Но говорить ли еще о любви? Может быть, просто надо — любить? Кто как умеет, кто как родился — кто на всю жизнь, кто на миги, кто бестелесным и чистым цветком, кто кровавым и рдяным <...> Рождайте и рвите эти цветы, да, и рвите, ибо они и в смерти живут» [2: с. 36]. Порой сложно определить, кому принадлежат данные размышления: автору или герою.

Новиков стремится запечатлеть в романе «множественность человеческих правд» [2: с. 15], что можно проследить на реализации лейтмотива «*новая жизнь*». Для Наташи представление о «*новой жизни*» связано с очищением от греха через прощение. Она говорит Кривцову: «И вот мы живем все вместе на острове. И нам так светло жить на нем. *Новая жизнь* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — К. К.), где ничего такого не будет» [2: с. 180]. «На острове светлом, где я буду иной, какою сегодня ты видел меня, и где будешь и ты с преображенной, прощенной душой» [2: с. 198]. «Новая жизнь» приходит к холодной Надежде Сергеевне после знакомства с Глебом, в которого она влюбляется: «Душа нежданную каплю тепла развеяла по всему необъятному простору вод своих, и мелкие атомы создавали, кружась, *новую жизнь*» [2: с. 211]. Для Глеба «новая жизнь» связана с воскресением души, с «преображенным миром», путь в который лежит через страдание и смерть. Анна также верит, что вместе с Глебом они предстанут перед Белым Христом «в третьем царстве завершивших свой круг» [2: с. 203]. Глеб и Анна Ставрова — герои, укоренённые не в современности, а в вечности.

Роман «Золотые кресты» строится на противопоставлении точек зрения, позиций, убеждений героев. Друзья Глеб и Андрей оппонируют друг другу в понимании красоты: Андрея восхищают формы, Глеб признает красоту духовную, для него телесная красота — соблазн. Взгляды Анны противоположны взглядам Надежды Сергеевны: для одной идеалом является Бог — Христос, для другой — красота и свобода. Наташа и Глаша, будучи влюблены в Кривцова, проявляют себя как образы-антиподы: первая принимает решение простить возлюбленного и полностью посвятить себя ему; вторая, ненавидя и любя одновременно, мечтает «об одном: убить его и убить себя вместе с ним» [2: с. 205]. С помощью данного приёма раскрывается антитеза ценностей материального мира и мира вечности.

Стиль романа «Золотые кресты» отличается тяжеловесной сложностью, вычурностью. Через нагнетание деталей, громоздкие предложения с обилием

тропов и абстракций писатель стремится передать сложность бытия, достичь запредельных высот миропонимания.

Итак, роман «Золотые кресты» пронизан модернистскими чертами, характеризующими творческие искания писателя, чутко реагирующего на новые тенденции в искусстве Серебряного века. Роман насыщен религиозно-идеалистическими размышлениями и фаталистическими умонастроениями. Позже в силу объективных обстоятельств И.А. Новиков отойдёт от модернистских исканий, объясняя это тем, что его естественно-историческое образование помогло «перебродить» юному декадентству. Однако идеи «богоискательства» и «религиозного ренессанса», декадентские умонастроения, безусловно, обогатили творчество писателя и «не были отринуты <...> безоговорочно» [2: с. 6].

Библиографический список

Источники

1. Новиков И.А. Золотые кресты: роман. М.: Тип. В.А. Жданович, 1908. 304 с.
2. Новиков И.А. Золотые кресты: роман. Мценск: Мцен. гор. б-ка И.А. Новикова, 2004. 444 с.

Литература

3. Голубков М.М. Как наткнуть палец на модернизм? Эстетика модернизма в русской литературе первой половины XX века // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Тамбов: ТГУ, 2009. С. 68–73.
4. Затонский Д.В. Что такое модернизм? // Контекст-1974. М.: Наука, 1975. С. 135–167.
5. Ильев С.П. Русский символистский роман: Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 168 с.
6. Флоренский П.А. «Золото в лазури» Андрея Белого: критическая статья // Контекст-1991. М.: Наука, 1991. С. 62–67.
7. Щирова И.А. О «правде вымысла» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 2 (6). С. 74–85.

Справочные и информационные издания

8. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978. Т. 4. 1024 с.

References

Istochniki

1. Novikov I.A. Zoloty'e kresty': roman. M.: Tip. V.A. Zhdanovich, 1908. 304 s.
2. Novikov I.A. Zoloty'e kresty': roman. Mcensk: Mcen. gor. b-ka I.A. Novikova, 2004. 444 s.

Literatura

3. Golubkov M.M. Kak natknut' palecz na modernizm? E'stetika modernizma v russkoj literature pervoj poloviny' XX veka // Literaturovedenie na sovremennom e'tape: Teoriya. Istoriya literatury'. Tvorcheskie individualnosti. Tambov: TGU, 2009. S. 68–73.

4. *Zatonskij D.V.* Chto takoe modernizm? // Kontekst-1974. M.: Nauka, 1975. S. 135–167.
5. *Il'ev S.P.* Russkij simbolistskij roman: Aspekty' poe'tiki. Kiev: Ly'bid', 1991. 168 s.
6. *Florenskij P.A.* «Zoloto v lazuri» Andreya Belogo: kriticheskaya statya // Kontekst-1991. M.: Nauka, 1991. S. 62–67.
7. *Shhirova I.A.* O «pravde vy'my'sla» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 2 (6). S. 74–85.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Kratkaya literaturnaya e'nciklopediya: v 9 t. / gl. red. A.A. Surkov. M.: Sov. e'nciklopediya, 1962–1978. T. 4. 1024 s.

K.S. Kalinina

Modernistic Features in the Novel «The Gold Crosses» by I.A. Novikov

The paper analyzes the novel «The Gold Crosses» by I.A. Novikov in the context of modernist trends of the early XX century. This work reflects theomachistic sentiments typical of the time of its creation. The author of the paper identifies the modernistic peculiarities in the novel and concludes that they enriched the writer's artistic system.

Keywords: modernism; decadence; religious renaissance; leitmotiv.

Е.Р. Тырина

Неожиданное издание (Б. Филиппов о книге А.А. Ахматовой)

В статье рассмотрены предполагаемые условия издания сборника А.А. Ахматовой «Из шести книг», изложенные в статье Б. Филиппова, в контексте публикаций сочинений поэта в советский период. Определены особенности идеологической и литературной позиции Филиппова.

Ключевые слова: А.А. Ахматова; Л. Гумилёв; Б. Филиппов; цензура; история публикаций.

Публикация и комментирование полного объёма сочинений А.А. Ахматовой остаётся одной из актуальных задач современного литературоведения — об этом пишут и исследователи, и издатели, уточняя, что до сих пор встречаются случаи искажения текстов. Не меньший интерес вызывает и история формирования архива, публикаций произведений поэта не только в России, но и за её пределами. В наши дни огромные тиражи сборников стихов и поэм в различных типах и видах изданий — закономерное явление литературного процесса, поддержанное читательским интересом. Однако так было не всегда. История публикаций произведений Ахматовой — драматичный, полный неожиданностей, домыслов, слухов, предположений сюжет, ещё не все события которого восстановлены.

Задача данной публикации — обратить внимание на малоизвестную статью, посвящённую неожиданному изданию сборника А. Ахматовой «Из шести книг» в 1940 году. Её автор Б. Филиппов (Филистинский) известен не только как поэт и писатель, но и как издатель, публиковавший сочинения русских опальных поэтов. В частности, им (совместно с Г. Струве) подготовлены тексты, составлены комментарии, написаны вступительные статьи к книгам А.А. Ахматовой, Н. Гумилёва, Н. Клюева, О. Мандельштама и др., выпущенным в американских и мюнхенском издательствах. Б. Филиппов одним из первых опубликовал и интерпретировал «Поэму без Героя» (в альманахе «Воздушные пути», 1961), чем оказал влияние на дальнейший творческий процесс, в частности, на фрагменты поэмы, созданные в 1962 году.

В 1941 году, вернувшись из лагерей Коми, где провёл пять лет (реабилитирован в 1995 году), Филиппов поселился в Новгороде, но продолжал поддерживать тесные отношения с бывшими членами религиозно-философского кружка, за участие в котором и был осуждён. В его статьях, публиковавшихся в 1940-е годы, рассказывается о событиях в литературной жизни тех лет и даются неожиданные трактовки, которые, возможно, являются отголосками

бесед с единомышленниками, рассказов очевидцев. Спустя 75 лет эта информация помогает если не установить фактическую основу исторических событий, то, по крайней мере, ощутить дух той эпохи, эмоциональный фон, на котором разворачивались напряженные события, те условия, в которых литераторам приходилось делать решающий выбор.

Нередко поэтическое творчество оказывается полем идеологических столкновений. Так случилось и с А.А. Ахматовой, которую не раз подвергали цензурной правке, запрещали и не публиковали. Как известно, в послереволюционный период Ахматова находилась в сложной ситуации: «С середины двадцатых годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые — перепечатывать», — именно так Ахматова написала в автобиографической заметке «Коротко о себе» (1965) [3].

Хронология изданий Ахматовой выглядит таким образом: в марте 1912 года вышла в свет её первая книга — «Вечер»; через два года (1914) был опубликован второй сборник «Чётки»; в 1917 году появилась третья книга — «Белая стая». До Октябрьской революции книги А. Ахматовой не подвергались цензуре [11: с. 174–191]. В 1921 году, также не пострадав от цензуры, были напечатаны «Подорожник» и «Anno Domini MCMXXI». В этих двух сборниках прочитывались вызов новому режиму, прощание с эпохой, плач по Н. Гумилёву и А. Блоку [10: с. 174–191].

В 1922 году в Берлине вышло второе издание «Anno Domini» (с укороченным названием). В России она не была напечатана из-за типографских трудностей. В книге появился раздел «Новые стихи», а первым стихотворением сборника стало «Согражданам» (1919); вторым же шло «Предсказание» (1922), которое условно можно интерпретировать как умозрительный диалог с расстрелянным Н. Гумилёвым. В тех экземплярах, которые попали на родину, первые страницы были вырезаны. Можно сделать вывод о том, что начиная с 1922 года книги Ахматовой стали подвергаться цензурной правке.

В своих записных книжках Анна Андреевна писала: «То, что там были стихи, ненапечатанные в СССР, стало одной третьей моей вины, вызвавшей первое пост<ановление> обо мне (1925)...» [6: с. 378–379]. Другой причиной, вызвавшей постановление, по мнению А. Ахматовой, была статья К.И. Чуковского «Ахматова и Маяковский» [12: с. 23–42] (1921). Чуковский писал о творчестве А. Ахматовой как о «синтезе стихий», в котором сочетаются дореволюционная и революционная эпохи. Ещё одной причиной постановления 1925 года Ахматова считала своё выступление в Москве на вечере «Русского современника», где прочла «Новогоднюю балладу» (17 апреля 1924 г.). «Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на лит<ературные> вечера. (Я встретила на Невском М. Шаг<инян>. Она сказала: “Вот вы какая важная особа. О вас было пост<ановление> ЦК: не арестовывать, но и не печатать”»)» [6: с. 378–379]. Как предполагают исследователи, имелось в виду «какое-то решение ленинградских партийно-административных органов» [13: с. 456]. Во всяком случае, она всегда считалась поэтом, чуждым

официальной идеологии. «Между 1925–1939 меня перестали печатать совершенно. Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти» [6: с. 378–379], — вспоминала А.А. Ахматова в 1960 году, составляя список своих уничтоженных и запрещённых книг. Из них можно было бы подготовить ещё одно собрание сочинений.

Только в 1939–1940 годах произошло потепление в отношениях власти к поэту: в ряде журналов были опубликованы отдельные стихотворения, а в 1940 году неожиданно опубликован сборник «Из шести книг» [7]. История этого издания (за которым читатели стояли в книжных магазинах в огромных очередях) обросла легендами, в которые трудно не поверить. Одна из версий впервые освещена Б. Филипповым в 1943 году в статье «Как напечатали Анну Ахматову» [9: с. 2]. Опубликована она была в двух газетах: «За Родину» в Пскове и «Русское дело» в Белграде. Статья любопытна ещё и тем, что в ней затронуты мало кому известные в то время факты жизни самых близких Ахматовой людей. В качестве эпиграфа к своей статье Филиппов выбирает строки из поэмы «Реквием», а именно из седьмой её части «Приговор»:

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

Напоминая читателям о тяжёлой судьбе известного поэта, Б. Филиппов выделяет два трагических эпизода: расстрел её бывшего мужа — Н.С. Гумилёва и арест сына — Л.Н. Гумилёва. О причинах ареста Филиппов рассказывает не просто подробно, но как хорошо осведомлённый человек.

В университете на одной из лекций по новой русской поэзии, которые читал известный литературовед Лев Пумпянский, произошла скандальная история. Лектор позволил себе иронично отозваться о Н. Гумилёве, утверждая, что тот никогда не был в Африке. Пренебрежительно высказался и об А. Ахматовой. Студент Л. Гумилёв, присутствовавший на лекции, громко возразил. Его мнение для студентов, знавших (в отличие от лектора), что он сын выдающихся поэтов, оказалось более убедительным, чем поверхностные высказывания преподавателя. Инцидент завершился для Гумилёва печально: доносом в органы, арестом и ссылкой в лагерь. Широкой публике эта история стала известна много лет спустя. Об этом Л. Гумилёв расскажет в своих воспоминаниях [5: с. 202–216], многие его сокурсники припомнят в мемуарах этот эпизод и поведение каждого из его участников [4].

Сборник стихотворений «Из шести книг» вышел в издательстве «Советский писатель» в Ленинграде, как объясняет Филиппов, следующим образом. Дочь Сталина Светлана, читая стихи Ахматовой, удивилась при отце тому, что её книги нельзя найти в библиотеках. Светлана прочитала Сталину «одно из сравнительно нейтральных стихотворений». По звонку самого Сталина в тот же день к поэтессе пришел издательский служащий

с предложением издать её сочинения. За подготовку нового сборника Ахматовой пообещали хороший гонорар, переезд в лучшую квартиру. «И пожалуйста: распишитесь в получении маленького задатка. Не трудитесь считать: здесь ровно 10.000» [9: с. 2], — сказал человек из издательства. Поэтесса, недоумевая, согласилась. Конечно, точность деталей вызывает сомнения. Нам удалось найти только косвенные свидетельства в пользу высказанной версии в книге С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Дочь Сталина, действительно, знала и любила стихи Ахматовой. В её воспоминаниях описано следующее: в октябре 1942 года она познакомилась с А.Я. Каплетром (он в её книге именуется Люсей): «Люся приносил мне книги: “Иметь и не иметь”, “По ком звонит колокол” Хемингуэя, “Все люди — враги” Олдингтона. Он давал мне “взрослые” книги о любви, совершенно уверенный, что я все пойму. Не знаю, все ли я поняла в них тогда, но я помню эти книги, как будто прочла их вчера... Огромная “Антология русской поэзии от символизма до наших дней”, которую Люся подарил мне, вся была испещрена его галочками и крестиками около его любимых стихов. И я с тех пор знаю наизусть Ахматову, Гумилева, Ходасевича... О, что это была за антология, — она долго хранилась у меня дома и в какие только минуты я не заглядывала в нее...» [2]. Упомянутая антология была издана в 1925 году. В неё вошли стихотворения А. Ахматовой разных лет, ранее напечатанные в сборниках «Вечер», «Чётки», «Белая стая», «Подорожник» и «Anno Domini MCMXXI». Таким образом, некоторая доля вероятности происшедшего, обусловленная полным произволом в литературных оценках и в издательской политике властей, подтверждается.

О том, что издание было «случайным», говорит и тот факт, что вскоре после выхода книги «беспечные редакторы» понесли наказание. Были опубликованы отрицательные рецензии, книгу приказали изъять из обращения, но она уже была распродана. Официальная критика оценила стихи Ахматовой как глубоко чуждые советской идеологии, упадочнические. Сама Анна Андреевна часто вспоминала об истории выхода сборника «Из шести книг», задумываясь не столько о мотивах издания, сколько о причинах неприятия своей поэзии партийным руководством.

Оба эпизода из жизни членов семьи Ахматовой не были в свое время достоянием гласности, и только в конце XX – начале XXI века подтверждены опубликованными документами. Каким образом Б. Филиппов мог узнать детали происшествий в самых высших сферах? Ведь во время выхода статьи «Как напечатали Анну Ахматову» (1943) он жил в Новгороде. После освобождения из лагеря в 1941 году он жил здесь до 1944 года, до эвакуации в Германию вместе с другими беженцами [1: с. 637]. Не совсем понятно, откуда автор получил точную информацию для своей статьи. Он упоминает такие подробности, которые могли быть известны только очень узкому кругу лиц. Возможно, он действительно вращался в «литературных кругах Питера», следовательно, нарушал запрет о въезде в крупные города, так как был выслан за «сто первый

километр» и располагал, так сказать, «устными» сведениями. Но есть предположение и о «письменной информации», т. е. секретной документации, которая оказалась доступна газетчику. Возможно, это были архивы тех органов, которые производили аресты. Так, в одном из исследований, посвящённых военному периоду и истории русского зарубежья, недвусмысленно утверждается, что тем, кто публиковался в изданиях оккупантов, открывали доступ ко всем секретным материалам [8]. Особый интерес в этом случае представляли как раз опальные советские поэты и писатели, осуждённые официальной партийной критикой.

Таким образом, временная ретроспектива показывает, как сложилась противоречивая с морально-нравственной точки зрения ситуация: только во враждебном печатном органе оказалось возможным обнародовать весьма значительные факты из общественной и литературной жизни. Субъективность и произвол, келейность решений в оценке литературных явлений, атмосфера секретности, характерные для советского времени, соединяясь с личным, крайне негативным жизненным опытом журналиста — арест, ссылка — оказывались своеобразным оправданием (или его иллюзией) деятельности Б. Филиппова, с одной стороны, рассказывающего о проблемах русской литературы, а с другой — этими рассказами компрометирующего советскую официальную политику в области литературы. Так обращение к забытым (по разным причинам) материалам помогает выявить важные историко-литературные аналогии, на значение которых не однажды указывали исследователи [10: с. 13].

Библиографический список

Источники

1. Агеносов В.В. Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 736 с.
2. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М.: Сов. писатель, 1990. 216 с.
3. Ахматова А.А. Избранное / сост., авт. примеч. И.К. Сушилина. М.: Просвещение, 1993. 320 с.
4. Гумилев Л. Автобиография. Автонекролог // Лев Гумилев: Судьба и идеи / С.Б. Лавров и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2007. 608 с.
5. Гумилев Л.Н. Биография научной теории, или Автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 202–216.
6. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 873 с.
7. Из шести книг. Стихотворения Анны Ахматовой. Л.: Сов. писатель, 1940. 238 с.
8. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 544 с.
9. Филистинский Б. Как напечатали Анну Ахматову // Русское дело. Белград, 1943. № 17. 26 сент. 2 с.

Литература

10. Романова Г.И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакуanine в 1920-е гг.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 8–15.

11. *Рубинчик О.* Анна Ахматова и советская цензура // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения: сб. науч. ст. СПб.: СПГУТД, 2005. С. 174–191.
12. *Чуковский К.И.* Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. № 1. С. 23–42.

Справочные и информационные издания

13. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М.: МФД, 1999. 868 с.

References

Istochniki

1. *Agenosov V.V.* Vostavshie iz neby'tiya. Antologiya pisatelej Di-Pi i vtoroj emigracii. M.: AIRO-XXI; SPb.: Aletya, 2014. 736 s.
2. *Allilueva S.* Dvadcat' pisem k drugu. M.: Sov. pisatel', 1990. 216 s.
3. *Axmatova A.A.* Izbrannoe / sost., avt. primech. I.K. Sushilina. M.: Prosveshhenie, 1993. 320 s.
4. *Gumilev L.* Avtobiografiya. Avtonekrolog // Lev Gumilev: Sud'ba i idei / S.B. Lavrov i dr. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Ajris-press, 2007. 608 s.
5. *Gumilev L.N.* Biografiya nauchnoj teorii, ili Avtonekrolog // Znamya. 1988. № 4. S. 202–216.
6. Zapisny'e knizhki Anny' Axmatovoj (1958–1966). M.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 873 s.
7. Iz shesti knig. Stixotvoreniya Anny' Axmatovoj. L.: Sov. pisatel', 1940. 238 s.
8. *Kovalev B.N.* Nacistskaya okkupaciya i kollaboracionizm v Rossii. 1941–1944. M.: AST, Tranzitkniga, 2004. 544 s.
9. *Filistinskij B.* Kak napechatali Annu Axmatovu // Russkoe delo. Belgrad, 1943. № 17. 26 sent. 2 s.

Literatura

10. *Romanova G.I.* Metodologicheskie problemy' izucheniya prototipa (diskussiya o Bakunine v 1920-e gg.) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 8–15.
11. *Rubinichik O.* Anna Axmatova i sovetskaya cenzura // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya: sb. науч. ст. СПб.: SPГУТД, 2005. С. 174–191.
12. *Chukovskij K.I.* Axmatova i Mayakovskij // Dom iskusstv. 1921. № 1. С. 23–42.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. Vlast' i xudozhestvennaya intelligenciya: documenty' CK RKP(b) – VKP(b), VCHK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953 gg. M.: MFD, 1999. 868 s.

E.R. Tyrina

An Unexpected Edition (B. Filippov about a Book of A. Akhmatova)

The article deals with the assumed release conditions of A.A. Akhmatova's poem collection «From Six Books», which were enounced by B. Filippov, in the context of publication of the poet's works s in the soviet period. It also identifies the particularities of Filippov's ideological and literary viewpoint.

Keywords: A.A. Akhmatova; L. Gumilyov; B. Filippov; censorship; publication history.

О.М. Гордеева

Личное местоимение «ты» и функционально-семантическое поле адресованности в лирике И.А. Бунина

Статья посвящена изучению роли личных местоимений второго лица единственного числа в функционально-семантическом поле адресованности лирики И.А. Бунина. Личное местоимение «ты» рассматривается как структурный элемент в выражении противоречивого единства воспринимающего сознания в лирике.

Ключевые слова: лирика И.А. Бунина; функционально-семантическое поле адресованности; личное местоимение.

«**О**бращённость высказывания, то есть его целевая, содержательная и формальная ориентированность на адресата, является одной из существенных характеристик речи», — пишет В.Е. Гольдин [2: с. 78]. Мы рассматриваем обращённость как функционально-семантическое поле, ядром которого является специализированная форма названия адресата (обращение), а в центре и на периферии располагаются другие средства названия, упоминания воспринимающего сознания и (или) отсылки к нему.

Так как литературное произведение можно рассматривать как высказывание, которое данный автор адресует потенциальному читателю, то обращённость как характеристика речи не может не быть и характеристикой текста, в том числе и художественного. По словам Ю.М. Лотмана, «текст содержит в себе свёрнутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому как мы извлекаем из него позиции автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя данного текста» [3: с. 161].

Одним из средств, позволяющих «реконструировать... читателя», являются личные местоимения. Значимость личных местоимений как средства адресованности не подлежит сомнению. В функционально-семантическом поле адресованности оно находится в центре, максимально близко к ядру (И.Д. Чаплыгина считает, что центром поля являются именно личные местоимения [5: с. 7]). Личные местоимения первого и второго лица называют адресаторами, так как они указывают на направленность речи, или же «диалогическими» местоимениями. Однако оппозиция «я», «мы» / «ты», «вы» характерна для обычного диалога, естественного коммуникативного акта. При изучении местоимений-адресаторов в художественном тексте нельзя не учитывать их роли в естественной коммуникации, но одновременно необходимо учитывать специфику их реализации в текстах разных родов и жанров.

Так, личные местоимения прежде всего указывают на роль субъектов коммуникации в каждом отдельном фрагменте речи: для диалога естественна регулярная смена местоимений «я» (говорящий) и «ты» (слушающий). Однако при этом спецификой лирических текстов, как правило, становится неизменность позиций «я» (адресант) и «ты» (адресат).

Кроме того, «местоимение “ты” может быть употреблено говорящим в обращении к самому себе: “Ты хотел вторично изведать счастья в жизни, — говорил он сам себе” (Тург.)» [4: с. 533].

Рассмотрим специфику личного местоимения «ты», апеллирующего к «я» и к одному из наиболее частотных «ты» (возлюбленная) в лирических текстах И.А. Бунина¹.

1. Если «ты» указывает на самого говорящего, то речь идет об автокоммуникации. В лирике И.А. Бунина много обращений к самому себе, но в случаях с «ты» автокоммуникация, как правило, не прямая, а опосредованная, когда адресатом является не только само «я», но и разные его ипостаси: «Но кому и как расскажешь ты, / Что зовет тебя, чем сердце полно!» («Ночь печальна, как мечты мои...», 1900); «Ты, сердце, полное огня и аромата, / Не забывай о ней. До черноты стори» («Кадыльница», 1916); «Ты, молодость моя, вы, годы / Надежд, сердечной простоты...» («***», 1916). Таких примеров немного, в целом лирический герой к себе (ни напрямую, ни опосредованно) на «ты» не обращается. Вероятно, это следствие редкой целостности внутреннего мира лирического героя. При изучении роли обращений и вопросительных предложений в поле адресованности лирики И.А. Бунина мы обратили внимание на то, что среди многочисленных вопросов к себе нет таких, которые свидетельствовали бы о внутренних противоречиях воспринимающего мир сознания. То же самое можно сказать и о местоимениях: разные ипостаси «я» всегда чувствуют «в унисон». Поэтому «ты» как указание на расщеплённость, двойственность сознания лирического героя никогда не употребляется в лирике И.А. Бунина. В стихотворении «Кадыльница» «ты» может восприниматься как «я» не только лирического героя, но и любого молодого человека, чьё сердце полно «огня и аромата». В обращении к прошлому («молодость моя») действительно происходит раздвоение «я», но и в этом случае конфликта не возникает, так как память о былом счастье воспринимается как неотъемлемая часть настоящего лирического героя.

2. «Ты» (в оппозиции к «вы») употребляется по отношению к близкому человеку. В лирике И.А. Бунина «ты» — прежде всего возлюбленная, любимая. Это второе по частоте употребления (34 % от общего числа не ролевых стихотворений с «ты») референциальное значение местоимения «ты» в стихотворениях И.А. Бунина (наиболее частотным — свыше 40 % — является обозначение не-лица).

При всей условности адресата стихотворного послания — возлюбленной лирического героя — сам жанр постулирует ожидание реплики, направленной от «я» к «ты», т. е. фрагмента диалогического общения. Классическим вариантом выражения такой реплики являются аналогичные речевым жанрам

¹ Все цитаты даны по изданию [1].

стихотворные послания, содержащие объяснения / признания, выражение надежд, высказывание упреков и т. п., имеющие формальные признаки непосредственной коммуникации (например, пушкинские строки «Я вас люблю, хоть я бешусь...» и «Я вас любил...»).

Такого рода стихотворения, на первый взгляд, есть и у И.А. Бунина: «И тебя так нежно я любил, / Как меня когда-то ты любила» («Нынче ночью кто-то долго пел...», 1899), «Как я любил тебя!» («Гроза прошла над лесом стороною...», 1901), «Люблю, исполнен тайной муки, / Люблю тебя, как светлый сон...» («Ночного неба свод далекий...», 1901).

В стихотворении «Гроза прошла над лесом стороною...» герой в одиночестве вспоминает прошлое, и концевая реплика, обращённая непосредственно к возлюбленной, кажется возможностью преодолеть пространство и время и ощутить себя рядом с ней. Однако в лирике И.А. Бунина переключение с третьего лица на второе не указывает на выход героя за пределы своего «я». Контекст («И все в душе я сохраню, любя...») указывает, скорее, на обратное: лирический герой хранит в своей душе память о любви, и обращается он не к реальной женщине, а к тому образу, который бережёт в памяти.

В стихотворении «Нынче ночью кто-то долго пел...» признание лирического героя обращено к спящей героине, что делает реальную, действенную коммуникацию невозможной. Кроме того, хотя герои находятся в одном хронотопе, их чувства не совпадают по времени, что также усиливает условность / риторичность обращения к «ты».

В стихотворении «Ночного неба свод далёкий» ситуация иная: лирический герой находится в предвкушении появления женщины, слышит шум её одежд, но её саму пока не видит; однако именно в этот момент, до появления возлюбленной, возникает монолог в душе лирического героя. То есть он обращается не непосредственно к ней, а к её образу в своей душе. Диалог внутренний, потенциальный и здесь не превращается во внешний.

Получается, что даже для объяснения в любви лирическому герою слушающий не нужен, для И.А. Бунина важен не коммуникативный акт «я» – «ты», а осознание лирическим героем своих чувств. Другими словами, кажется, что лирический герой И.А. Бунина произносит признание не для неё, а для себя самого.

Обратим внимание на то, что лирический герой у И.А. Бунина не только не раскрывает себя перед возлюбленной, он не даёт объясниться и ей:

Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?
Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья, —
Я опять одинок! (Как светла, как нарядна весна! 1899).

В этом стихотворении вопросы к «ты» сопровождаются императивами, которые свидетельствуют о сосуществовании лирического героя и его возлюбленной

в одном хронотопе: «погляди», «скажи». Но оказывается, что лирическому герою не нужны ответы («О молчи!»): он сам догадывается о том, что пока скрывает любимая («Мне не надо признанья»).

Таким образом, в лирике И.А. Бунина отсутствует даже иллюзия коммуникации как межличностного общения между «я» и «ты». При этом апелляция к «ты» постоянна. Лирический герой ведёт с женщиной гипотетические беседы, которые, имея вид диалога, собственно к диалогу (обмену репликами между коммуникантами) не стремятся. Женщина кажется лирическому герою открытой книгой, которую он легко читает, что делает внешнюю, вербальную коммуникацию излишней.

Так, в стихотворении «Одиночество» (1903) лирический герой не спрашивает о чувствах женщины, а рассказывает ей о её же переживаниях: «Вчера ты была у меня, / Но тебе уж тоскливо со мной». «Читая» женщину-книгу, лирический герой не вступает в коммуникацию, которая, по его мнению, обречена на неудачу («Мне крикнуть хотелось вослед: “Воротись, я сроднился с тобой!”»). Потенциальный диалог с женщиной так и остается потенциальным. Интересно, что в «Одиночестве» происходит переключение со второго лица на третье. Основная часть стихотворения написана как высказывание, обращённое к «ты», однако ближе к концу, в ответ на непрозвучавшую реплику лирического героя появляется выражение, близкое сентенции: «Но для женщины прошлого нет: / Разлюбила — и стал ей чужой». Переход от второго лица («ты») к третьему («женщина», «она») является результатом удаления от событий, пусть только мгновенного, после чего лирический герой возвращается к основной манере монолога. Наличие обобщения, когда мысли о «ты» становятся размышлениями обо всех женщинах, свидетельствуют о том, что лирический монолог вряд ли направлен к бывшей возлюбленной, скорее, единственный адресат — сам говорящий, который осмысливает происходящее с ним как проявление законов бытия и планирует свой быт, осознавая положение свободного / покинутого / преданного человека: «...Как-нибудь до весны / Проживу и один — без жены... <...> Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить».

Таким образом, монологи лирического героя И.А. Бунина — это в основном сообщения, т. е. информация, не требующая ответа. Это может быть информация о самом говорящем, о его действиях и переживаниях по отношению к любимой: «Беру твою руку и долго смотрю на нее <...> Я всю тебя чувствую — душу и тело» («Беру твою руку...», 1898); «Счастлив я, когда ты голубые / Очи поднимаешь на меня... / Горько мне, когда ты, опуская / Темные ресницы, замолчишь <...> / Но всегда, везде и неизменно / Близ тебя светла душа моя...» («Счастлив я...», 1896); о его мечтах: «Ужель опять с блаженной страстью / Твои колени обниму?» («Ночного неба свод далекий...», 1901).

Сообщения могут быть направлены на неё: это могут быть упреки возлюбленной («Если б прошлое забыть, — Все, что ты уже забыла» («Если б только можно было...», 1894)), или заклятия («Ты меня не забудешь / До последнего дня»

(«Чужая», 1903–1906)), или предчувствия («Ты меня позабудешь вдали» («Порыжели холмы. Зноем выжжены...», 1891)), или пожелания («Милый друг! О, будь благословенна / Красота и молодость твоя!» («Счастлив я...», 1896)). Интересно, что лирический герой И.А. Бунина может сообщать возлюбленной и то, чего она о себе (ещё) не знает: «Вот в этой руке — все твое бытие» («Беру твою руку...», 1898); «Любишь ты, сама того не зная, / И любовь застенчиво таишь» («Счастлив я, когда ты голубые...», 1896), и то, как она выглядит со стороны: «Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело» («Беру твою руку...», 1898).

Стихотворения, в которых лирический герой ждёт от возлюбленной слова и (или) действия, встречаются нечасто: «Ты покрепче прижмись ко мне, сердце мое! / Ты мне собственной жизни милей и родней» («Только камни, пески, да нагие холмы...», 1926).

Причины закрытости, замкнутости лирического героя, может быть, в отсутствии духовной близости между любящими. Описание взаимопонимания между «я» и «ты» крайне редко у И.А. Бунина:

...Лишь с тобою одною я счастлив,
И тебя не заменит никто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь — за что!
(«Звезды ночью весенней нежнее», 1898).

В этих двух стихотворениях нам видится тот редкий случай, когда слово лирического героя направлено не на себя самого, а на объект своих чувств, направлено именно потому, что он надеется на адекватное восприятие / понимание.

Особое место в любовной лирике И.А. Бунина занимает мотив памяти, воспоминаний о былой любви, который часто реализуется в апелляции к возлюбленной: «Ты помнишь этот берег, окаймленный / Ее широкой снежною грядой?» («Отрывок», 1901); «Но ты помнишь, как ты отворила / Дверь на лунный свет?» («Тихой ночью поздний месяц вышел», 1916). Лирический герой обращается к женщине, отделённой от него и от события пространством и (или) временем. Другими словами, он не может получить ответа на свои вопросы, да и не ждёт их.

В стихотворении «В столетнем мраке черной ели» (1907) герои находятся в одном хронотопе, однако это не делает их диалог возможным:

И ты играла в темной зале
С открытой дверью на балкон,
И пела грусть твоей рояли
Про невозвратный небосклон,
Что был над парком, — бледный, ровный,
Ночной, июньский, — там, где след
Души счастливой и любовной,
Души моих далеких лет.

На протяжении лирического монолога меняются представления о ролях «я» и «ты». Сначала «ты» кажется адресатом, которому направлено стихотворное

послание, но затем выясняется, что «ты» является и адресантом послания музыкального, направленного «душе моих далеких лет». Другими словами, чувства героев кажутся направленными друг другу. Но, как это бывает у И.А. Бунина, диалог между людьми, когда-то любившими друг друга, не состоялся, так как их чувства не совпадают во времени: «той души», к которой обращена «грусть рояли», уже нет, и послание лирического героя — о «невозвратности», «далёкости» былых чувств.

Такого рода несовпадения приводят к тому, что лирическому герою И.А. Бунина неважно, слышит ли возлюбленная его высказывания. Поэтому лирический герой может обращаться к спящей («Ты спала...» («Нынче ночью кто-то долго пел», 1899)) и к умершей женщине («Откуда же являешься ты мне? / Зачем же воскресаешь ты во сне, / Несрочной прелестью сияя...» («Печаль ресниц, сияющих и черных...», 1899); «И ко мне долетает / Свет улыбки твоей <...> / Разве ты одинока? Разве ты не со мной? / В нашем прошлом, далёком, / Где и я был иной?» («Там, в полях, на погосте...», 1908); «Но образ твой теперь уже в тумане» («Спокойный взор, подобный взору лани...», 1901)). В этих стихотворениях всё точно так же, как в других, обращённых к возлюбленной: есть «ты», обращения к ней, риторические вопросы, восклицания. Это ещё раз подтверждает верность наших предположений о замкнутости любовной лирики И.А. Бунина, в которой, как правило, коммуникативный акт как межличностное общение отсутствует, так как для лирического героя важно не общение с любимой, а понимание своих чувств по отношению к ней.

В рамках статьи нам не удалось рассмотреть все возможные «ты» в лирике И.А. Бунина. Дальнейшая задача исследования — изучить другие «ты»: «ты» обобщённое, включающее или не включающее говорящего, «ты» — другой и прежде всего наиболее частотное в лирике И.А. Бунина «ты» — не-лицо.

Подведём итоги. Мы рассмотрели две функциональные разновидности «ты» — 1) в автокоммуникативных стихотворениях, где адресант и адресат совпадают по существу, и 2) в любовной лирике, где «ты» — любимая, возлюбленная. В связи с этим нуждается в уточнении референциальное значение «ты» в большинстве стихотворений любовной лирики. Это не реальное «ты», находящееся за пределами стихотворного текста, это «ты» в сознании лирического героя, риторическое «ты» (по аналогии с риторическими вопросами и риторическими обращениями). И нет не только общения между «я» и «ты», нет и надежды на то, что «ты» услышит сообщение, так как нет даже иллюзии живой коммуникации.

Другими словами, хотя внешне любовная лирика И.А. Бунина и находится в русле классических стихотворных жанров, её сущность иная: идеальным читателем своих любовных посланий является сам отправитель, так как их назначение — не донести свои мысли и чувства до кого-либо, а самому разобратся в них.

Библиографический список

Источники

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Моск. рабочий, 1993. 540 с.

Литература

2. Геймбух Е.Ю. Концепция адресата в лирической прозаической миниатюре // Nutg lingvistikasi (Проблемы лингвистики): сб. ст. Самарканд: СамГУ, 2006. С. 72–73.
3. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / под ред. Л.И. Баранниковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2009. 127 с.
4. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. С. 159–166.
5. Русская грамматика: науч. тр.: в 2 т. Т. 1. М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. 784 с.

References

Istochniki

1. Bunin I.A. Sobr. soch.: v 8 t. T. 1. M.: Mosk. rabochij, 1993. 540 s.

Literatura

2. Gejmbux E.Y. Konceptiya adresata v liricheskoj prozaicheskoj miniatyure // Nutg lingvistikasi (Problemy' lingvistiki): sb. st. Samarkand: SamGU, 2006. S. 72–73.
3. Gol'din V.E. Obrashhenie: teoreticheskie problemy' / pod red. L.I. Barannikovej. 2-e izd. , ispr. i dop. M.: URSS, 2009. 127 s.
4. Lotman Yu.M. Avtokommunikaciya: «Ya» i «Drugoj» kak adresaty' // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo–SPB, 2000. S. 159–166.
5. Russkaya grammatika: nauch. tr.: v 2 t. T. 1. M.: In-t rus. yazy'ka im. V.V. Vinogradova RAN, 2005. 784 s.

O.M. Gordeeva

The Personal Pronoun «You» and the Functional-semantic Field of the Address in I.A. Bunin's Lyrics

The article studies the role of second-person singular pronouns in the functional-semantic field of address in I.A. Bunin's lyrics. The personal pronoun «you» is regarded as a structural element in expressing the contradictory unity of the perceiving consciousness in the lyrics.

Keywords: I.A. Bunin's lyrics; functional-semantic field of address; personal pronoun.

Т.В. Бушнева

Предсмертные песни *дзисэй* в контексте древней японской поэзии

Данная статья посвящена рассмотрению одних из наиболее ранних японских предсмертных песен (*дзисэй*), сложенных древними героями и поэтами.

Ключевые слова: японская поэзия; *дзисэй*; Манъёсю; Нихон сёки.

Принято считать, что традиция создания предсмертных стихов получила особое развитие в Японии ещё в Средние века. Поэты, буддийские монахи и воины-самураи, предвидя собственную смерть, слагали короткие стихи (*дзисэй-но ку* — «предсмертный стих», *дзисэй-но ута* — «предсмертная песня»), в которых передавали свои последние чувства и переживания. Предсмертные стихи писались и в поэтической форме китайских стихов *канси*, а позже — и в форме трёхстиший — *хокку*. Однако большинство из них было сложено в форме пятистиший — *танка*.

Научные изыскания отечественных и зарубежных учёных свидетельствуют о том, что корни этой поэтической традиции необходимо искать в древнеяпонской литературе. Вот как об этом пишет американский японовед А. Моррис: «Традиция прощальных поэм берет свое начало в наиглубочайшем прошлом страны, и вряд ли хоть один японский герой, начиная с Ямато Такэру в легендарные времена и до пилотов-камикадзе в недавнем прошлом, умирал, не оставив поэтического прощального слова миру. Такие стихи редко бывали высшего сорта, однако, как бы эти речи расставания ни уступали в элегантности и просодическом мастерстве, они всегда отображали искренность чувств, отличавшую истинного героя» [7].

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным более подробно рассмотреть одни из наиболее ранних *дзисэй*, сложенных древними героями и поэтами. Первое предсмертное стихотворение принадлежит легендарному богатырю Ямато Такэру (рубеж I и II веков н. э.), сыну императора Кэйко (71–130). Согласно древнему японскому своду «Нихон сёки», принц Ямато Такэру по настоянию своего отца участвовал во многих экспедициях по подчинению мятежных варварских племён и «наведению порядка в стране», благодаря чему снискал всеобщую славу. Он бесстрашно и умело справлялся со всеми возникавшими опасностями и преградами.

Возвращаясь в родные места из очередного похода против восточных племён *эмиси* («варваров»), Ямато Такэру встретил на своём пути жестокое и хитрое божество горы Ибуки. Отважный принц решил сразиться с чудовищем без оружия и не взял с собой свой непобедимый меч Кусанаги — священную реликвию,

полученную им от жрицы культа Амаэрасу. Разгневанное божество обрушило на Ямато Такэру ненастье. Поднялась сильная буря, гора покрылась туманом, но принц, не останавливаясь, продолжал свой путь. В конце концов чудовище отступило, однако герой был страшно измучен и обессилен. Достигнув равнины Нобо в северной провинции Исэ, Ямато Такэру сложил свои прощальные песни и умер [3: с. 251–256]. Наиболее известные из этих песен — первая и последняя:

倭は国のまほろばたたなづく青垣山隠れる倭しうるはし — «Земля Ямато — / Лучшая в стране. / Гор зелёные стены / Нависли одна над другой. / Окружена горами / Прекрасная земля Ямато» (пер. А.Н. Мещерякова).

嬢子（をとめ）の床の辺に我が置きし劍の大刀その大刀はや — «Возле постели / Женщины / Лежит / Мой меч. / О, этот меч!» (пер. А.Н. Мещерякова) [5: с. 18].

«Окружённая зелёными горами, прекрасная земля Ямато», о которой говорится в первой песне, — это юношеское воспоминание принца о родных местах. Всю жизнь он провёл вдали от дома в бесконечных сражениях, и вот, когда пришла пора возвращаться обратно, жизнь Ямато Такэру неожиданно приходит к завершению. В предсмертный час в памяти героя всплывают милые сердцу места, за которые он так боролся, и где его ждала семья [2: с. 3–5].

В последней песне принц вспоминает об оставленном мече Кусанаги. По словам А.Н. Мещерякова, этот меч являлся своего рода воплощением жизненного духа Ямато Такэру: «...свойства героев эпоса, равно как и мифа, определяются в значительной степени набором тех чудесных предметов, которыми они обладают. Теряя их, герои становятся беспомощными» [5: с. 18]. Таким образом, повествуя в песне о мече, Ямато Такэру, по-видимому, тем самым сокрушался об утрате жизненных сил и о своей печальной участи.

Совершенно другое, можно сказать, даже назидательное настроение содержат последние слова принца-регента Сётоку Тайси (574–622), записанные в храмовых летописях «Дайандзи гаран энги» на старом письменном языке камбун. Вот более современная их интерпретация:

財物は亡びやすくして長く保つべからず。ただ三宝の法は絶えずして長く伝ふべし — «Богатство хрупко и недолговечно! И лишь учение о Трёх Сокровищах — вот то незыблемое, что должно передаваться из века в век!» [2: с. 6].

Сётоку Тайси, сын императора Ёмэй (518–587), вошёл в историю Японии как истовый покровитель буддизма. В качестве регента при императрице Суйко (554–628) принц Сётоку провёл множество реформ, направленных на создание централизованного государства, идеологической основой которого стал буддизм.

Сётоку Тайси всячески содействовал распространению новой в те времена для Японских островов религиозной доктрины. Благодаря его поддержке в стране повсеместно строились буддийские храмы. Кроме того, принц-регент Сётоку составил толкования к нескольким сутрам. Так, он впервые в японской истории произнёс буддийскую проповедь о сутре «Сёмангё». Это кардинально

изменило отношение к тексту как таковому: «стали возможны его парафраз, компилирование из нескольких источников, комментирование» [5: с. 41].

Насажение буддийской доктрины стало одной из главных идей в жизни принца. Даже будучи на смертном одре, он говорил о своём искреннем желании всеми силами содействовать дальнейшему укоренению и процветанию буддизма в стране. Согласно предсмертной песне принца Сётоку, всё в этой земной жизни временно, в том числе и человеческая жизнь. Лишь только «учение о Трёх Сокровищах» является вечным, истинным благом. Последние слова принца — это не грустное прощание с жизнью, а скорее послание будущим поколениям.

Обращает на себя внимание и тот факт, что предсмертные песни как поэтический жанр нашли свое место и в первой японской поэтической антологии VIII века «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»). Второй свиток антологии открывают две предсмертные песни, принадлежащие перу принца Арима (640–658), сыну императора Котоку (597–654).

После смерти отца, Арима в возрасте 19 лет вступил в заговор против принца Наканооэ, будущего императора Тэндзи (626–671), известного по проводимым им реформам Тайка. В результате принц Арима был обвинён в мятеже и схвачен. Принца заключили под стражу и повезли в Муру на побережье полуострова Кии, где в то время находился Наканооэ. В провинции Ивасиро, по дороге, проходящей среди вековых деревьев, Арима сложил две свои предсмертные песни:

磐代の浜松が枝を引き結びま幸くあらばまた帰り見む — «Ветви пышные сосны прибрежной / Здесь, в Ивасиро, я завяжу узлом, / Если счастлив буду я в судьбе мятежной, / Снова к ней вернусь / И на неё взгляну!» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 141].

家になれば筈に盛る飯を草枕旅にしあれば椎の葉に盛る — «Если был бы я дома, / Я еду положил бы на блюдо, / Но в пути нахожусь я, / Где трава изголовьем мне служит, / Потому и еду я кладу на дубовые листья» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 142].

Совершенно очевидно, что песни принца Арима значительно отличаются от песен Ямато Такэру и принца Сётоку Тайси. В них нет идей государственности или рассуждений о бренности бытия. Наоборот, они больше тяготеют к ритуально-магической бытовой тематике. Не случайно в первой песне отражён обряд завязывания трав и ветвей деревьев (*куса-мусуби*), который в те времена был в Японии обычной практикой. Именно так тогда привлекали удачу, молили о счастье, благополучии, а также просили об исполнении желаний. В комментариях к песням «Манъёсю» А.Е. Глускина предполагает, что народный обычай *куса-мусуби* первоначально представлял собой магический акт удержания в теле человека души-*тама*, т. е. его жизненного духа. Не исключено, что печалась о своей судьбе, принц Арима совершил этот обряд в надежде на помилование. Однако вскоре он был безжалостно казнён.

Второй плач — это поэтическое послание к своей молодой жене. Как и в первой песне, здесь очевидна опора на магические ритуалы, совершаемые в то время в японском быту. Так, в песне повествуется о еде как о жертвенном подношении богам. Такие подношения во время ритуала было принято класть на специальное блюдо. Однако принц Арима находился в пути и вынужден был просить богов о благополучии, совершая жертвоприношение на дубовых листьях [2: с. 9–11]. Вероятно, песня запечатлела последнюю надежду принца на спасение, последнюю и иллюзорную надежду. Он так молит богов о благоприятном исходе, что, пренебрегая этикетом, всё равно совершает обряд подношения богам, хоть даже и на дубовых листьях.

Широкую известность также получила предсмертная песня выдающегося поэта «Манъёсю» Какиномото Хитомаро (конец VII – начало VIII века). О его жизни известно немного. Какиномото Хитомаро имел невысокое звание и служил при дворе императрицы Дзито (645–702), а позже при дворе императора Момму (683–707). Настоящую славу и признание он получил благодаря своей поэзии, главным образом, одам и элегиям, сложенным в жанре *нагаута* — «длинная песня». Большинство поэтических творений Хитомаро вошло в антологию «Манъёсю». Среди наиболее известных — песня на смерть жены и песня о заброшенной старой столице. Также особую ценность представляют народные песни в литературной обработке поэта [4: с. 170; 2: с. 13–14].

Последние годы своей жизни Хитомаро провёл в далёкой провинции Ивами, по-видимому, в ссылке. Предчувствуя собственную смерть и не имея возможности оповестить об этом свою жену, он сложил следующие строки: 鴨山の岩根しまける我れをかも知らにと妹が待ちつつあるらむ — «Возможно ль, что меня, кому средь гор Камо / Подножье скал заменит изголовье, / Всё время ждёт с надеждой и любовью, / Не зная ни о чем, / Любимая моя?..» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 223].

В песне можно выделить выражение 鴨山の岩根しまける («подножье скал Камо заменит изголовье»). Появление этого выражения в поэзии связано с древним японским погребальным обычаем, когда умерших людей относили в горы и оставляли там на скалах, не предав земле. Е.С. Бакшеев связывает такого рода обычаи с древними представлениями японцев о том, что душа-*тама*, поддерживающая жизненные силы человека, с возрастом угасает и постепенно покидает тело. Поэтому пожилой или больной человек, оказавшийся перед лицом смерти, попадал в некую «пограничную зону» и уже частично принадлежал миру мёртвых. И, наоборот, недавно умерший человек ещё некоторое время считался частью мира живых [6].

В плачах антологии «Манъёсю» можно встретить много названий реальных гор, служивших местом погребения. Среди них такие известные названия, как г. Хацусэ, г. Вадзука, г. Мива или Миморо, г. Сахо и др. В ряде таких *банка* напрямую говорится о смерти. Так, в отрывке из песни № 1801, сложенной около «кургана девы Унай из Асиноя», повествуется о том, что могила покойной была высечена в скале: 玉梓の 道の辺近く 岩構へ 造れる塚をたまほこの、みちの

のへちかく, いはかまへ, つくれるつかを — «На дороге, на пути, / Что отмечен был давно / Яшмовым копьём, / В твёрдой каменной скале / Сделана могила ей» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 1801].

В некоторых плачах-банка поэты прямым указанием на смерть предпочитали лирические выражения, говорящие о смерти намёком. Это придавало песням большую поэтичность и изящество. Так, в песнях-банка принцессы Тамоти, которые она сложила во время похорон своего возлюбленного, принца Коти, повествуется о месте его погребения — горе Кагами. В отрывке одной из песен принцесса говорит о горé, как о чертоге, который принц выбрал себе в качестве последнего пристанища: ...豊国の鏡の山を宮と定むる— «...В стране Тоёкуни / Кагами-гору ты / Своим чертогом сделал ныне!» (пер. А.Е. Глускиной) [1: № 417]. Такой же приём использовал в упомянутом нами раньше плаче и поэт Хитомаро, предсмертные строки которого наполнены чувством одиночества и тоской по любимой жене.

Как видно, предсмертные песни *дзисэй* — это особый жанр древней японской поэзии. Они представляли собой своеобразную кульминацию творчества поэта, который именно в этих стихах в концентрированном виде оставил потомкам то главное, что он познал за всю свою поэтическую жизнь. Это песни, которые рождались под ассоциативными впечатлениями, основывались порою на неосознанных, а порою на очень давних воспоминаниях. Они как последняя строка, в которой хочется выразить что-то сокровенное, может быть, самое главное в жизни.

Библиографический список

Источники

1. Манъёсю (Собрание мириад листьев): в 3 т. / пер. с яп., вступл., ст. и коммент. А.Е. Глускиной. М.: Наука, 1971–1972.
2. *Морита Киро, Нисидзава Масаси*. Дзисэй-но котоба дэ сиру нихонси дзинбуцу дзитэн (Биографический словарь выдающихся личностей в истории Японии сквозь призму их предсмертных песен дзисэй). Токио, 2009. 236 с.
3. Нихон сёки — анналы Японии. Т. 1 / авт. текста: Л.М. Ермакова, А.Н. Мещеряков. М.: Гиперион, 1997. Свиток 7. С. 251–256.

Литература

4. *Глускина А.Е.* Литература III–VIII вв.: [Японская литература] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 160–172.
5. *Мещеряков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. М.: Восточная литература, 1988. 142 с.

Интернет-ресурсы

6. *Бакшеев Е.С.* Обряд могари в истории японской культуры [Электронный ресурс]. URL: http://ru-jp.org/yaponovedy_baksheev_01r.htm (дата обращения: 05.01.2016).

7. *Morris A.* Благородство поражения. Трагический герой в японской истории. М.: Серебряные нити, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.link/book.php?book=95207>(дата обращения: 05.01.2016).

References

Istochniki

1. Ман'юсю (Sobranie miriad list'ev): v 3 t. / per. s yap., vstupl., st. i komment. A.E. Gluskinoy. M.: Nauka, 1971–1972.
2. *Morita Kiro, Nisidzava Masasi.* Dzisej-no kotoba de' siru nixonsi dzinbucu dzite'n (Biograficheskiy slovar' vy'dayushhixsya lichnostej v istorii Yaponii skvoz' prizmu ix predsmertny'x pesen dzise'j). Tokio, 2009. 236 s.
3. Nixon syoki — annaly' Yaponii. T. 1 / avt. teksta: L.M. Ermakova, A.N. Meshcheryakov. M.: Giperion, 1997. Svitok 7. S. 251–256.

Literatura

4. *Gluskina A.E.* Literatura III–VIII vv.: [Yaponskaya literatura] // Istoriya vseмирnoj literatury': v 8 t. / AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. T. 2. M.: Nauka, 1984. S. 160–172.
5. *Meshcheryakov A.N.* Geroy, tvorczy' i xraniteli yaponskoj stariny'. M.: Vostochnaya literatura, 1988. 142 s.

Internet-resursy'

6. *Baksheev E.S.* Obryad mogari v istorii yaponskoj kul'tury' [E'lektronny'j resurs]. URL: http://ru-jp.org/yaponovedy_baksheev_01r.htm (дата обращения: 05.01.2016).
7. *Morris A.* Благородство поражения. Трагический герой в японской истории [E'lektronny'j resurs]. M.: Serebryany'e niti, 2001. URL: <http://www.e-reading.link/book.php?book=95207> (дата обращения: 05.01.2016).

T.V. Bushneva

Death Poems of *Jisei*, in the Context of Ancient Japanese Poetry

The article is devoted to some of the earliest Japanese death poems (*jisei*) composed by ancient heroes and poets.

Keywords: Japanese poetry; *jisei*; Manyosyu; Nihon shoki.

И.В. Морозов

Философско-психологическая проблематика пьесы Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями»

Статья посвящена проблеме экзистенциального психоанализа в пьесе Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями». Мотивы экзистенциальной психологии в тексте пьесы позволяют проследить необходимость выбора, определяющую бытие персонажей и их мировидение. Писатель показывает влияние окружающих людей на становление человеческой личности. «Другие» — зеркало, которое отражает истинное «я» человека и объективно характеризует его поступки, демонстрирует итоги сделанного выбора, сыгравшего роль в собственной жизни и судьбе окружающих.

Ключевые слова: пространство и время; страх; метафорический палач; проблемы экзистенциального психоанализа.

Человек, как это подчёркивается в литературе экзистенциальной направленности, пребывает в мире одиночества [5]. Художественная литература создаёт целый ряд подобных образов, отражающих состояние индивида, который «слепо блуждает в темноте», ища спасения от «роковой предопределённости судьбы», как персонаж в одноимённой скульптуре немецкого экспрессиониста Э. Барлаха (1911) [3: с. 75].

Пьеса Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями» (1943) — типичная для его методологии. Главное в ней — наличие двух планов. С одной стороны, это — реальность, конкретные ситуации, с другой — философско-психологические аспекты, которые иллюстрируют каждой репликой или эпизодом категории экзистенциалистской философии. Пьеса состоит из одного действия; в ней — четыре персонажа: Коридорный, Гарсэн, Эстель и Инэс. Трое последних попадают в ад за грехи, содеянные когда-то в жизни. Несмотря на то, что все они в одной комнате, каждый из них погружён в свой мир: разговоры между собой не приносят им облегчения, а лишь усиливают душевную боль.

При жизни Гарсэн жестоко обращался со своей женой и в решающих ситуациях вёл себя как трус. Лесбиянка-интеллектуалка Инэс отбила у своего кузена его подругу, тот покончил с собой, бросившись под трамвай. Девушка от отчаянья отравила газом себя и Инэс. Обольстительная Эстель убила своего ребёнка и довела до смерти возлюбленного. Таким образом, эти три персонажа нанесли страшные душевные раны своим, ещё живым близким. Если сопоставить их грехи при жизни и мучения в аду, очевидна их схожесть. Ад для жены Гарсэна — это вечные измены, унижения, издевательства. Для кузена и его девушки — соблазнение, интриги Инэс, которые привели

к печальному концу. Для любовника Эстель — её эгоизм, трусость, зависимость от чужого мнения и чудовищное убийство маленького ребёнка. Все они испытали те же муки, что сейчас ощущают на себе герои пьесы.

Действие развёртывается в замкнутом пространстве — в гостиной, лишённой окон и зеркал, в 'скучном' стиле Второй Империи (1852–1870) [2: р. 14]. Попав в эту комнату, герои ожидают увидеть ад как-то по-своему. Все они испытывают чувство одиночества, эмоциональное состояние, присущее субъекту экзистенциальной ситуации, который тщетно пытается сориентироваться в неведомом мире.

Так, Гарсэн, оказавшись в гостиной, ищет орудия пыток: *Vous n'êtes pas sans savoir ce qu'on raconte là-bas? (Вы конечно, знаете, что там рассказывают?) <...> "Où sont les pals?" <...> Les pals, les grils, les entonnoirs de cuir* [2: р. 15]. (*А где же кол?*) <...> (*Кол, жаровни, медные воронки?*) [1: с. 165]. Избежав столкновения с адом, навязанным сознанию героев коллективным образом, персонажи готовы испытать пытки, знакомые каждому в жизни. Обречённый на вечные муки, каждый из персонажей выступает в качестве палача по отношению к ближнему. Неслучайно в комнате отсутствуют зеркала, ведь, глядя в глаза друг другу, герои неотвратимо проваливаются в бездну ада [2]. С каждой секундой, проведённой в аду, персонажи всё больше и больше подвергаются пыткам, и как ни пытаются, не могут остановить истязания, порождённые собственным сознанием и пробуждённые присутствующими в комнате.

В аду персонажи не могут спать, мучительная бессонница усиливает их душевную пытку. Отсутствие сна заставляет персонажей пьесы и зрителя разобраться в себе, т. е. представляет «пограничную ситуацию» уже не в жизни, а в аду. Персонажи пьесы совершали поступки, присущие любому человеку, попавшему в непростую жизненную ситуацию. Каждый из них думал, что происходящее — случайная ошибка. Герои задумываются, как такое могло произойти именно с ними. В итоге, чувство вины, самобичевание и бездействие приводят к неминуемой смерти души. Приведём характерный пример:

Garcin: Ma parole, elles sont atrophiées. <...> De vos paupières. Nous, nous battions des paupières. Un petit éclair noir, un rideau qui tombe et qui se relève: la coupure est faite. Vous ne pouvez pas savoir combine c'était rafraîchissant. Quatre mille petites evasions [2: р. 17]. (*Вот те на — да они атрофированы! <...> О ваших веках. Мы, мы моргаем. Мигнули, и всё: маленькая чёрная вспышка. Занавес падает и подымается вновь: вот и просвет! ... вы не можете себе представить, как это успокаивало. Четыре тысячи маленьких побегов...)* [1: с. 167].

Однако панацея от чувства вины всё же существует. Потребность мыслить и анализировать происходящее — вот два аспекта, которые предлагают человеку выход. С одной стороны, кажется, что герои вольны сделать выбор. У Гарсэна, как и у обеих дам, — два вида существования. Застывшее навсегда в прошлом — земное. И нынешнее — загробное, в котором они пребывают исключительно друг для друга и для Коридорного. Гарсэн не может никак изменить своего земного существования: «адское» положение потому и уникально, что

оно ставит персонажей в ситуацию несвободы, которая, по Ж.-П. Сартру, возможна лишь в том случае, когда человека уже нет в живых [5].

Большое значение в психологическом плане этой пьесы имеет время и место происходящего — хронотоп, который можно охарактеризовать как знак безвыходности, т. е. «стены». Налицо столкновение «объективного» и «субъективного» времени. «Объективное» время для персонажей — это нахождение в аду, «субъективное» же — это жизнь их близких или просто знакомых.

Estelle: Comme le temps passe vite, sur terre [2: р. 34]. (*Как быстро идёт время на земле*) [1: с. 182].

В реальности проходят месяцы, а в аду время течёт иначе. Здесь оно превращается в пытку, страшное оружие в руках палача. В соединении с одиночеством, страхом, виной, бессонницей, пониманием того, что герои — предмет постоянного наблюдения, мучающей жарой, которая всё невыносимее, — участь пленников этой комнаты-тюрьмы становится поистине ужасной.

Помещение, в котором находятся герои, также представляет интерес при анализе пьесы. Для персонажей — это комната, убранная как во времена Второй Империи, в сущности, это — средневековая пыточная. Никакие изошрённые инструменты не требуются, каждый герой — кладёз психологических знаний о пытках.

Inès: Je vous dis qu'ils ont tout réglé. Jusque dans les moindres détails, avec amour. Cette chambre nous attendait [2: р. 36]. (*Уверяю вас, всё подстроено. Всё до малейших деталей, очень тщательно. Эта комната нас ждала*) [1: с. 184].

Пространство, замкнутое в четырёх стенах, создаёт огромное моральное и психологическое напряжение, буквально подавляя героев. Бесплодна любая попытка героев спастись или облегчить свою участь. Бездействие и ожидание вызывают определённые психологические реакции у героев. Так, у Гарсэна начинается нервный тик, Эстель переживает приступ паники и не может совладать с собой, отрицая, что попала сюда за свои грехи.

Estelle: Je me demande même si ce n'est pas une erreur. Ne souriez pas. Pensez à la quantité de gens qui... qui s'absentent chaque jour. Comment voulez-vous qu'il n'y ait pas d'erreur. <...> S'ils se sont trompés dans mon cas, ils ont pu se tromper dans le vôtre [2: р. 39]. (*Не исключено, что это ошибка, — утверждает она. — Не смейтесь! Подумайте, сколько народу каждый день... становятся отсутствующими... Как же избежать ошибок! <...> Если они ошиблись в моем случае, могли же ошибиться и в вашем*) [1: с. 187].

Остальные персонажи считают слабость Эстель смешной. Всё это напоминает торжество правосудия над беззащитным обвиняемым, который пробует всеми правдами и неправдами освободиться от вины и свести всё к судебной ошибке. В данной ситуации перед нами эмоциональные реакции субъекта (Эстель), т. е. страх и одиночество. В одиночестве героиня пробует отстоять свою правоту. Остальные же для Эстель — палачи, которые способны привести приговор в исполнение.

Ж.-П. Сартр передаёт чувство паники, которое сравнимо с болезнью. Сначала болен только один человек, позднее заражённых уже трое. Даже

потешавшиеся над Эстель, другие герои, начинают припоминать свои ошибки, содеянные при жизни. Гарсэн, Эстель и Инэс пробуют разобраться, что привело их сюда, в ад. Узнать, где был поворот, за которым была пропасть. Это объясняется в тексте пьесы.

Inès: Entre assassins. Nous sommes en enfer, ma petite, il n'y a jamais d'erreur et on ne damne jamais les gens pour rien [2: p. 40]. (Да, мы все убийцы. Мы в аду, детка, ошибок здесь не бывает, и людей не осуждают на муки ни за что ни про что <...> Каждый из нас будет палачом для двоих других) [1: с. 188].

Анализируя ход мысли героев, мы понимаем, что Инэс вовсе не разделяет муки остальных: она, как скрытый судья, оглашает приговор остальным. Она отменяет попытки своих сокамерников пережить мимолётное облегчение. Инэс держит их в постоянном напряжении, желая обрести выход, два героя видят открытую дверь, через которую можно вырваться. Но едва они доходят до порога, она закрывается перед ними. Это лишь усиливает чувство ужаса. Если представить, что сознание — это комната, а все попытки оправдать себя — двери, то последние играют в жестокую игру с героями пьесы. Двери то открываются, то закрываются, а персонажи бессильны хотя бы проскользнуть в дверной проём.

Молчание и разговоры в пьесе — ещё два вида пыток в аду. Уйдя от общения и погрузившись в себя, герои не могут избежать любого диалога между персонажами или внутреннего диалога, при этом мысли резонируют в головах. Закрыв уши руками, Гарсэн не желает слушать, что происходит. Он слышит чужие и свои мысли, но не способен уединиться. Ничего не говоря, остальные догадываются, о чём он думает. А поскольку каждый персонаж — палач для другого, собственные мысли — также оружие против самого себя. Мысли материализуются, издают леденящий душу, пронзающий крик. Он словно летает по комнате, проходит через каждого персонажа, оставляет следы, затем растворяется в стене. Каждое слово — это крик. И неважно, молчат герои или нет, мысли разрывают их души изнутри.

Очередной пыткой становится принятие совершённого греха. Раскаяние — способ облегчить душевные муки, а правда даёт свободу. Возможно, так бы было в повседневной жизни, но не в аду. Герои решают «быть голыми как черви» [2]. Раскаяние, откровенность по отношению друг к другу — всё это ещё одна дверь, появившаяся где-то в комнате, — попытка вырваться на свободу.

Правда не освободила героев, поскольку очередная дверь громко хлопнула, появились два метафорических палача, «наточивших ножи». Откровенность — это лезвия, верёвки, дыбы, крюки, это — новое оружие, придуманное для причинения боли, которое не калечит тело. Это инструмент против разума, наносящий неисцеляемые раны. Каждый взмах издаёт звук и крик. Остаётся только гадать, чей это крик — человека или просто пронзающий звук карающего лезвия. Можно увернуться от ножа или кнута, но от звука — невозможно. Он — мгновенен, чтобы успеть среагировать. Услышав звук, герой сразу принимает удар.

Наверное, смысл чистилища заключается в принятии собственных грехов. Если душа бессмертна и может проживать не одну жизнь, муки ада существуют

для того, чтобы очистить её, позволить начать всё заново. Раскаяние в грехе и его искупление даруют избавление и разрушают кандалы несвободы. Ад — это тюрьма, в которой заключённый отбывает свой срок. Только персонаж не просто в клетке. Там такие же люди, как и сам заключённый, — узники-палачи-судья.

Однажды французский поэт А. Мишо произнёс фразу, созвучную с сюжетом пьесы: «В самый последний миг, когда в нас — потерявших себя, потерявших свою самость — не осталось уже ничего, мы вдруг сливаемся с чем-то чужеродным и, тем не менее, своим, единственным по-настоящему нашим» [4: с. 91].

Слившись с чем-то иным, герои видят не людей, попавших в ту же ситуацию, а палачей. Последние используют в своих целях время, замкнутость пространства, страх, мысли. Герои не покидают комнату, их пугает безвестность. Возможно, за её пределами хуже. Коридоры и комнаты на их этаже содержат людей, наказанных, очевидно, за аналогичные грехи. Лестницы — ступени на другие уровни. Они подобны кругам ада. Коридорный — это демон, жаждущий поймать душу, бродящую по этажу, и истязать её ещё больше.

Философский итог, вырастающий из происходящих в пьесе событий, может быть сведён к следующему. В духе философии экзистенциализма, которая реализуется в пьесе, Ж.-П. Сартр показывает читателю пытки, переносимые героями. К истязаниям можно отнести: страх; одиночество среди себе подобных; комнату, как замкнутое и непреодолимое пространство; время, как вечную повторяемость событий. Чудовищные страдания выступают в роли метафорического палача, проявляющего себя в молчании, разговорах, чтении чужих мыслей и ощущении себя на месте жертвы. Каждая пытка является началом следующего этапа истязаний, а всё происходящее получает реализацию в мрачной реплике Гарсэна: «Ад — это другие», с которой солидарен сам драматург [2: р. 93]. Пьеса «За закрытыми дверями» — характерный образец художественной методологии Ж.-П. Сартра, соединяющий события с философским подтекстом, когда буквально каждый эпизод является иллюстрацией того или иного тезиса экзистенциализма. В этом плане Ж.-П. Сартр — яркий продолжатель философской моралистики, которая составляет характерную национальную особенность французской литературы, представленной именами М. Монтеня, Б. Паскаля, М. Вольтера, А. Франса и А. Камю. Драматург, как показала данная пьеса, занимает в этой традиции достойное, выдающееся место.

Библиографический список

Источники

1. *Сартр Ж.-П.* Пьесы. М.: Флюид, 2008. 688 с.
2. *Sartre J.-P.* Huis clos. Paris: Gallimard, 2010. 253 p.

Литература

3. *Маркин Ю.П.* Эрнест Барлах: Пластические произведения. М.: Искусство, 1976. 320 с.
4. *Мишо А.* Поэзия. Живопись. М.: Рудомино, 1997. 158 с.

5. *Sartr Zh.-P.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2002. 640 с.

References

Istochniki

1. *Sartr Zh.-P.* P'esy'. M.: Flyuid, 2008. 688 s.
2. *Sartre J.-P.* Huis clos. Paris: Gallimard, 2010. 253 p.

Literatura

3. *Markin Yu.P.* E'rnest Barlax: Plasticheskie proizvedeniya. M.: Iskusstvo, 1976. 320 s.
4. *Misho A.* Poe'ziya. Zhivopis'. M.: Rudomino, 1997. 158 s.
5. *Sartr Zh.-P.* By'tie i nichto: opy't fenomenologicheskoy ontologii. M.: Respublika, 2002. 640 s.

I.V. Morozov

Philosophical and Psychological Problems in J.-P. Sartre's Play «No Exit»

The paper is devoted to the issue of existential psychoanalysis in Jean-Paul Sartre's play «No Exit». Throughout the play, we can trace the motifs of existential psychology. They help us trace the importance of choice, which determines the characters' existence and vision of the world. The author shows the impact of others on personality formation. «Other people» are the mirror that reflects one's true self and characterizes one's actions, shows the consequences of the choice made, which played a role not only in one's life, but also in the fate of others.

Keywords: space and time; fear; metaphorical executioner; issues of existential psychoanalysis.

А.Д. Павлова

К проблеме классификации фразовых частиц в миньнаньском диалекте китайского языка

Целью данной статьи является первичная классификация фразовых частиц диалекта миньнань китайского языка (КЯ) с последующей перспективой углубленного исследования генезиса и функций таких частиц как в самом диалекте (включая региональные варианты), так и в сравнении с частицами официального языка континентального Китая путунхуа.

Ключевые слова: диалекты китайского языка; фразовая частица; миньнаньский диалект; классификация частиц; модальные частицы.

Диалектная группа минь (闽 mǐn) стоит особняком среди всех диалектных групп КЯ [7]. Термин «минь» — древнее самоназвание народа [6: с. 446], проживавшего на территории современной провинции Фуцзянь и в восточной части провинции Гуандун, по названию реки в данном регионе — Миньцзян (闽江 Mǐnjiāng). Выделение местного говора в самостоятельный диалект относят к началу эпохи Западная Цзинь (265–316 годы) [6: с. 447], что лингвистически подтверждается наличием конечных инспираторных гласных [1], обозначаемых как m, n, ŋ, p, t, k, а также частично сохранившейся тоновой системой (в то время как отделение остальных диалектных групп КЯ относится к среднекитайскому периоду (с IV по XII век). В диалектах группы минь также сохранились элементы «дотанского» произношения китайского языка (т. е. до VII века н. э.) (в миньнаньском, в основном).

Диалектная группа минь занимает большую часть провинции Фуцзянь, часть провинции Гуандун, распространена на о. Тайвань и о. Хайнань, в провинциях Чжэцзян и Цзянси, в Гуанси-Чжуанском автономном районе, на юге Цзянсу и Аньхой. Группа делится на южноминьские (миньнаньские), восточноминьские (миньдунские), североиньские (миньбэйские), центральноминьские и несколько групп миньских диалектов на островах [2: с. 648]. Отличия внутри диалектной группы минь подтверждаются не только лингвистическими данными, но и результатами археологических раскопок, датированных периодом II–III тысячелетия до н. э., где уже можно было «выделить регионы, которые существенно отличаются между собой. Это центральный регион долины реки Миньцзян (миньбэйский диалект. — А.П.), в самом центре (миньдунский диалект. — А.П.) и резко отличающийся от него район к югу Сямэнь-Цзиньмэнь (миньнаньский диалект. — А.П.), которые можно тоже разделить на северную часть — район Сямэнь-Цзиньмэнь, и более

южную часть — район Дуншань, Мэйсянь, Дапу (у границы с хакка и кантонским диалектами. — *А. П.*)» [6: с. 183].

На диалектах группы минь говорит более 80 млн человек на территории КНР, в том числе более 60 млн на миньнаньском. О значимости этого диалекта свидетельствует то, что на нем было записано приветствие на золотой пластине, отправленной с космическим аппаратом «Вояджер» в 1977 году.

Необходимо отметить, что в речи носителей миньнаньского диалекта, проживающих на юге провинции Фуцзянь, в городах Сямэнь, Цюаньчжоу, Чжанчжоу, не только четко выделяются фонетические и лексические различия, что свойственно и другим диалектным группам КЯ. Проведенные нами исследования в г. Сямэне в ноябре 2014 года показали, что различия между говорами наблюдаются и в грамматике в таком аспекте, как фразовые частицы.

Фразовые частицы в миньнаньском диалекте. Опыт предварительных исследований

Общетеоретической основой исследования является предикационная концепция языка, предполагающая изучение языка как совокупности процессов порождения и восприятия речи (предикационных цепей) [3], а также более частная концепция позиционной морфологии [4], в рамках которой части речи в изолирующих языках рассматриваются не как словарно устойчивые классы лексических единиц, а как подвижные, либо «колеблющиеся» [4].

«Частица (助词) — позиция-маркер, с её помощью отмечается изменение грамматического или эмоционального значения единства, к которому частица присоединяется. “Единство”, в свою очередь, представляет собой синтаксическую / морфологическую позицию любого ранга: от элементарной, заполняемой лексической, фразеологической, непредикативно-синтаксической единицей (слово, фразеологизм, словосочетание), до предикативно-синтаксической (предложение). <...> Сентенциальные («фразовые») частицы (语气助词, 语气词, 句末助词) маркируют изменение соотношения адреса и модуса (указывают на изменение характера согласования деятельности между коммуникантами) при тождественном знаковом “наполнении” предложения, т. е. меняются модальность или стилистическая окраска высказывания» [5: с. 39].

В путунхуа (стандарт языка в КНР) фразовые частицы занимают позицию в конце предложения, или «по завершении коммуникативно значимой и выделяемой говорящим синтагмы (маркируют завершение топика или другие коммуникативно значимые логические паузы)» [5: с. 39]. Однако в миньнаньском диалекте фразовая частица может вводить топик, т. е. стоять в начале предложения (как в русском языке, например: «И что это ты делаешь?»), что не характерно для путунхуа и многих диалектов КЯ), при этом после неё отсутствует пауза, наличие которой во многих трудах называется одной из основных характеристик фразовой частицы.

Классификация фразовых частиц в миньнаньском диалекте

Данный диалект фактически не изучался в отечественной китаистике. В качестве теоретического материала в статье использованы работы китайских и западных лингвистов (диалектологов). Разные источники предлагают схожие варианты классификации частиц, которые в общем виде мы можем представить следующим образом:

- по происхождению фразовые частицы делятся на заимствованные из древнекитайского языка (尔, 乎, 不, 耶, 未, 无), имеющие общее происхождение с частицами путунхуа (啊, 呢, 啦, 嘛, 咧, 啰, 噢, 喽), и собственно диалектные (哼, 唧, 嚇, 口阁, 吹, 勿会, 口累, 吓);

- по фонетическому критерию выделяют пять основных групп частиц, основные значения которых выражают частицы: 尔, 乎, 无, 啊, 啦;

- с учётом критерия относительной синтаксической позиции отмечается: фразовые частицы могут находиться как в начале предложения, так и в конце фразового единства (в конце предложения или в середине сложного предложения); функции, которые выполняют фразовые частицы в начале предложения и в конце фразового единства, — различны. Некоторые фразовые частицы, употребляемые как в начале, так и в конце предложения, могут записываться одинаково, маркируя тем не менее отличные модальные значения;

- в зависимости от типа предложения фразовые частицы, используемые в начале предложения, могут употребляться во всех видах предложений; некоторые частицы, используемые в конце предложения, могут употребляться только в одном виде предложения. Фразовые частицы, употребляемые в повествовательном предложении: 尔, 啰, 喽, 啦, 口累, 耶, 啊, 嘛, 呢, 尔尔, 咧噢; вопросительном предложении: 乎, 耶, 不, 无, 未, 吓, 嘛, 呢, 啰, 嚇, 啊, 勿会, 口阁, 喽啦, 啦乎, 咧啦; побудительном предложении: 咧, 噢, 啊, 口阁, 啰, 呢, 嘛, 咧啦, 咧噢; восклицательном предложении: 啊, 口阁.

Данные фразовые частицы выделены в большинстве словарей миньнаньского диалекта [8; 9], грамматических справочниках и пр. Но работу с частицами затрудняет отсутствие стандартизированной записи (т. е. письменной нормы). Это типичное явление для диалектов КЯ, например, в кантонском для ряда частиц отсутствует вовсе иероглифическая запись. Незначительность иероглифического выражения для фразовой частицы вполне очевидна, но анализ материала различных говоров также показал, что и фонетическое выражение не всегда является достаточной основой для выделения новой частицы или отнесения её к уже известной. По результатам наших предварительных исследований было выявлено, что определяющим для частицы является её функция в предложении, и кросс-анализ (сопоставительный анализ, коммуниканты-носители разных говоров правили одинаковые предложения на миньнаньском диалекте, позже материалы были соотнесены и проанализированы) позволил выявить ряд соответствий и вариации использования. В результате удалось составить свою классификацию, разделив фразовые частицы на следующие группы:

- a 啊 (a5, a44, 仔a9, 抑ah7, ah8, 阿a1);
- bo 21, buo2, bo2 无;
- li, lia, nia 尔;
- ho44, ho乎, hon6, honh7 否, hoh7 呼;
- h021, heh2, henh7 嚇, hiah7, heh7 吓;
- bue41, bue9, bue 勿会;
- m, m9 不, 嘸, 唔;
- e2, ia2 耶;
- be 未;
- lo2 喽, 啰;
- o21, oo3 噢;
- le6, leh, le3 咧;
- hon, honh, hoh7 否;
- li呢, li9 哩.

Совпадения между сямэньским вариантом и вариантом Цюаньчжоу были обнаружены во всех группах, кроме m, m9 不 (только Сямэнь), e2, ia2 耶 (примеры отличаются, есть замены на le (累)), heh 嚇, lo2 喽, 啰 (только у Цюаньчжоу, в сямэньском заменено на 啊), o21, oo3 噢 (встречаются замены на ho 乎, heh, lo).

Почти полное совпадение было обнаружено в следующих группах: 啊, 无, 尔, 乎, 嚇, 咧, 否, 呢. Полное совпадение показали частицы: 未 и 勿会. Как мы уже отмечали ранее, первая частица относится к древнекитайскому, вторая — к собственной диалектной группе. Данные фразовые частицы с полным и частичным соответствием часто используются в письменной речи, а вот частицы, чаще встречающиеся в неформальном устном общении, крайне дифференцированы. Отсутствие единой системы записи фразовых частиц как в путунхуа существенно осложняет анализ частиц по материалам письменных источников. И выведенная нами классификация должна помочь на следующем этапе нашего исследования по выявлению соответствий между фразовыми частицами путунхуа и миньнаньского диалекта, кроме того, она даёт некоторое представление об их современном состоянии и употреблении в речи.

Таким образом, можно сделать выводы:

В отношении формы выражения: фразовые частицы, употребляемые регулярно в письменной речи, имеют более закреплённую иероглифическую форму, чем используемые в устной разговорной речи. В фонетическом выражении влияние изменения тона на функции существенно только для частиц, находящихся в переходном состоянии от знаменательных частей речи [4].

При общем сравнении явления фразовых частиц в миньнаньском диалекте и путунхуа можно констатировать, что в целом они похожи: могут «складываться» свои значения, т. е. возможно употребление двух частиц подряд, есть так называемые универсальные частицы, (мы также предполагаем, что имеет место явление фонетического изменения, и как следствие — иероглифического, как в случае с частицей a 啊 в путунхуа (呀, 哪), но этот вопрос ещё исследуется), существуют

переходные от знаменательной части, например 勿会, 无 и т. п., основное положение — в конце фразового единства и т. д. Но диалектные частицы имеют ряд особенностей, дополняющих понимание явления фразовых частиц в общем: тонированность частиц (что свойственно только знаменательным частям речи в путунхуа); они не сливаются, образуя новую частицу с частичным значением обеих, могут использоваться в начале предложения (возможно также сочетание частиц в начале предложения); существуют рамочные конструкции, когда одна частица (или сочетание) употребляется в начале предложения, а вторая частица (сочетание) — в конце фразового единства (например, в русском языке: Ну... же...). Эти и другие дополнения не только углубляют понимание фразовой частицы, но и дают теоретическую основу для более тщательного исследования этого явления в других диалектах КЯ и языках иной типологии.

Библиографический список

Литература

1. *Алексахин А.Н.* Теоретическая фонетика китайского языка: учеб. пособие. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 204 с.
2. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / под ред. М.Л. Титаренко. Т. 3. М.: Вост. лит., 2008. 855 с.*
3. *Курдюмов В.А.* Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М.: Воен. ун-т, 1999. 194 с.
4. *Курдюмов В.А.* Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд, 2005. 576 с.
5. *Курдюмов В.А.* Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 37–46.
6. *Лаптев С.В.* Предыстория и история народов вьет: археология нижнего Янцзы и юго-восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века: монография: в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. 607 с.
7. *Яхонтов С.Е.* Классификация диалектов китайского языка // Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л., 1966. С. 121–128.

Справочные и информационные издания

8. *Большой словарь диалектов китайского языка: в 5 т. / под ред. Сю Баохуа. Пекин, 1999. 7532 с. 汉语方言大词典, 许宝华主编, 北京, 1999. 7532页*
9. *Словарь миньнаньского диалекта / под ред. Чжоу Чжанцзи, Фуцзянь, 2006. 1344 с. 闽南方言大词典, 周长楫主编, 福建人民出版社, 福建, 2006. 1344页*

References

Literatura

1. *Aleksaxin A.N.* Teoreticheskaya fonetika kitajskogo yazy'ka: ucheb. posobie. M.: AST: Vostok-Zapad, 2006. 204 s.
2. *Duxovnaya kul'tura Kitaya: e'nciklopediya: v 5 t. / pod red. M.L. Titarenko. T. 3.*

M.: Vost. lit., 2008. 855 s.

3. *Kurdyumov V.A.* Ideya i forma. Osnovy' predikacionnoj koncepcii yazy'ka M.: Voen. un-t, 1999. 194 s.

4. *Kurdyumov V.A.* Kurs kitajskogo yazy'ka. Teoreticheskaya grammatika. M.: Citadel'-trejd, 2005. 576 s.

5. *Kurdyumov V.A.* Morfologicheskij uroven' kitajskogo yazy'ka kak izoliruyushhego topikovogo. Sushhnost' i sodержanie pozicii chasticzy' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 37–46.

6. *Laptev S.V.* Predy'storiya i istoriya narodov v'et: arxeologiya nizhnego Yanczy' i yugo-vostochnogo Kitaya perioda ot rannego neolita do rannego zheleznoogo veka: monografiya: v 3 t. T 1. M.: Izd-vo GOU VPO MGUL, 2006. 607 s.

7. *Yaxontov S.E.* Klassifikaciya dialektov kitajskogo yazy'ka // Issledovaniya po filologii stran Azii i Afriki. L., 1966. S. 121–128.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Bol'shoj slovar' dialektov kitajskogo yazy'ka: v 5 t. / pod red. Xu Baohua, Pekin, 1999. 7532 s. 汉语方言大词典, 许宝华, 中华书局, 北京, 1999. 7532页

9. Slovar' min'nan'skogo dialekta / pod red. Zhou Changji, Fujian, 2006. 1344 s. 闽南方言大词典, 周长楫主编, 福建人民出版社, 福建, 2006. 1344页

A.D. Pavlova

On the Problem of Classification of Phrasal Particles in Southern Min (Min Nan) Dialect of the Chinese Language

The paper provides an initial classification of sentence-final particles (phrasal particles) in the Southern Min dialect of the Chinese language, and, in prospective, a more profound subsequent study of the genesis and functions of suchlike particles in the dialect (including regional variants), and in comparison with the particles of mainland Mandarin Chinese.

Keywords: Chinese dialects; sentence-final particles (phrasal particles); Southern Min dialect; classification of particles; modal particles.

Д.В. Подрезова

История и ценности современной России в прецедентных именах

Статья посвящена прецедентным именам как важному элементу когнитивной базы любого этноса. Данные феномены являются частью знаний человека о мире, его предметном содержании и иерархии ценностей того или иного общества, определяющих отношение человека к реальности и его национальную идентичность. Дается описание эксперимента, проведенного в различных возрастных группах, результаты которого свидетельствуют об изменениях в когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества и отражаются в языковом сознании русской языковой личности.

Ключевые слова: прецедентное имя; языковая картина мира; языковое сознание; национальная идентичность; русская языковая личность.

Постановка проблемы. История любого этноса, все те события, которые остаются значимыми и для современных поколений, ценности, на которых в течение столетий выстраивалось мировидение и миропонимание того или иного народа, зафиксированы в языке и отражены в текстах: летописях, исторических документах, художественных произведениях, а также в паремиологическом фонде — пословицах и поговорках, представляющих собой один из вариантов концептуализации этнической языковой картины мира. Если рассматривать картину мира в общефилософском смысле, а именно как совокупность мировоззренческих знаний о мире и его предметном содержании, которыми обладает человек, то языковая картина мира отражает, прежде всего, иерархию ценностей того или иного общества, определяющих отношение человека к реальности. Именно благодаря исследованиям языковой картины мира можно говорить о специфике содержания когнитивной базы — определённым образом структурированной совокупности «знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [5: с. 113], обеспечивающей сохранение чувства национальной идентичности и передачу культурных ценностей нации от поколения к поколению. Существенным элементом когнитивной базы являются прецедентные феномены, изучение которых является одной из ключевых проблем в интенсивно развивающейся области современной лингвистики — лингвокультурологии, дисциплине, изучающей «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке» [5: с. 26], хотя следует подчеркнуть, что проблемой прецедентности в силу её междисциплинарного характера занимаются и учёные, работающие в иных парадигмах (например, работы Ю.Н. Караулова, Е.М. Верещагина, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелёва, С.Г. Воркачёва).

Традиционно под прецедентными феноменами (далее — ПФ) понимаются «культурные предметы», значимые «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4: с. 216]. Очевидно, что в силу вышеперечисленных свойств все ПФ отражают и определяют специфику национального характера в целом. Однако, как нам представляется, наиболее точным «зеркалом» глубинного содержания языкового сознания того или иного лингвокультурного сообщества, его ценностей, внутренних установок, целей и мотивов поведения общенационального языкового типа являются прецедентные имена (далее — ПИ), открывающие каждой личности в процессе её социализации «дверь» в мир тех экстралингвистических знаний, специфика которых определяется особенностями национальной культуры и истории [4; 5].

Связь с культурно-историческим развитием общества и национальным языком делает ПИ одним из основных объектов исследования в лингвокультурологии, в рамках которой глубоко изучены особенности его функционирования в речи, а также его структура, включающая в себя всю совокупность дифференциальных признаков (характеристик) и атрибутов (элементов, тесно связанных с ПИ) [5: с. 84]. Для психолингвистических исследований, в центре которых находится человек и его образ мира, ПИ представляют интерес, обусловленный сразу несколькими причинами: 1) ПИ может быть связано в сознании не только с текстом, но и с ситуацией, символом которой это имя является; 2) ПИ есть часть когнитивной базы (далее — КБ), т. е. инвариантной части картины мира; 3) за значением любого ПИ всегда стоят как лингвистические и феноменологические структуры [5: с. 84]; 4) ПИ отражает культурные ценности, однако в современном глобальном мире само понятие *диалога культур* оказывается довольно спорным [3: с. 199].

Анализ развития ценностей показывает, что в настоящий момент наблюдается, скорее, тенденция к смысловым сдвигам и созданию новых смыслов [3: с. 205], что не может не отражаться в «наборе» ПИ, входящем в национальную КБ; 5) содержание, стоящее в сознании отдельной личности за тем или иным словом, тем или иным культурным предметом (следовательно, и за ПИ), в значительной степени определяется её интеллектуальными характеристиками [1; 4: с. 36]. Последние две особенности, а именно создание новых смыслов (внешний фактор) и определённая степень зависимости содержания ПИ от интеллектуальных сил личности (внутренний фактор), проявляются, как мы предполагаем, не только в объёме их содержания, но и в том, что личностные предпочтения оказывают влияние на устойчивость и стабильность связей между понятиями в индивидуальном тезаурусе, которые могут изменяться под воздействием социальных и социолингвистических характеристик языковой общности, изменяя таким образом личную иерархию смыслов и ценностей. В этом случае именно «человек в совокупности

его индивидуально-психических характеристик, «врастающий» в свою культуру в процессе социализации», а в данном случае проявления его индивидуальности в содержании ПИ, накапливаясь, могут спровоцировать изменения в общей когнитивной базе и, соответственно, в инвариантной части структуры общенациональной языковой личности (см. [2: с. 80–89]).

Таким образом, совокупность описанных выше особенностей ПИ позволяет:

1) рассматривать его динамику в психолингвистической парадигме, учитывая деятельностный характер формирования значения слова как в сознании отдельной личности, так и в языковом сознании социума;

2) не только объяснять сложнейшие проблемы взаимоотношений языка, культуры и языковой картины мира, но и те изменения в когнитивной базе, которые отражаются в языковом сознании и могут быть выявлены экспериментальным путём.

Экспериментальное исследование прецедентных имён. Для исследования динамики содержания и номенклатуры ПИ, входящих в КБ общенациональной языковой личности, а также факторов, определяющих изменения инвариантной части структуры общенациональной языковой личности, был проведен эксперимент, включавший в себя несколько этапов.

На первом (предварительном) этапе, целью которого было выявление списка ПИ, общих для нескольких поколений представителей русского лингвокогнитивного сообщества, в эксперименте приняли участие 100 человек, из них 50 — студенты вузов, 50 — представители различных профессий, получившие среднее либо среднее и высшее образование в советский период.

Респондентами на втором этапе (основном эксперименте) выступили 250 человек, из них 150 — студенты вуза в возрасте от 18 до 25 лет, 100 — представители различных профессий (все участники эксперимента в этой группе имели высшее образование) в возрасте от 40 до 55 лет.

При разделении респондентов на группы учитывался критерий времени окончания средней школы (советский период и период после распада СССР).

Основными методами исследования являлись следующие (по классификации Б.Г. Ананьева) [1: с. 172–175]:

– метод анкетирования в разных возрастных группах и сравнительный метод («поперечных срезов»), позволивший сформировать окончательный список ПИ для дальнейшей работы;

– экспериментальные констатирующие методы;

– количественные и качественные методы для обработки полученных результатов;

– интерпретационные методы для теоретического объяснения полученных результатов.

Полученные результаты и их обсуждение. Уже на первом этапе при формировании списка ПИ были выявлены значительные расхождения между двумя группами. По результатам эксперимента, проведенного среди взрослых

участников, была сформирована следующая группа ПИ, включающая в себя как топонимы, так и имена собственные:

Топонимы: *Хатынь, Сталинград.*

Имена собственные: *Александр Матросов, Николай Гастелло, Алексей Мересьев, Норд-Ост, Салтычиха, Андрей Власов, Юрий Гагарин, Молодая гвардия, Илья Муромец, Гулливер, Обломов, Митрофанушка, Шариков.*

Важно отметить, что некоторые из ПИ респондентами-студентами не упоминались, более того, в ходе последующего интервьюирования было выявлено, что значительная часть этих имён студентам неизвестна.

Студенческая аудитория сочла прецедентными имена *Романа Абрамовича и Билла Гейтса, Жанны д'Арк, Казановы, Шрека, Шумахера, Хатико.*

Общими в обоих списках оказались имена *Ивана Сусанина, дяди Степы, Гитлера и Сталина, Павлика Морозова, Иуды, Бабы-Яги, Колобка, Емели, Иванушки-дурачка, Золушки, Отелло и Ромео, матери Терезы.*

Окончательно сформированный после проведённого анализа список ПИ на втором этапе был предъявлен уже иным группам респондентов — участникам основного эксперимента — с заданием дать ассоциации на каждое предъявленное слово. Обработка полученных ассоциативных реакций позволила смоделировать смысловое содержание ситуации или качества, обозначенное тем или иным именем, в языковом сознании участников, входящих в первую (студенческую) либо во вторую («взрослую») группы. Расхождения, проявившиеся на данном этапе эксперимента, были не менее значительными.

Так, если для «взрослой» группы ядром смыслового содержания имени *Илья Муромец* продолжают оставаться *непобедимость и могущество* земли Русской, то для студентов это имя ассоциируется только с *силой* наравне с именем *Геракла*. Смысловой доминантой имени *Иванушка-дурачок* в сознании современных студентов является *глупость*, *Павлика Морозова* — *предательство*, а олицетворением *верности* оказался персонаж японского фильма — собака *Хатико* (для второй группы *верность* — это *Хатико* и *Белый Бим Чёрное ухо*, герой одноимённого известного советского фильма).

Динамика смыслового содержания и формирование совершенно новых смыслов, стоящих за ПИ, входящими в когнитивную базу русского лингвокультурного сообщества, ещё более явно выявилась на третьем этапе эксперимента. В ходе данного этапа эксперимента респондентам был предложен список этических и социальных понятий, обозначающих важнейшие в истории любой страны события, качества человека, традиционно высоко оцениваемые либо осуждаемые в культуре: *честь, достоинство, мужество, предательство, героизм, жестокость, преданность, невежество, патриотизм, успех, трагедия, победа*. Каждое из предъявленных слов сопровождалось списком ПИ, составленным с учётом результатов предыдущих этапов эксперимента. Респондентам каждой группы было предложено выбрать из данного списка то ПИ, которое в наивысшей степени отражает смысл данного феномена.

В результате было выявлено, что для респондентов, получивших образование в советский период, символом *мужества* являются ПИ *Алексей Мережьев, Сталинград и Николай Гастелло, патриотизма — молодогвардейцы, предательства — Иуда, Андрей Власов и Степан Бандера, невежества — Митрофанушка и Шариков.*

В понимании современных студентов олицетворением *мужества* и *патриотизма* является имя *Юрия Гагарина, предательства — Иуды и Павлика Морозова, невежества — Pussy Riot и Ксении Собчак. Достоинство* воплощено в имени *матери Терезы и Мерилин Монро* (для старшей группы — в именах *Андрея Сахарова и Сергея Королева*), а *трагедии — в баинях-близнецах в Нью-Йорке* (для старшего поколения — *Норд-Ост, Хатынь и Саласпилс*).

И не менее примечательным оказалось имя, выбранное подавляющим большинством в обеих группах как ПИ, определяющее успех, — *Билл Гейтс* (вторым по результатам оказалось ПИ — *Роман Абрамович*).

В целом результаты показывают следующее:

1. Современные студенты не знакомы с именами, которые используются в качестве прецедентных представителями старшего поколения.

2. В языковом сознании молодых людей значения таких понятий, как *мужество, патриотизм, достоинство, честь* и т. п., размыто, а в ряде случаев эти слова оказываются семантически пустыми.

3. На выбор ПИ, которое обозначает определённое содержание либо определённую ситуацию, в большинстве случаев решающее влияние оказывают не культурные ценности, а ценности, пропагандируемые в современном обществе через различные источники.

4. История страны и русская литература всё реже становятся источниками, пополняющими список ПИ.

Выводы. Проведённое исследование показывает: инвариантная часть когнитивной базы, которая в значительной степени и определяет общерусский национальный тип, в настоящий момент активно изменяется, что подтверждается изменением номенклатуры ПИ. Ценности и события, значимые для русского лингвокультурного сообщества, перестают связываться в языковом сознании молодежи с именами из русской истории, культуры и литературы, их олицетворявшими. Одновременно изменяется и смысловое содержание понятий, обозначенных именем (*Ксения Собчак и Салтычиха — невежество, Билл Гейтс и Роман Абрамович — успех* и т. д.). Но, как нам представляется, наибольшие опасения вызывает тот факт, что одновременно со «стиранием» из КБ имён, обозначающих важные вехи в истории нашей страны, сама история и культура начинает кардинально изменяться, что вполне может привести к трансформации русской языковой личности.

Библиографический список

Источники

1. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; [Ин-т языкознания РАН]. М., 2008. 51 с.

Литература

2. Бубнова И.А., Красных В.В. Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 80–89.

3. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Кулагина О.А. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. С. 196–230.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

References

Istochniki

1. Bubnova I.A. Struktura sub'ektivnogo znacheniya slova (psixolingvisticheskiy aspekt): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19; [In-t yazy'koznaniya RAN]. M., 2008. 51 s.

Literatura

2. Bubnova I.A., Krasny'x V.V. Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremenny'x integrativny'x issledovaniy: tradicii i novacii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 80–89.

3. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Kulagina O.A. Semiometriya refleksii o cennostyax sovremennogo obshhestva // Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya. M.: Tezaurus, 2011. S. 196–230.

4. Karaulov Yu.N. Russkiy yazy'k i yazy'kovaya lichnost'. M.: LKI, 2010. 264 s.

5. Krasny'x V.V. E'tnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya. M.: Gnozis, 2002. 284 s.

D.V. Podrezova

The History and Values of Modern Russia in Allusive Names

The article is devoted to allusive names as an important element of the cognitive base of any ethnic group. These phenomena are part of human knowledge about the world, its contents and the hierarchy of values of a society that determine a person's attitude to reality and its national identity. The description of the experiment conducted in various age groups is submitted. Its results indicate changes in the cognitive basis of the Russian linguistic-cultural community, which are reflected in the linguistic consciousness of the Russian linguistic personality.

Keywords: allusive name; linguistic picture of the world; linguistic consciousness; national identity; Russian linguistic personality.

**Человек и язык сквозь призму времени
(традиции и новые парадигмы):
информационно-аналитический обзор
материалов конференции
«Человек. Язык. Время»
(МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.)**

Научное мероприятие, состоявшееся в МГПУ, было приурочено к 85-летию основателя научной школы «Человек и его язык» Луизы Михайловны Скрелиной. Школа развивает идеи, на которых в 1974 году был основан теоретический семинар на базе кафедры романской филологии РГПУ им. А.И. Герцена: «Два полюса, вокруг которых группируются эти идеи, это — человек как носитель, творец языка и язык как принадлежность человека, его отличительное качество. По сути, мы всегда приближались к гоминизаторской сущности языка. Отсюда и темы наших семинаров, начиная с категории лица и постулатов антропологической лингвистики Г. Гийома и кончая проблемами истории языка, факторов языковой эволюции, а также методики преподавания языка во всех его аспектах» [5: с. 3–5].

Активное участие принимают в работе школы правопреемник и руководитель школы-семинара, зав. кафедрой романской филологии РГПУ им. А.И. Герцена, проф. Л.А. Становая. По традиции мероприятия школы проходят в вузах тех городов, где работают ученики Л.М. Скрелиной, в частности, в МГПУ в 2009 году состоялась конференция «Универсум языка и личности». Научная конференция 2015 года была организована кафедрой романской филологии и кафедрой французского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ. В рамках школы с докладами выступили специалисты из 23 городов России: Архангельска, Астрахани, Белгорода, Вологды, Екатеринбурга, Иркутска, Краснодара, Красноярска, Москвы, Нижневартовска, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Саранска, Таганрога, Тольятти, Тюмени,

Хабаровска, Челябинска, Ярославля. Отметим высокий уровень научного статуса участников, среди которых были представлены 7 заведующих кафедрами (Вологда, Москва, Тула, Омск, Оренбург, Саранск, Челябинск, Ярославль), с которыми директор Института А.В. Щепилова провела совещание по сетевому взаимодействию кафедр с МГПУ. Всего в научном мероприятии приняли очное участие 24 доктора филологических наук, 40 кандидатов филологических наук, 12 аспирантов.

Из ближнего и дальнего зарубежья приехали учёные из университетов Франции (Париж, Нанси, Лион), США (Чикаго), Польши (Катовице), Беларуси (Минск), Грузии (Батуми, Тбилиси), Абхазии (Сухум). В течение многих лет в работе школы участвуют специалисты по психосистематике из Сорбонны в лице известного европейского профессора Оливье Сутэ (Olivier Soutet). Данный университет также представлял профессор Амр-Эльми Ибраим (Amr Helmy Ibrahim). От исследовательского французского центра национального уровня из Лиона (CNRS-ATILF) участвовал А. Лаврентьев.

По приглашению руководителя школы проф. Л.А. Становой впервые приехал авторитетный французский профессор Жиль Рок (Gilles Roques), который в числе авторов большого научного коллектива участвовал в своё время в создании электронного словаря *Trésor de la langue française*. Отметим участие польского учёного из Силезского университета, профессора К. Квапиш-Осадник (Katarzyna Kwapisz-Osadnik), которая в качестве приглашённого профессора прочла до начала работы школы три лекции по когнитивной лингвистике и лингводидактике студентам, изучающим французский язык.

В рамках конференции американский профессор Бостонского университета, специалист по французской литературе и издатель, Жеральд Онигсблум (Gerald Honigsbloom) представил сборник научных статей на французском языке «Enseignement et apprentissage du français et du russe langues étrangères: parcours linguistiques et didactiques», изданный во Франции в рамках договора о сотрудничестве между МГПУ и Сорбонной [10].

Как следует из программы и материалов конференции [8], школа-семинар играет большую роль в профессиональном становлении целого поколения романистов, бережно и кропотливо воспитывая новые научные кадры и следуя принципам своего учителя в науке. О таких принципах в далёком 1996 году Л.М. Скрелина писала в личном письме Л.Г. Викуловой: «...я всё-таки буду до конца держать планку высоких требований. Ничего, из многих найдётся хотя бы один, который не только удвоит, но и поддержит в будущем то, чему я учу. Требовательность к себе и добросовестность, внимание к фактам и глубокое знание теории — вот что должно быть в основе научного исследования». Такая требовательность к учёному и ответственное отношение к делу наследованы многочисленными прямыми учениками Л.М. Скрелиной (8 докторов и 51 кандидат наук) и последователями школы, которые проявляют научную солидарность в форме публикаций, оппонирований, рецензий и отзывов на изыскания молодой ветви исследователей [12].

В рамках конференции состоялись интересные дискуссии на секциях и круглых столах, где обсуждались такие проблемы, как парадоксы языка; текст и скрипта; норма и узус; художественный текст: эпоха, культура, язык; история языка: статика / динамика, диахронии синхроний; универсум языка и личности: точки соприкосновения и взаимопроникновения; язык в пространстве и времени; формирование научного мировоззрения преподавателя-лингвиста.

Тематика докладов отражала различные области лингвистических исследований. Одной из актуальных для школы-семинара направлений традиционно является психосистематика, идеи которой нашли отражение в докладе проф. Л.А. Становой, обратившейся к вопросу о так называемом нулевом субъекте, рассмотрев в русле теории глоттогенеза Г. Гийома процесс движения от слова-предложения к слову применительно к истории формирования и эволюции французского языка [6: с. 345–352]. Постановкой вопроса о выражении отрицания без использования отрицательных частиц вызвало интерес выступление проф. О. Сутэ, где базой для рассуждений послужили понятия семасиологического и ономасиологического видов лингвистического анализа [11: с. 353–356]. С позиций психосистематики анализировался нарративный инфинитив в докладе доц. К.М. Илинского [8: с. 162–167]. Явления синонимии предлогов рассматривались проф. Т.Я. Кузнецовой [8: с. 214–217]. Проф. О.А. Турбина [8: с. 380–384] затронула проблему универсальности глубинных синтаксических структур в связи с анализом французского предложения классического периода. Особенности актуализации глагола *faire* в старофранцузском языке показал С.А. Кузичев, выявивший широкий спектр функций, связанный с изменением соотношения между лексическим и грамматическим компонентами в объёме значения глагола, что передаёт разную степень субдуктивности, градуируя значение от полного лексического до грамматического значения служебного глагола [8: с. 204–208].

Обозначенная в тематике конференции триада «человек – язык – время» обнаруживается в проблематике докладов. В докладе Л.Г. Викуловой, посвящённом проблеме легитимации научного филологического знания в XVII веке, представлен анализ первых этапов формирования Французской академии с позиций новой лингвистической парадигмы — историографии лингвистики [1: с. 68–75]. В рамках проблематики диахронических исследований проф. Т.Г. Игнатьева [2: с. 158–161] изложила базовые принципы анализа художественных текстов XII–XIII веков, которые позволяют расширить представления о специфике их интерпретации. Основным постулатом служит антропонимичность текста, что позволило автору ввести в обиход такую текстовую категорию, как «лицо художественное». Один из аспектов тематики — время — наиболее полно представлен в докладе Е.Ф. Серебренниковой, посвящённом исследованию фактора времени в динамике дискурса [4: с. 330–334]. Проблема разграничения объективного и субъективного времени, а также специфика отражения идеи времени в категории способа действия нашли своё отражение в докладе проф. Э.М. Рянской [3: с. 315–320].

Отметим, что на заседании секции «Текст и скрипта» были широко представлены научные результаты школы скриптологии д-ра филол. наук, проф. Л.А. Становой — в докладах А.Е. Лукиной, М.С. Воробей [8: с. 76–80; 232–235].

На секции, посвящённой проблеме формирования научного мировоззрения преподавателя-лингвиста, проф. А.В. Щепилова акцентировала интерес лингводидактов к проблеме создания учебного портфолио как компонента УМК, дающего новую динамику развитию проблемы оценивания и формирующего новое понимание самого процесса обучения [9: с. 408–415]. Особый интерес среди представленных материалов вызывает острая проблема повышения статуса, роли и популярности французского языка как второго иностранного, рассматриваемая проф. Е.Г. Таревой [7: с. 362–367]. Подчёркивается, что «одна из стратегий модернизации процесса обучения французскому языку как второму иностранному предполагает базирование на теории функциональной грамотности», обеспечивающей достижение уровня владения языком, минимально достаточного для профессиональной деятельности выпускников.

Значимым было представление опыта доц. Е.И. Черкашиной по преподаванию языка специальности в системе профессионального образования с учётом функциональной асимметрии мозга, предложившей новую модель лингвообразовательного процесса в технических вузах, которая базируется на интеграции лингводидактики и лингвоперсонологии в рамках личностно ориентированного обучения [8: с. 399–403]. Среди модифицирующих инноваций, способных повысить качество и эффективность иноязычного общения, межкультурного диалога, доц. Ю.Н. Глуховой [8: с. 95–97] была предложена методика телекоммуникационной технологии с использованием так называемого «Тележурнала» (Journal télévisé), представляющая одно из средств оптимизации работы студентов.

Результаты конференции показывают сохранение традиций в проведении научных форумов школы-семинара, преемственности идей и поколений, демонстрируют реализацию идей Л.М. Скрелиной, отмечавшей в своих работах значимость сопоставления различных подходов и теоретических решений при изучении языковых и лингводидактических явлений.

Библиографический список

Литература

1. *Викулова Л.Г.* Легитимация научного филологического знания (XVII век, Франция) // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 68–75.
2. *Игнатьева Т.Г.* Теоретические основания анализа диахронического текста // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 158–161.
3. *Рянская Э.М.* Способы действия: параметры времени // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной с международным

участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 315–320.

4. *Серебрянникова Е.Ф.* Фактор времени в динамике дискурса: способы «финализации» смысла // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 330–334.

5. *Скредина Л.М.* О роли лица и субъекта в речевой деятельности // Человек и его язык: тезисы. Петрозаводск: ППГУ, 1991. С. 3–5.

6. *Становая Л.А.* К вопросу о так называемом *sujet nul* (null subject) во французском языке // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 345–352.

7. *Тарева Е.Г.* Обучение французскому языку как второму иностранному: к вопросу о функциональной грамотности // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 362–367.

8. Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. 428 с. URL: <http://skrelina.ru>.

9. *Щешилова А.В.* Потенциал языкового портфеля как компонента УМК по иностранному языку: образование и контроль обученности // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 408–415.

10. Enseignement et apprentissage du français et du russe langues étrangères: parcours linguistiques et didactiques: Cahiers franco-russes de linguistique et de la didactique. Albi: Editions multilingues FRAction, 2014. 213 p.

11. *Soutet O.* Nier sans negation // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с международным участием (МГПУ, 16–18 сентября 2015 г.). М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. С. 353–356.

Интернет-ресурсы

12. Школа-семинар Луизы Михайловны Скрединой «Человек и его язык» [Электронный ресурс]. URL: <http://skrelina.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

References

Literatura

1. *Vikulova L.G.* Legitimaciya nauchnogo filologicheskogo znaniya (XVII vek, Franciya) // Chelovek. Yazyk. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazyki narodov mira; TEZAURUS, 2015. S. 68–75.

2. *Ignat'eva T.G.* Teoreticheskie osnovaniya analiza diaxronicheskogo teksta // Chelovek. Yazyk. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazyki narodov mira; TEZAURUS, 2015. S. 158–161.

3. *Ryanskaya E.M.* Sposoby' deistviya: parametry' vremeni // Chelovek. Yazyk. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm

uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; TEZaurus, 2015. S. 315–320.

4. *Serebrennikova E.F.* Faktor vremeni v dinamike diskursa: sposoby' «finalizacii» smy'sla // Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; TEZaurus, 2015. S. 330–334.

5. *Skrelina L.M.* O roli licza i sub''ekta v rechevoj deyatelnosti // Chelovek i ego yazy'k: tezisy'. Petrozavodsk: PPGU, 1991. S. 3–5.

6. *Stanovaya L.A.* K voprosu o tak nazy'vaemom sujet nul (null subject) vo francuzskom yazy'ke // Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; TEZaurus, 2015. S. 345–352.

7. *Tareva E.G.* Obuchenie francuzskomu yazy'ku kak vtoromu inostrannomu: k voprosu o funkcional'noj gramotnosti // Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; TEZaurus, 2015. S. 362–367.

8. Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; TEZaurus, 2015. 428 s. URL: <http://skrelina.ru>.

9. *Shhepilova A.V.* Potencial yazy'kovogo portfelya kak komponenta UMK po inostrannomu yazy'ku: obrazovanie i kontrol' obuchennosti // Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; TEZaurus, 2015. S. 408–415.

10. Enseignement et apprentissage du français et du russe langues étrangères: parcours linguistiques et didactiques: Cahiers franco-russes de linguistique et de la didactique. Albi: Éditions multilingues FRAction, 2014. 213 p.

11. *Soutet O.* Nier sans negation // Chelovek. Yazy'k. Vremya: materialy' XVII konferencii Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunarodny'm uchastiem (MGPU, 16–18 sentyabrya 2015 g.). M.: MGPU; Yazy'ki narodov mira; TEZaurus, 2015. S. 353–356.

Internet-resursy'

12. Shkola-seminar Luizy' Mixajlovny' Skrelinoj «Chelovek i ego yazy'k» [E'lektroanny'j resurs]. URL: <http://skrelina.ru> (data obrashheniya: 15.01.2016).

*Л.Г. Викулова,
Э.М. Рянская*

**Международная научная конференция
«XIV Виноградовские чтения.
Текст, контекст, интертекст»
(МГПУ, 16–17 октября 2015 г.)**

Международная научная конференция «Виноградовские чтения», посвящённая выдающемуся филологу XX века академику В.В. Виноградову (1894–1969), традиционно проводится в Московском городском педагогическом университете с 1997 года с периодичностью один раз в два года (с начала 2000-х годов — на базе филологического факультета, а с 2011 года — Института гуманитарных наук). В организации научного форума принимают участие зарубежные вузы-партнёры МГПУ: Литовский эдукологический университет (Вильнюс), Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск), и с этого года — Вроцлавский университет (Польша).

Конференция собирает многих учёных, как зрелых, так и молодых, от академиков до аспирантов. Наш университет рос и становился более известным в России и за рубежом, и с ним «росли» Виноградовские чтения: от 3–4 десятков участников в конце 1990-х годов до двухсот и более человек в последние годы. Давно сложился круг постоянных участников из многих регионов России и мира, которые ждут новых встреч в Москве.

Конференция имеет междисциплинарную гуманитарную направленность: кроме филологических в ней появились исторические секции и круглые столы по философии. На обсуждение в профессиональном научном сообществе исследователей и педагогов высшей школы выносятся понятия текста, контекста и интертекста в многоаспектном освещении. Однако традиционно преобладает филологическая проблематика в русле изучения, продолжения и актуализации идей академика Виноградова.

16–17 октября 2015 года прошли очередные Виноградовские чтения. В соответствии с тематикой заявленных докладов (поступило 188 заявок) были сформированы 9 секций и 4 круглых стола, в которых приняли участие около 30 % докторов наук, профессоров, около 50 % кандидатов наук, доцентов, старших или ведущих научных сотрудников, а также аспиранты, преподаватели колледжей и школьные учителя. География участников (включая стендовые доклады и заочное участие), как всегда, обширна: 22 зарубежных докладчика (Литва, Беларусь, Польша, Венгрия, Украина, Казахстан,

Узбекистан, Китай и Корея), 24 — из регионов России (Брянск, Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Новосибирск, Орел, Петрозаводск, Псков, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тверь, Тула, Чебоксары, Челябинск, Ярославль и др.). Около 40 участников — представители образовательных организаций и академических институтов московского региона: МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский государственный лингвистический университет, Московский педагогический государственный университет, Московский государственный областной университет, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького, Институт языкознания РАН и др. Остальные участники — преподаватели и аспиранты МГПУ.

На открытии форума с приветственными словами выступили первый проректор МГПУ академик РАО Е.Н. Геворкян и представители вузов-партнеров. Своими воспоминаниями об академике Виноградове поделился его непосредственный ученик и последователь, основатель научного направления лингвострановедение В.Г. Костомаров — академик РАО, президент ГИРЯ им. А.С. Пушкина, экс-президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), главный редактор журнала «Русская речь».

В секции *«Структура и функционирование поэтического текста»* выступили учёные из Москвы, Ярославля, Новосибирска, Смоленска. Тематика докладов связана с творчеством русских поэтов XVIII–XX веков. Особый интерес вызвали доклады Е.В. Никкаревой о литературном романсе первой половины XIX века как «вторичном» тексте, Е.Ю. Куликовой об экзотической строфической форме в лирике Н. Гумилева, Л.Г. Кияниди об интертексте в поэзии Вяч. Иванова, А.Ю. Чайниковой о лирике А. Галича (с опорой на опыт аспирантки как учителя русского языка и литературы в школе), Е.Р. Тыриной о творчестве поэта-эмигранта Б. Филиппова (с привлечением малоизвестных архивных материалов), Т.А. Матаненковой о православных традициях в творчестве современной поэтессы И. Ермаковой. В работе секции приняла участие аспирант-стажер Лу Вэнья (КНР) с докладом, наглядно показавшим мировое значение русской литературы, в частности, творчества Б.Л. Пастернака. О.Ю. Казмирчук представила новую интерпретацию стихотворения «Гамлет» в широком контексте творчества Пастернака.

В секции *«Поэтика и интерпретация прозаического текста»* прозвучали доклады, посвящённые разным аспектам изучения поэтики и проблемам интерпретации творчества Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, С.В. Максимова, В.А. Гиляровского, прозы русского зарубежья, Серебряного века, советского и постсоветского периода, публицистики. Наиболее запоминающимися и убедительными в подсекции XIX века были доклады Н.В. Новиковой из Саратовского университета об интерпретации чеховского

наследия А.П. Скафтымовым с опорой на новый, ранее не известный материал из рукописного наследия учёного, Т.С. Карпачевой о проблеме интерпретации повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» в свете её нового прототипического источника, связанного с сектантской принадлежностью персонажей произведения, Т.Г. Дубининой о тургеневском интертексте в прозе А.П. Чехова — через ироническое освещение трагического значения любви. Наибольший интерес в подсекции XX–XXI веков вызвали доклады А.И. Смирновой о поэтике рассказа Г. Газданова «Гавайские гитары», А.В. Громовой о стиле повести Л.Ф. Зурова «Отчина», Л.И. Щелоковой об особом авторском стиле в публицистике И. Эренбурга 1941 года.

В секции «*Русская литература в межкультурном диалоге*» интерес вызвали доклады Д.В. Абашевой о литературном произведении в контексте традиционной духовности, С.П. Сорокиной об интертекстуальных связях фольклорного театра и живописи XIX века, Е.Ю. Полтавец о русском историософском романе в контексте новозаветной мифологии. Доклады Т.Н. Хриптуловой и Ю.В. Пяткиной, посвящённые неожиданным аспектам мифопоэтического прочтения произведений, вызвали оживлённую дискуссию. Во второй подсекции больше всего откликов аудитории вызвал совместный доклад Б. Двилевич и М.В. Романенковой (Литва) о двух переводах романа И.С. Тургенева «Рудин» на польский язык. Вопросы и суждения были связаны с методологией перевода, проблемой восприятия текста в инокультурной среде, ролью читателя в рецепции культурного наследия. Дискуссия получила продолжение в докладе Э. Тышковской-Каспржак (Польша) о восприятии прозы С. Довлатова в Польше. Литературный контекст демократической традиции перевода представила И.И. Мурзак, говоря о «Божественной комедии» Данте Алигьери в переводе Д.Д. Минаева, анализ национальной и философской природы мифологемы «дворянское гнездо» в структуре «географии» русской культуры — И.А. Беляева.

Вопросам изучения русского языка были посвящены секции «*Знак, текст, дискурс в теоретическом осмыслении и речевой практике*», «*Проблемы грамматики текста и грамматической системы русского языка*», «*Художественный текст: внутренняя структура и внешние связи*». В секционных докладах был представлен широкий круг проблем. В докладах А.В. Алексеева «История лексемы *трудъ*: от печали до подвига», С.В. Власовой (Литва) об определённости и вышеупомянутости (по текстам Успенского сборника XII–XIII веков) речь шла об истории языка. О развитии лингвистических традиций в русистике говорила Н.Ф. Злобина. Проблемам функционирования грамматической системы русского языка были посвящены доклады Н.М. Девятовой, Н.Ю. Муравьевой, Е.С. Ярыгиной. Специфику современного состояния русского языка рассматривали И.В. Баданина, Н.Н. Кошкарлова. Многие докладчики обратились

к функционированию языка в различных сферах реальной и виртуальной коммуникации (Л.В. Маркина и А.Д. Чернышева, Н.И. Миронова, Н.В. Исаева).

Традиционно вызвали интерес вопросы функционирования слова в художественном тексте — как в произведениях признанных классиков XIX–XX веков, так и у современных авторов, например, «Место концепта “Осень” в вербально-образной картине мира русского фэнтези» (А.Т. Грязнова), «Символические значения слов из тематической группы “ветер” в текстах В. Цоя» (Ц.-В. Громько).

В секции *«Функции языка в социально-информационном пространстве. Художественный текст в культурогенезе»*, организованной кафедрой зарубежной филологии, были заслушаны доклады Н.Д. Белоножко о языковых способах выражения оценочных смыслов, И.А. Бубновой о феномене «псакинга» — информационного искажения в передаче референтной ситуации, Л.Я. Зимана о проблеме перевода стихов К. Россетти на русский язык, влиянии характера перевода на восприятие произведения, А.С. Данилова о геомантии как факте арабской культуры при переносе и вхождении её элементов в европейскую культуру, О.В. Казаченко о работе языкового сознания в гуманитарных областях научного знания. Оживлённую дискуссию вызвали доклады М.Н. Николаевой о роли физической и социальной среды и художественного мировоззрения автора в формировании стиля ирландского поэта Ш. Хини, О.В. Труновой, выдвинувшей гипотезу об универсальности приёмов, существующих в разных художественных кодах, И.В. Шишканова о ценности метода зондажа общественного мнения для психолингвистического исследования.

Секция *«Текст, контекст и интертекст в методике преподавания филологических дисциплин в вузе и в школе»* объединила преподавателей образовательных организаций различного уровня, опытных и молодых методистов из Москвы, Новосибирска, Казахстана. В работе секции принял участие академик В.Г. Костомаров, под руководством которого состоялось обсуждение актуальных вопросов современной методики преподавания русского языка.

При подведении итогов работы секционного заседания участники пришли к выводу об актуальности темы конференции, так как текстоцентрический подход сегодня является одним из основных в преподавании филологических дисциплин в вузе и в школе на основе ФГОС. Было принято решение выступить с предложением о включении в тему следующей конференции понятия гипертекста, а также пожеланием сохранить существующие направления работы форума при расширении состава участников.

В работе секции *«Текст источника в контексте исторического исследования»* приняли участие учёные России, Италии, Кореи. Темы докладов затрагивали широкий круг проблемных вопросов источниковедения, методологии и методов работы с историческим источником. Например, текст как «поле»

столкновений смыслов и действий (И.Л. Андреев), экстралингвистические аспекты функционирования документного жанра XVIII века (на материале промеморий) (С.В. Русанова). Доклады касались актуальных вопросов истории России и зарубежных стран и охватывали период от античности до современности. С большим интересом участники секции сравнивали персонажей-всадников в Циркумпонтийском регионе (А.В. Щемелев) и рассматривали на слайдах реконструированные памятники в архитектурной среде постсоветской Москвы (Е.Е. Кувшинова).

Проблемы истории России исследовались в контексте широкого круга источников. История российских императоров второй половины XIX – начала XX века предстала в интерпретации С.Ю. Витте и его «Воспоминаний» (Л.Г. Орчакова), с привлечением архивов Российского Императорского Дома как нового источника (С.Г. Павлов). История Советского государства реконструировалась на основе литературных и периодических изданий агитпоездов в годы Гражданской войны (О.Н. Романова), через обращение к культурным проектам и дискурсу о революции в Советской России 1920–1930-х годов (Е.А. Токарева), к историографии изучения Великой Отечественной войны (М.Е. Набокина). Материалы русской православной миссии в США стали доказательными аргументами в докладе о социальной адаптации российских эмигрантов в конце XIX – начале XX века (Д.О. Куприн).

Было отмечено, что текст исторического источника остаётся основой доказательной базы исторических исследований, требует тщательного анализа и деликатного и взвешенного отношения.

В работе круглого стола *«Научные идеи В.В. Виноградова и отечественное литературоведение XXI века»* приняли участие преподаватели кафедры русской литературы. Они обратились к филологическим проблемам, которые разрабатывал В.В. Виноградов на протяжении всего творческого пути: к вопросам стиля и стилистики (М.Б. Лоскутникова), формирования категории автора (Г.И. Романова). Развитие идей В.В. Виноградова в контекстуальном аспекте было представлено при обсуждении вопросов взаимоотношений учёных — Виноградова и А.Н. Соколова (С.А. Васильев), Виноградова и М.М. Бахтина (в аспекте теории маски).

Круглый стол *«Русский литературный язык и современное языковое пространство»* объединил зрелых и молодых учёных, исследующих особенности современного коммуникативного пространства, разные типы дискурса в прошлом и настоящем, концептосферу современного русского языка.

На заседании круглого стола *«Взаимодействие литератур в мировом культурном пространстве»* участники обменялись мнениями о влиянии идей классиков мировой художественной литературы на проблематику произведений современных писателей.

Круглый стол *«Патриотический потенциал русской военной литературы (Философский аспект)»*, организованный кафедрой философии и религиоведения, был посвящён Году литературы в России и 70-летию Победы

в Великой Отечественной войне. Разговор получился насыщенным, начиная с полемического доклада А.Н. Полосиной о неоднозначном понимании патриотизма автором «Войны и мира», пафос которого был подхвачен Н.Н. Нифагиной в докладе о прозе военного журналиста, офицера Ф.Ф. Тютчева, участника Русско-японской войны 1902 года. Традиции батальной прозы в русской литературе осветила Л.И. Щелокова. Пять докладов было посвящено военной прозе периода Великой Отечественной войны. Поэзии М.Ю. Лермонтова и В. Высоцкого в аспекте преемственности поэтических традиций в осмыслении войны было посвящено выступление И.А. Бирич.

Итогом плодотворной работы представительного научного форума станут три тома материалов, готовящихся к печати.

И.Н. Райкова

Поздравляем с юбилеем Светлану Яковлевну Ромашину

Коллектив Института иностранных языков и редколлегия журнала «Вестник МГПУ» поздравляют с юбилеем доктора педагогических наук, профессора, заведующего кафедрой раннего изучения иностранных языков Светлану Яковлевну Ромашину!

Светлана Яковлевна внесла значительный вклад в педагогику, теорию и методику обучения иностранным языкам, раскрыв сущность и функциональную структуру дидактического коммуникативного воздействия учителя на класс с позиции гуманистической парадигмы образования, центрированной на человеке, впервые представив в своих трудах фасилитативную функцию учителя, способного гибко управлять учебной деятельностью, оказывать содействие и помогать развитию личности. Став основателем научной школы «Фасилитативная педагогика», Светлана Яковлевна Ромашина развивает идеи фасилитативного осмысленного учения по сравнению с традиционным обучением. Автор более 180 научных работ по проблемам качества образования и развития коммуникативной культуры педагога, она плодотворно сотрудничает с коллегами по решению актуальных задач в области педагогического общения, создавая атмосферу непринуждённости в отношениях с подчинёнными.

После окончания с отличием факультета иностранных языков Барнаульского государственного педагогического института (университета) Светлана Яковлевна была приглашена на должность ассистента кафедры английского языка. Изначально научным направлением деятельности в вузе для неё стала методика обучения иностранным языкам. Желание совершенствоваться в этом направлении привело в Москву. Обучаясь в аспирантуре на профильной кафедре при МПГУ в 1979 году, успешно защитила кандидатскую диссертацию. За годы работы в Барнаульском государственном педагогическом институте Светлана Яковлевна проявила себя как талантливый педагог, перспективный учёный и эффективный руководитель. В 1983 году в университете создается новая кафедра методики преподавания иностранных языков и доценту Ромашинной поступает предложение её возглавить. Так начинается новый этап в карьере молодого учёного. А через семь лет продуктивного заведования кафедрой методики преподавания иностранных языков ФИЯ поступает новое предложение ректората — возглавить педагогический факультет, на котором создавалась новая кафедра раннего изучения иностранных языков. В этот период в Алтайском крае проводился широкомасштабный эксперимент

по раннему обучению ИЯ. В течение 15 лет Светлана Яковлевна успешно совмещала заведование кафедрой с должностью декана одного из многопрофильных факультетов БГПУ. Стажировалась в Англии, США и Франции. В 2001 году защитила диссертацию на соискание учёной степени доктора педагогических наук под руководством И.А. Зимней, в 2003 году получила звание профессора. Профессиональную деятельность Светлана Яковлевна смогла сочетать с созданием крепкой семьи.

В 2004 году Светлана Яковлевна приглашается на работу в Московский городской педагогический университет. В 2006 году на базе факультета начальных классов она организует кафедру раннего изучения иностранных языков. Под научным руководством С.Я. Ромашиной защищено 15 кандидатских диссертаций, разработаны и успешно реализуются бакалаврские и магистерские программы.

Светлану Яковлевну характеризуют такие необходимые для педагога и руководителя качества, как ответственность, целеустремлённость, трудолюбие, требовательность к себе и другим, умение перспективно мыслить, видеть и своевременно решать проблемы. Она является истинным воплощением педагогических ценностей, описанных в её трудах, — настоящим педагогом — фасилитатором, способным направлять, оказывать содействие, продвигать и вдохновлять на успешную деятельность. С.Я. Ромашина обладает медитативной культурой, защищает интересы каждого, признавая приоритетность всех участников образовательного процесса, фокусируя внимание на возможностях, правах и обязанностях субъектов.

Высокий профессионализм Светланы Яковлевны сочетается в ней с прекрасными человеческими качествами. Искреннее внимание и забота, душевное тепло и доброта, которые Светлана Яковлевна дарит окружающим её людям, неизменно находят отклик в их сердцах.

За успехи в работе и большой вклад в развитие системы образования Светлана Яковлевна награждена знаком «Отличник народного просвещения», за заслуги в области педагогических наук медалью К.Д. Ушинского, за многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность в вузе удостоена высокого звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В настоящее время С.Я. Ромашина ведёт активную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность, полна творческих планов, выполнение которых не вызывает сомнений. С.Я. Ромашина — прекрасный педагог, надёжный друг, отзывчивый человек, пользующийся заслуженным уважением коллег и студентов.

Коллеги и ученики сердечно желают Светлане Яковлевне крепкого здоровья и активного творческого долголетия!

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2016, № 1 (21)

Баршт Константин Абрекович — доктор филологических наук, профессор ИРЛИ РАН.

E-mail: barsht@mail.ru

Борисова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории ИГН МГПУ.

E-mail: egbor@mail.ru

Борисова Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Elena_Borisova@quercus.ru

Бочкарёв Андрей Евгеньевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации гуманитарного факультета НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород).

E-mail: bochkarev.andrey@mail.ru

Бурмистрова Кира Алексеевна — доцент кафедры английского языка Международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли.

E-mail: golden_ka@mail.ru

Бушнева Татьяна Владиславовна — соискатель кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: fedotova.tv@gmail.com

Викулова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, замдиректора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Гордеева Ольга Михайловна — соискатель степени кандидата филологических наук кафедры русского языка и общего языкознания ИГН МГПУ.

E-mail: olg.gordeewa@yandex.ru

Дубинина Татьяна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Калинина Кристина Сергеевна — независимый исследователь.

E-mail: teleshovaks@gmail.com

Лучина Елена Вячеславовна — старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ; аспирант кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: le210594@yandex.ru

Матвеева Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: matv1@yandex.ru

Морозов Иван Вячеславович — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ, учитель иностранных языков в ГБОУ СОШ № 1212.

E-mail: ivan-ruchinkan@mail.ru

Мусукаева Анджелла Хамитовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

E-mail: aksinia_gm@mail.ru

Мякинина Оксана Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

E-mail: aksinia_gm@mail.ru

Павлова Алёна Дмитриевна — старший преподаватель кафедры китайского языка ИИЯ МГПУ; соискатель кафедры дальневосточных языков факультета иностранных языков Военного университета министерства обороны РФ.

E-mail: ahisha@mail.ru

Подрезова Дарья Вадимовна — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: podrezova.dascha@yandex.ru

Райкова Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: nikolavna@inbox.ru

Рянская Эльвира Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

E-mail: elohka2210@yandex.ru

Семакина Александра Андреевна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: lenor495@mail.ru

Ступникова Лада Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли.

E-mail: stlada07@gmail.com

Тырина Екатерина Романовна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: anidnalra@rambler.ru

Authors of «MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2016, № 1 (21)

Barsht Konstantin Abrekovich — Doctor of Philology, professor of the Institute of Russian Literature, RAS.

E-mail: barsht@mail.ru

Borisova Elena Georgievna — Doctor of Philology, full professor, professor of World History department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: egbor@mail.ru

Borisova Elena Sergeevna — PhD (Philology), senior assistant professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: Elena_Borisova@quercus.ru

Bochkaryov Andrey Evgenyevich — Doctor of Philology, docent, professor of Applied Linguistics and Intercultural Communication department, Faculty of Humanities, NRU Higher School of Economics (Nizhny Novgorod).

E-mail: bochkarev.andrey@mail.ru

Burmistrova Kira Alexeevna — associate professor of English department, International law faculty, Russian foreign trade academy.

E-mail: golden_ka@mail.ru

Bushneva Tatyana Vladislavovna — postgraduate of Japanese Philology department, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University.

E-mail: fedotova.tv@gmail.com

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, MCU, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Gordeeva Olga Mikhailovna — postgraduate of Russian Language and General Linguistics department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: olg.gordeewa@yandex.ru

Dubinina Tatyana Gennadyevna — PhD (Philology), associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Kalinina Krestina Sergeevna — independent researcher.

E-mail: teleshovaks@gmail.com

Luchina Elena Vyacheslavovna — senior assistant professor of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU; postgraduate of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: le210594@yandex.ru

Matveeva Irina Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: matv1@yandex.ru

Morozov Ivan Vyacheslavovich — postgraduate of Foreign Philology department, Institute of the Humanities, MCU; foreign languages teacher, of SBEI SCSch № 1212.

E-mail: ivan-ruchinkan@mail.ru

Musukaeva Angella Hamitovna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian and Foreign literature department, H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University.

E-mail: aksinia_gm@mail.ru

Myakinina Oksana Mikhailovna — PhD (Philology), associate professor of Russian and Foreign literature department, H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University.

E-mail: aksinia_gm@mail.ru

Pavlova Alena Dmitrievna — senior assistant professor of Chinese department, Institute of Foreign Languages, MCU: postgraduate of Department of Far Eastern languages, Faculty of Foreign languages, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation.

E-mail: ahisha@mail.ru

Podrezova Daria Vadimovna — postgraduate of Foreign Philology department, Institute of the Humanities, MCU.

E-mail: podrezova.dascha@yandex.ru

Raykova Irina Nikolaevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: nikolavna@inbox.ru

Ryanskaya Elvira Mikhailovna — Doctor of Philology, docent, professor of Linguistics and Translation department, Nizhnevartovsk State University of Humanities.

E-mail: elohka2210@yandex.ru

Semakina Alexandra Andreevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Human Sciences, MCU.

E-mail: lenor495@mail.ru

Stupnikova Lada Vladimirovna — PhD (Pedagogy), associate professor of English department, International law faculty, Russian foreign trade academy.

E-mail: stlada07@gmail.com

Tyrina Ekaterina Romanovna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Human Sciences, MCU.

E-mail: anidnalra@rambler.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещаются аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точка с запятой. Также указываются автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

6. Рукопись подаётся в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках, внешняя и внутренняя рецензии с заверенными печатью подписями рецензентов.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казенный пер., 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 1 (21), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 18.04.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Объём: 9,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.